

ФИЛОСОФИЯ:
ДИДАКТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ К АКТИВНЫМ
И ИНТЕРАКТИВНЫМ ФОРМАМ ОБУЧЕНИЯ
Учебное пособие

В пособии приводятся тексты философских источников, которые могут быть использованы для самостоятельной работы студентов, проведения семинарских занятий, аттестации на зачетах и экзаменах. Знакомство с фрагментами философских работ выдающихся мыслителей поможет студентам при ответе на вопросы интернет-тестов, а также позволит наполнить конкретным содержанием сформулированные в программе учебного курса общекультурные компетенции.

Данное пособие предназначено для студентов разных специальностей и для всех интересующихся вопросами философии.

Содержание

I. Западная философия

Античная философия

Платон	8
Аристотель	10
Эпиктет	12
Марк Аврелий	14
Сенека	16

Философия эпохи Средневековья

Августин Блаженный	17
Фома Аквинский	18
Пьер Абеляр	19

Философия эпохи Ренессанса

Николай Кузанский	21
Эразм Роттердамский	22
Лоренцо Валла	24
Мишель Монтень	26
Пико делла Мирандола	26
Джордано Бруно	28
Никколо Макиавелли	28
Томас Мор	33

Философия Нового времени

Философия эпохи научной революции XVII в.

Фрэнсис Бэкон	35
Томас Гоббс	38
Рене Декарт	39
Бенедикт (Барух) Спиноза	39
Блез Паскаль	44
Джон Локк	47

Философия эпохи Просвещения XVIII в.

Жюльен Ламетри	50
Жан-Жак Руссо	55
Франсуа Вольтер	56
Поль Гольбах	58
Клод Гельвеций	61
Шарль Монтескьё	65

Немецкая классическая философия и немецкий романтизм	
Иммануил Кант	66
Георг Гегель.....	68
Фридрих Шеллинг.....	69
Людвиг Фейербах.....	70
Фридрих Шлегель	74
Иоганн Гёте.....	75
 Философия XVIII–XIX вв.	
Роберт Оуэн	77
 Иррационалистическая философия XIX в.	
Артур Шопенгауэр.....	78
Фридрих Ницше	85
 Диалектико-материалистическая философия XIX в.	
Карл Маркс и Фридрих Энгельс.....	97
 Западноевропейская философия второй половины XIX–XX вв.	
Неокантианство	
Марбургская школа	
Эрнст Кассирер.....	106
 Психоанализ	
Зигмунд Фрейд	108
Карл Юнг	111
Эрих Фромм.....	115
Вильгельм Райх	120
 Гуманистическая психология (логотерапия)	
Виктор Франкл	123
 Экзистенциализм	
Жан-Поль Сартр	128
Карл Ясперс	131
 Философская герменевтика	
Ханс Гадамер	133
Андре Моруа.....	134
Ричард Бах.....	135

II. Русская философия

Русская философия 50–70-х гг. XIX в.

Лев Толстой 138

Русская философия всеединства

Владимир Соловьев 142

Павел Флоренский 144

Семен Франк..... 146

Русская религиозная философия XIX–XX вв.

Иван Ильин 149

Борис Вышеславцев 153

Николай Бердяев 156

Русский революционный материализм XIX – начала XX в.

Максим Антонович 165

Марксистская философия в России

Владимир Ленин..... 167

Теория эмпириомонизма и философия «организационных форм»

Александр Богданов..... 169

Философия в Советской России

Алексей Лосев 171

Василий Налимов..... 173

Эвальд Ильенков 175

Мераб Мамардашвили..... 177

Леонид Андреев 180

Дмитрий Лихачев 181

III. Восточная философия

Философия Древнего Китая

Конфуций..... 183

Индийская философия: Раджа-Йога и Агни-Йога 185

Предисловие

Успешное усвоение курса философии немыслимо без знакомства с произведениями выдающихся мыслителей. Для облегчения работы студентов с философскими источниками и предназначено данное пособие, которое содержит в себе фрагменты произведений европейских, русских и восточных мыслителей и систему вопросов, позволяющих вскрыть сущность их взглядов, логику рассуждений и аргументации.

Главными целями при изучении философских источников являются: 1) понимание сущности воззрений авторов и применяемых ими способов аргументации и доказательств; 2) умение воспроизвести основные идеи источника и овладение его понятийным аппаратом; 3) формирование у студента собственной позиции по отношению к взглядам авторов философских трактатов; 4) умение сформулировать свою точку зрения и выразить ее в письменном очерке – эссе; 5) приобретение навыков участия в дискуссии и способности отвечать на соответствующие данным текстам вопросы; 6) умение применять идеи выдающихся мыслителей к анализу актуальных проблем современности; 7) пробуждение у студентов интереса к самопознанию и совершенствованию своего духовного мира.

Тексты философских источников могут быть использованы для самостоятельной работы студентов и, в частности, для написания философского эссе по программе бакалавриата, а также для проведения семинарских занятий по философии или для специальных занятий по философским источникам (в виде индивидуального собеседования по выбранным фрагментам или коллективного обсуждения вопросов, позволяющих понять содержание изучаемых текстов). Представленный материал может быть успешно применен для аттестации студентов на зачетах и экзаменах.

Для уяснения сущности философского мировоззрения того или иного мыслителя студентам предлагаются вопросы: связанные с анализом конкретного высказывания; раскрывающие логику рассуждения автора произведения и сущность его философской позиции; стимулирующие выработку собственного мнения по рассматриваемой проблеме; ориентирующие студента на самопознание и самосовершенствование и т. д. Однако данное пособие, хотя и содержит обширный материал, естественно, не смогло вместить в себя всего богатства идей выдающихся мыслителей. Авторы пытались обратить внимание студентов на те мысли и идеи, которые так важны для молодого поколения, только вступающего в самостоятельную жизнь. Философские источники, как справедливо отмечает Е.В. Золотухина – Аболина,¹ «выступают как лучшие учителя и психотерапевты», дающие ответы на самые актуальные вопросы, встающие в жизни каждого современного

¹ Золотухина-Аболина Е.В. Философская антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2014. С. 7.

молодого человека. Данное пособие является прекрасным дополнением к любому учебнику или лекции.

В результате изучения философских источников студенты должны:

знать основные этапы развития философии; основные философские школы и теории; выдающихся представителей западной, русской и восточной философской культуры, их основные произведения и выраженные в них идеи;

уметь ориентироваться в истории философии и ее основных этапах развития; самостоятельно работать с предлагаемыми источниками и анализировать представленные тексты; обосновывать свою точку зрения и логично ее формулировать в творческой письменной работе – эссе; использовать полученные философские знания для развития своего внутреннего мира и понимания внутреннего мира других людей;

владеть навыками самостоятельной работы с текстами выдающихся мыслителей; навыками анализа, осмысления, воспроизведения и интерпретации основных идей изучаемых источников; навыками применения мыслей известных философов в конкретной социальной ситуации; навыками постижения самого себя, понимания своей неповторимой индивидуальности.

I. Западная философия

Античная философия

Платон (428–347 до н. э.) – крупнейший древнегреческий философ.

1. Речь Сократа на суде после вынесения смертного приговора: «Быть может, Вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить Вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватило у меня только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить Вам то, что вам всего приятнее было бы слышать... – многое меня недостойное – все то, что Вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что в сражении часто бывает очевидно, что от смерти можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начав умолять преследующих; много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти не трудно, а вот гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, осужденный Вами, уйду на смерть, а мои обвинители, осужденные истиной, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они – при своем. Так оно и должно было случиться, и мне думается, что это правильно. А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с Вами после этого. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на Вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую Вы меня осудили. Делая это, Вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с Вами совсем обратное; больше будет у Вас обличителей, и они будут тем невыносимее, чем моложе, и Вы будете еще больше негодовать. Если Вы думаете, что, убивая людей, Вы удержите их от порицания Вас за то, что живете неправильно, то Вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот Вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказав это Вам, я уйду от Вас».

(Платон. Апология Сократа //Сочинения: в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 93–94).

Вопросы: Как Вы оцениваете поведение Сократа на суде? Надо ли избегать смерти любой ценой? Как Вы понимаете слова Сократа: «От смерти уйти не трудно, а вот гораздо труднее – уйти от нравственной порчи»?

2. «Если необходимость велит мне подвергнуться смерти по недостатку льстивой риторики, то знай, увидишь, что смерть я перенесу равнодушно (так говорил Сократ Калликлу), ибо кто не вовсе безрассуден и малодушен, тот самой смерти не боится, а боится несправедливости. Ведь только душе, преисполненной многими неправдами, идти в преисподнюю есть крайнее из всех зол... Но теперь, видишь, вы, три человека, мудрейшие из современных греков, ты, Калликл, Пол и Горгий, не можете доказать, что надобно вести жизнь другую, а не ту, которая явно приносит пользу. Столько было рассуждений – и они все опровергнуты; устояло только одно положение, что надобно больше остерегаться делать обиду, чем быть обижаемым, всего же более заботиться о том, чтобы не казаться, но и в частной, и в общественной жизни быть добрым. А кто в чем-нибудь зол, тот должен подвергаться наказанию и стать справедливым, очистив свою вину наказанием, будет второе благо после блага – быть справедливым (самому по себе). Всякой же лести и себе самому и другим, и немногим, и многим надобно избегать, а риторикой, как и иным каким-либо делом, всегда пользоваться только для правды. Итак, послушайся меня и иди этим путем. Попав на него, ты будешь блаженствовать и в жизни, и по смерти... Пусть кто хочет презирает тебя, будто безумного, и издевается над тобой, а ты, клянусь Зевсом, мужественно прими эту постыдную пощечину, потому что не потерпишь ничего страшного, если, подвизаясь в добродетели, будешь истинно прекрасен и добр... Превосходнейший образ жизни есть жить и умереть, подвизаясь в справедливости и в прочих добродетелях. Этому-то образу жизни будем мы следовать и к нему-то постараемся приглашать других, а не к тому, к которому расположен и приглашаешь меня ты, ибо последний ничего не стоит, Калликл».

(Диалог «Горгий»).

(Платон. Диалоги. СПб., 2014. С. 188–189, 193–194).

Вопросы: Как относится к смерти Сократ? Кто, по его мнению, не боится смерти? Какой образ жизни, как считает Сократ, должен вести человек? Согласны ли Вы с этим?

3. Платон: «Никто не знает, что такое смерть, и не есть ли она величайшее для человека добро. И, однако, все ее страшатся, как бы в сознании, что она – величайшее зло».

(Цит. по: Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2013. С. 178.)

Вопросы: Подумайте: смерть – добро или зло? Может ли смерть быть ценностью для человека? Возможна ли прекрасная смерть?

Аристотель (384–322 до н. э.) – великий древнегреческий философ и ученый-энциклопедист.

4. «Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойственен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо... Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п.».

(Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 379).

Вопросы: Почему, по мнению Аристотеля, «человек есть существо общественное в большей степени», нежели другие стадные животные? Что способна выражать речь человека?

5. «Одним счастьем кажется добродетель, другим – рассудительность, третьим – известная мудрость, а иным – все это (вместе) или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или без участия удовольствия; есть, наконец, и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние...

Наше определение... согласно с мнением тех, кто определяет счастье как добродетель, потому что добродетели как раз присуща деятельность сообразно добродетели. И может быть, немаловажно следующее различие: понимать ли под высшим благом обладание добродетелью или применение, склад или деятельность. Ибо может быть так, что имеющий склад души не исполняет никакого благого дела – скажем, когда человек спит или как-то иначе бездействует...

Подобно тому, как на олимпийских состязаниях венки получают не самые красивые и сильные, а те, кто участвует в состязании, так в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки. И даже сама по себе жизнь доставляет им удовольствие. Удовольствие ведь испытывают в душе, а между тем каждому то в удовольствие, победителем чего он называется. Скажем, любителю коней – конь, любителю зрелищ – зрелища... а любящему добродетель – вообще, что сообразно добродетели...

Но не является добродетельным тот, кто не радуется прекрасным поступкам, ибо и правосудным никто не назвал бы человека, который не радуется правому, а щедрым – того, кто не радуется щедрым поступкам, подобным образом – и в других случаях. А если так, то поступки, сообразные добродетели, будут

доставлять удовольствие сами по себе. Более того, они в то же время добры и прекрасны...»

(Аристотель. Никомахова этика //Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 66 – 67).

Вопросы: Как Аристотель определяет счастье? Какие точки зрения по этому поводу существуют? Какой точки зрения придерживаетесь Вы? Что, по мнению Аристотеля, следует понимать под «высшим благом: обладание добродетелью или применение ее, склад души или деятельность»? Согласны ли Вы с этим мнением? Испытываете ли Вы удовольствие от добродетельных поступков? Почему, по мнению Аристотеля, «жизнь добродетельных людей содержит удовольствие в самой себе»? Есть ли возможность добродетельным людям выжить в современной социальной реальности?

6. «Справедливым человек становится, творя дела справедливые, а умеренным, поступая с умеренностью, а без подобной деятельности пусть никому и в голову не приходит стать хорошим человеком».

(Аристотель. Этика. СПб., 1908. С. 28).

Вопросы: Согласны ли Вы с утверждением Аристотеля? Нужно ли человеку упражнять себя в правильных поступках, вырабатывать навыки добродетельного поведения? Соответствует ли добродетель сущности и назначению человека?

7. «Люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях. Люди поступают несправедливо по отношению друг другу не только ради предметов первой необходимости... но и потому, что они хотят жить в радости и удовлетворять свои желания... Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости».

(Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 421).

Вопросы: В связи с какими причинами люди, по мнению Аристотеля, «вступают в распри» друг с другом? Есть ли в жизни примеры того, что «величайшие преступления» совершаются не из-за нужды, а из-за «стремления к избытку?»

Эпиктет (около 50–138) – представитель римского стоицизма.

8. «Человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя, или льва, или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано, – доброту и рассудительность. Вот такой-то человек воистину несчастен и достоин сожаления. Не то жалко, что человек родился или умер, что он лишился своих денег, дома, имения: все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность – свое человеческое достоинство».

(Цит. по: Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2013. С. 32–33).

Вопросы: Что делает человека несчастным, по мнению Эпиктета? Какие ценности, с точки зрения данного мыслителя, являются главными в жизни человека? Согласны ли Вы с позицией Эпиктета?

9. «Всё то, чем люди так восхищаются, всё ради приобретения чего они так волнуются и хлопочут, всё это не приносит им ни малейшего счастья. Покуда люди хлопочут, они думают, что благо их в том, чего они домогаются. Но лишь они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них еще нет. И это очень понятно, потому что не удовлетворением своих праздных желаний достигается свобода, но, наоборот, избавлением себя от таких желаний. Если хочешь увериться в том, что это правда, то приложи к освобождению себя от своих пустых желаний хоть наполовину столько же труда, сколько ты до сих пор тратил на их исполнение, и ты сам скоро увидишь, что таким способом получишь гораздо больше покоя и счастья. Покинь общество людей богатых и влиятельных; перестань угождать людям знатным и сильным и воображать, что от них ты можешь получить что-либо нужное тебе. Ищи, наоборот, у людей праведных и разумных того, что можешь ты от них получить, и, уверяю тебя, не с пустыми руками уйдешь ты от них, если только придешь к ним с чистым сердцем и добрыми мыслями. Если ты не веришь мне на слово, то хоть на время попробуй сблизиться с такими людьми, постарайся сделать хоть несколько шагов на пути к истинной свободе. А тогда уже сам решай, куда тебя больше тянет: к благу и свободе или к злу и рабству. В таком опыте ведь нет ничего постыдного. Испытай же себя!».

(Там же. С. 35–36).

Вопросы: Почему погоня за удовлетворением «своих праздных желаний», по мнению Эпиктета, не ведет к свободе человека? Так ли это? Актуальны ли мысли Эпиктета? Бесконечный процесс потребления различных материальных ценностей делает ли нас, представителей XXI века, счастливыми и свободными? Прав ли Эпиктет, проповедующий

необходимость истинной (духовной) свободы при любых внешних обстоятельствах, будь то рабство или зажиточность? Согласны ли Вы с утверждением, что добро и зло не в вещах, а в нашем отношении к ним?

10. «Каждый знает, что всякая привычка от упражнения усиливается и укрепляется. Например, чтобы сделаться хорошим ходоком, надо часто и много ходить; чтобы сделаться хорошим бегуном, надо много бегать, чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать и т. д. Наоборот, если перестаешь делать то, к чему привык, то и сама привычка понемногу пропадет. Если ты, например, пролежишь десять дней не вставая и потом станешь ходить, то увидишь, как слабы стали твои ноги. Значит, если ты хочешь привыкнуть к какому-нибудь делу, то тебе нужно часто и много делать это дело; и наоборот, если ты желаешь отвыкнуть от чего-нибудь, то не делай этого. То же самое бывает и со способностями нашей души: когда ты сердишься, то знай, что ты делаешь не одно это зло, но что вместе с тем ты усиливаешь в себе привычку к гневу – подкладываешь дров в огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только в этом – и больше ничего нет, ты в то же время усилил еще и привычку к похотливым поступкам. Всякий разумный человек скажет тебе, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желания так именно и усиливаются. А потому, если ты не хочешь приучать себя к гневу, то всячески сдерживай свой гнев и не давай привычке нарастать. Но каким путем приобретается такая сила в борьбе с своими помыслами?

В борьбе с соблазнительными мыслями бывает полезно искать общество людей более добродетельных, чем ты сам, или вспоминать и читать поучения мудрых людей, живших прежде тебя. Истинный борец – тот, кто борется с своими порочными помыслами. Борьба эта святая и приближает тебя к Богу. От успешности её зависит твоя свобода, спокойствие и счастье твоей жизни. Помни всегда два времени: одно – настоящее время, в которое, уступив порочным помыслам, ты будешь наслаждаться похотью, и другое – время, в которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять себя. Прими также в соображение то удовольствие, которое будешь испытывать, если воздержишься. Поэтому терпи и воздерживайся, владей своими страстями, или они овладеют тобой. Помни и то, что трудно будет воздержаться, если однажды переступил меру. Но если ты будешь уступать своим порочным помыслам и уверять себя, что ты победишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этим доведешь себя до такой слабости и болезненности, что на будущее время перестанешь даже замечать свои ошибки, а если и заметишь, то у тебя всегда найдется готовое оправдание для всех твоих порочных поступков».

(Цит. по: Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2013. С.53–54).

Вопросы: Прав ли Эпиктет, утверждающий, что «всякая привычка от упражнения усиливается и укрепляется»? Можно ли избавиться от

пагубных привычек и как это сделать? Актуальны ли рассуждения Эпиктета для современных молодых людей? Как связаны между собой пагубные привычки и аддиктивное, т. е. зависимое, поведение? Почему, по мнению Эпиктета, необходимо владеть своими страстями? Всегда ли страсти человека мешают его свободе?

11. «Когда ты видишь, что человек заблуждается, не гневайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не может хотеть, чтобы рассудок его затемнялся. Заблуждающийся – тот, кто искренне принимает ложь за истину. Но бывает и так, что люди не заблуждаются, а нарочно не принимают истины даже тогда, когда она раскрыта перед ними до полной очевидности. Они не принимают ее не потому, что не могут понять ее, а потому, что она обличает их злые дела, отнимает у них оправдание своих пороков. Эти люди также заслуживают не гнева, а сострадания, ибо их совесть, так сказать, больна».

(Цит. по: Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2013. С. 189–190).

Вопросы: Чем отличается заблуждающийся человек от человека, «нарочно не принимающего истину»? Почему и те, и другие тем не менее «заслуживают сострадания»?

Марк Аврелий (121–180) – видный представитель римского стоицизма, римский император (161–180).

12. «Одни люди, сделав кому-нибудь одолжение, склонны требовать от него признательности. Другие не склонны к этому, но все же в глубине души считают его своим должником и отдают себе отчет в том, что сделали для него. Есть, наконец, и такие, которые вовсе не отдают себе отчета в том, что они сделали; они подобны лозе, приносящей виноград и ничего не добывающейся после того, как произведет свой плод. Так собирает мед пчела. Человек же, сделавший добро, не кричит об этом, а переходит к другому делу, как лоза, которая в урочное время должна вновь принести виноград... Человек, рожденный, чтобы творить добро, сделав какое-нибудь доброе дело или как-либо иначе поспособствовавший общему благу, выполняет тем самым свое назначение и должен считать себя удовлетворенным».

(Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления / пер. с греч. С. Роговина. СПб., 2014. С. 92, 167).

Вопросы: Какой тип человека Вам больше импонирует? Какому типу человека присущ более высокий уровень развития нравственного сознания?

13. Марк Аврелий о своем усыновителе, императоре Антонине Пие: Он характеризовался «кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых в результате зрелого обсуждения, отсутствием интереса к мнимым почестям, любовью к труду и старательностью, внимательным отношением ко всем, имеющим внести какое-либо общепольное предложение, неуклонным воздаянием каждому по его достоинству, знанием, где нужны меры строгости, а где кротости, преданностью общим интересам... Во время совещаний он настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он старался сохранить своих друзей, не меняя их по приказу, но и не обнаруживая к ним чрезмерного пристрастия. Уверенность в своих силах и бодрость были его постоянными спутниками. Он предвидел определенные события и предусматривал самые ничтожные обстоятельства, не кичась этим. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Он всегда был на страже государственных нужд и бережно тратил общественные средства, не боясь упреков за это. Ему были равно чужды как суеверие по отношению к богам, так и заискивание, и угождение по отношению к людям или потакание черни, – наоборот, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами.

Что касается вещей, которые красят жизнь и которыми судьба одарила его в изобилии, то он пользовался ими без тщеславия, но и без скупости, он не нуждался в том, чего не было. Никто не мог про него сказать, что он софист, болтун или педант, но всякий должен был признать в нем человека зрелого, совершенного, недоступного лести, способного устроить и свои дела, и чужие. Он умел ценить истинных философов, к остальным же относился без пренебрежения, хотя и не давался им в обман. Отличаясь приветливостью, он не прочь был и пошутить, но никогда не переходил границ. Он заботился должным образом и о своем теле, чтобы возможно меньше нуждаться во врачебном искусстве. Но особенно замечательна та готовность, с которой он признавал превосходство людей, которые приобрели особую авторитетность в какой-нибудь области, например в красноречии, познании законов, нравов или еще чего-нибудь. Он даже прилагал все усилия, чтобы каждый из них получил известность в меру своих дарований. Во всем соблюдая заветы отцов, он в то же время не старался казаться следующим им. Ему были чужды непостоянство и несправедливость. В устройстве зрелищ, возведении зданий, в своих щедротах он проявлял благоразумие и умеренность. Во всяком поступке его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Не было в нем ничего грубого, непристойного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму»; наоборот, он все обсуждал во всех подробностях, как бы на досуге, спокойно, держась известного порядка, терпеливо, сообразуясь с самим делом. К нему можно было бы применить то, что повествуется о Сократе; он мог и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бессильно в воздержании и неумеренно в пользовании. Но проявлять в одном случае терпение, в другом –

воздержание, в третьем – трезвость суждения достойно человека, обладающего душою совершенной и непреклонной».

(Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления / пер. с греч. С. Роговина. СПб., 2014. С. 53–55).

Вопросы: Какие личностные качества императора Антонина Пия Вам нравятся? Какие качества Вы хотели бы развить в себе? Соответствуют ли его личностные качества его политическому статусу?

Сенека, Луций Анней (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) – римский философ, представитель стоицизма, политический деятель.

14. «Нет, философии нельзя отдавать один лишь досуг – надо всем пренебречь ради усердия к ней... Бросишь ли ты философию на время или насовсем – разницы нет: она не осталась там, где ты прервал занятия, – нет, как распрямляется сжатое силой, так возвращается к самому началу все, что не движется непрерывно вперед. Нужно сопротивляться делам и устранять их ... Но случается, что-нибудь и мешает. Мешает, да не тому, чья душа при любых хлопотах радостна и окрылена. Веселье не достигших совершенства прерывается, а радость мудреца постоянна, ее не прервет никакая причина, никакая судьба. Мудрый всегда и везде спокоен. Ведь он от чужого не зависит и не ждет милости ни от фортуны, ни от людей. Счастье у него дома: будь это счастье в его душе пришлым, оно бы и ушло оттуда, но ведь оно в ней и родилось. Между достигшим мудрости и идущим к ней та же разница, что между здоровым и оправляющимся от долгой и тяжелой болезни, у которого нет еще здоровья, а есть облегчение от недуга. Не будет он внимателен – наступит ухудшение, и все начнется сначала. А мудрец не может ни заболеть снова, ни занемочь тяжелее. Телу здоровье дается на время, а душа излечивается раз и навсегда. Я скажу тебе, как распознать здорового: он доволен собою, доверяет себе, знает, что для блаженной жизни ничего не дают ни все молитвы смертных, ни те благодеяния, которые оказывают, которых добиваются. Ведь все, к чему можно прибавить, несовершенно, от чего можно отнять, не вечно; а кому нужна вечная радость, тот пусть радуется только своему. Все, на что зарится толпа, притекает и утекает; фортуна ничего не дает во владение, но и преходящие ее дары приятны лишь тогда, когда разум их приправит и смешает: он умеет придавать вкус даже тем внешним благам, которые невкусно поглощать с жадностью».

(Сенека. Нравственные письма к Луцилию // Сенека. Честерфилд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 47, 49–50).

Вопросы: Как Вы относитесь к утверждению Сенеки, что постоянное занятие философией дает необходимое душевное здоровье? В чем различие здоровья тела и здоровья души?

15. «Обходишься со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обходились стоящие выше... Я с радостью узнаю, что ты обходишься со своими рабами как с близкими. Так и подобает при твоём уме и образованности. Они рабы? Нет, они люди...»

(Сенека. Нравственные письма к Луцилию // Сенека. Честерфилд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 67).

Вопросы: Почему Сенека считает, что именно так к рабам и ко всем другим людям должен относиться умный и образованный человек?

Философия эпохи Средневековья

Августин, Аврелий Блаженный (354–430) – один из первых христианских теологов.

16. «Град Земной» и «Град Божий» – символическое выражение борьбы мира дьявола и мира Божьего, представленного католической церковью, мира зла и добра, в которых, по мнению Августина Блаженного, существуют «два рода «любви»: **земная**, любовь к себе, дошедшая до презрения к Богу, и **небесная** – любовь к Богу, дошедшая до презрения к себе. Первый град полагает славу свою в самом себе, второй – в Господе. Тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава – Бог, свидетель совести... Тем правит похоть господствования, в этом служат друг другу по любви».

(Августин Блаженный. О граде Божьем // Творения: в 4 т. СПб., 1998. Т. 4. С. 48).

Вопросы: Какой град характеризуется эгоистической, а какой – альтруистической ориентацией людей? В каком граде поведению людей были свойственны корысть, вражда, эгоизм, зависть, властолюбие, насилие? В каком направлении, с точки зрения Августина Блаженного, пойдет дальнейшее развитие общества?

17. «А что же такое Бог? Я спросил землю, и она сказала: «Это не я; и все живущее на ней исповедало то же. Я спросил море, бездны и пресмыкающихся, живущих там, и они ответили: «Мы не Бог твой; ищи над нами»... Я спрашивал небо, солнце, луну и звезды. «Мы не Бог, которого ты ищешь», – говорили они... Тогда я обратился к себе и сказал: «Ты кто?» И ответил: «Человек». Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая – внутри меня. У кого из них спрашивать о Боге моем, о котором я уже

спрашивал своими внешними чувствами, начиная с земли и до самого неба, куда только мог послать за вестями лучи глаз своих? Лучше, конечно, то, что внутри меня. Все телесные вестники возвестили душе моей, судье и председательнице, об ответах неба, земли и всего, что на них; они гласили: «Мы не Боги; Творец наш, вот Он». Внутреннему человеку сообщил об этом состоящий у него в услужении внешний; я, внутренний, узнал об этом – я, я душа, через свои телесные чувства. Я спросил всю вселенную о Боге моем, и она ответила мне: «Я не Бог, Творец наш – вот кто Он».

(Августин. Исповедь. М., 1991. С. 241).

Вопросы: Что же такое Бог? Что, по мнению Августина, представляет из себя внешний и внутренний человек? Кто из них находится в услужении: внешний человек («телесные чувства») – у внутреннего (души) или наоборот? Согласны ли Вы с Августином?

18. По мнению Августина Блаженного, зла как такового не существует. Опираясь на учение Платона об идеях, которые воплощаются в вещах, но искажаются материей, Августин писал: «Точно также и добро, поселенное Богом в человеческих душах, не может найти своего полного выражения, ибо тело ослабляет его, мешает его самовыражению... Добро, поселенное Богом в души людей, по-разному искажается человеческой телесностью... Для преодоления этого людям необходимо отказаться, следуя заветам Бога, от «ядовитой сладости» земного мира и добровольно принять «спасительную горечь», чтобы избежать зла...»

(Там же. С. 68, 98, 112).

Вопросы: Как решает вопрос о происхождении зла Августин Блаженный? В чем причина зла? Как свобода воли, нарушающая «вечный закон» Творца, и свобода воли, соблюдающая его, могут повлиять на поведение человека? Что понимает Августин под «ядовитой сладостью» и «спасительной горечью»? Как Вы относитесь к принципу всеобщей любви (об этом пишет Августин в своей «Исповеди»), объемлющей не только друга, но и врага?

Фома Аквинский (1225–1274) – величайший представитель схоластической философии.

19. «Для познания тех истин о Боге, которые могут быть добыты разумом, необходимо уже заранее обладать многими знаниями... Если бы к богопознанию вела одна лишь дорога разума, род человеческий пребывал бы в величайшем мраке неведения: в таком случае богопознание, которое делает людей в высшей степени совершенными и добрыми, приходило бы лишь к немногим, да и к ним лишь по прошествии долгого времени. Когда человеку

предлагаются некоторые истины в Боге, выходящие за пределы разума, то через это в человеке укрепляется мнение, что Бог есть нечто превышающее все, что можно помыслить. Отсюда проистекает и другая польза, а именно подавление самоуверенности, которая есть мать заблуждения. Ведь есть люди, до такой степени уверенные в своих умственных способностях, что они полагают, будто могут изменять всю природу вещей своим разумом и определять истинное и ложное в зависимости от того, как им хочется. Итак, дабы ум человеческий, освободясь от самоуверенности, перешел к скромному исследованию истины, необходимо было, чтобы человеку было свыше предложено нечто, всецело выходящее за пределы человеческого разума. Поэтому необходимо дойти до некоторой вещи, которая только актуальна и никоим образом не потенциальна; а ее мы именуем Богом». (Трактат «Против язычников»).

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 218–219).

Вопросы: Возможно ли «познание истин о Боге» с помощью разума, по мнению Ф. Аквинского? Может ли разум в принципе постигать истину? Чему автор отдает предпочтение: вере или разуму? Можно ли абсолютизировать роль человеческого разума? Как Ф. Аквинский предлагает освободить разум от чрезмерной самоуверенности? Познаем ли мы мир в эпоху НТР только с помощью разума? Есть ли вопросы, которые, по Вашему мнению, разрешимы не разумом, а только верой?

Абеляр, Пьер (1079–1142) – средневековый французский философ и теолог, при жизни его именовали вторым Аристотелем.

20. «Нужно не столько сопротивляться людям, сколько порокам, чтобы они не втянули нас в соучастие злу. Если же люди прекратят бороться, пороки нас не упустят, так что сражение с ними тем опаснее, чем чаще, и победа тем почетнее, чем она труднее. Люди же настолько сильнее, что они никоим образом не опорочат нашу жизнь, если только, как это в обычае пороков, они, стремясь обернуть нас к порокам, не добьются от нас позорного согласия на это. А так как они властвуют над телом, то, пока свободен сознающий дух, ничего из истинной свободы нельзя подвергнуть опасности и мы не устремимся в бесславное рабство. Не человеку позорно служить, но пороку. Не телесное рабство унижает душу, но подчинение порокам, – это рабство общее как для благочестивых, так и для злодеев». (Трактат «Этика, или Познай самого себя»).

(Абеляр П. История моих бедствий /пер. с лат. С. Неретиной. СПб., 2014. С. 76–77).

Вопросы: Почему надо бороться с пороками? Ведет ли «служение порокам» к свободе человека? Какую роль в борьбе с пороками играет, по мнению П. Абеляра, «свободный сознающий дух», человеческое

сознание, человеческий разум? Какие пороки наиболее распространены в настоящее время?

21. «Бог внимает не столько тому, что люди совершают, сколько тому, с какими душевными помыслами они это делают... Бог мерит не тем, что люди делают, а тем, с какой душой они могут делать нечто; и не в поступке, а в намерении поступающего состоит заслуга или подвиг. Карая, он вникает не в грешность, но в дух поступка. Часто, однако, одно и то же совершается по-разному: благодаря праведности одного и неправедности другого. Двое, например, вешают некоего преступника. Один движим ревностью к справедливости, а другой – застарелой вражеской ненавистью, и хотя совершается одно и то же деяние – повешение – и при всех обстоятельствах они совершают то, что сделать – благо, и то, чего требует справедливость, но из-за разницы намерения одно и то же делается разное: одним – во зло, другим – во благо». (Трактат «Этика, или Познай самого себя»).

(Абеляр П. История моих бедствий / пер. с лат. С. Неретиной. СПб., 2014. С. 91–92).

Вопросы: Что П. Абеляр имеет в виду под «духом поступка»? Прав ли Абеляр, утверждая, что и благое состояние духа, и благие намерения, и дух поступка определяются самодостаточным разумом человека? Прав ли П. Абеляр, заявляя, что если же намерения человека не совпадают с его разумными убеждениями, если человек не умеет правильно оценивать свои поступки, то такое поведение надо считать греховным? Критерием морального поведения у Абеляра является совпадение намерений человека с его разумными убеждениями, согласны ли Вы с этим?

22. «Когда мы говорим: «намерение благое», – это значит, что намерение само по себе правильно. Деяние же – это не то, что само по себе принимает нечто от блага, но то, что проистекает из благого намерения. Поэтому один и тот же человек в разное время может делать одно и то же, но из-за различия намерений его деяние заслуживает имя либо благого, либо злого, так что кажется, будто оно изменчиво относительно добра и зла».

(Там же. С. 107).

Вопросы: Какова связь между намерением и деянием? Что такое «благие намерения»? Всегда ли «благие намерения» ведут к «благим» результатам? Как от различия в намерениях зависит различная нравственная оценка одного и того же деяния?

23. Некоторые верующие, как отмечает П. Абеляр, «впадают в столь великое безумие, что, как они сами признают, не стыдятся заявлять о своей вере в то, чего понять не могут, как будто бы вера заключается скорее в произнесении

слов, нежели в духовном понимании, и более присуща устам, чем сердцу. И эти люди особенно похваляются, когда им кажется, что они верят в столь великое, чего они не в состоянии ни высказать устами, ни постигнуть разумом. И до такой степени дерзкими и высокомерными делает их исключительность их собственного убеждения, что всех тех, кого они находят отличающимися от них по вере, они провозглашают чуждыми милосердия Божьего и, осудив всех прочих, считают блаженными только себя».

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 195).

Вопросы: Актуальны ли слова П. Абеляра о якобы исключительности представителей определенной религии?

Философия эпохи Ренессанса

Николай Кузанский (1401–1464) – выдающийся немецкий философ, теолог, кардинал Римской католической церкви, ученый эпохи Возрождения.

24. «Весь мир имеет «трехсложное» строение: «малый мир» – этот сам человек; «большой мир» – универсум, вселенная; «максимальный мир» – Бог, божественный максимум... Человек («малый мир») есть Бог («максимальный мир»), только не абсолютно, раз он человек; он – человеческий Бог... Человек есть также мир, не конкретно все вещи, раз он человек; он – микрокосм, или человеческий мир. Область человечности охватывает, таким образом, своей человеческой потенцией Бога и весь мир... В человечности человеческим образом, как во Вселенной универсальным образом, развернуто всё, раз она есть человеческий мир. В ней же человеческим образом и свернуто всё, раз она есть человеческий Бог... Как сила человека человеческим образом способна прийти ко всему, так все в мире приходит к нему, и стремление этой чудесной силы охватить весь мир есть не что иное, как свертывание в ней человеческим образом вселенского целого».

(Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 258–261).

Вопросы: Как Вы понимаете слова Н. Кузанского: «Человек – микрокосм»? Связаны ли между собой человек и вселенная, человек и Бог, по мнению Н. Кузанского? Как понимать выражение: «внутри человеческой потенции есть по-своему всё» (Н. Кузанский)

25. «Знает по-настоящему тот, кто знает свое незнание». Прав ли автор?

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 274).

Эразм Роттердамский (1469–1536) – один из крупнейших гуманистов эпохи Возрождения. Еще при жизни был назван «королем гуманистов».

26. «Человек – это некое странное животное, состоящее из двух или трех чрезвычайно разных частей: из души – как некоего божества – и тела – вроде бессловесной скотины... Если бы не было тебе дано тело, ты был бы божеством, если бы не был в тебя вложен ум, ты был бы скотиной... Ведь тело, так как оно видимо, наслаждается вещами видимыми; так как оно смертно, то идет во след преходящему... Напротив, душа изо всех сил стремится вверх и презирает то, что видимо, так как она знает, что это тленно; она ищет того, что истинно и вечно. Бессмертная, она любит бессмертное, подобное пленяется подобным, если только не утонет в грязи тела и не утратит своего врожденного благородства из-за соприкосновения с ним... Прежде тело охотно и радостно повиновалось душе; ныне, напротив, телесные страсти стремятся повелевать разумом, и он вынужден подчиняться решению тела... В человеке обязанности царя осуществляет разум. Благородными можно считать некоторые страсти, хотя они и плотские, однако не слишком грубые; это врожденное почитание родителей, любовь к братьям, милосердие к падшим, боязнь дурной славы, желание уважения и тому подобное. С другой стороны, последними отбросами простого люда считаются те движения души, которые весьма сильно расходятся с установлениями разума и низводят до низости скотского состояния. Это похоть, зависть и подобные им хвори души... Платон в «Тимее» писал, что в людях есть двоякий род души: одна божественная и бессмертная, другая – как бы смертная и подверженная разным страстям... Счастье в жизни, по Платону, состоит в господстве над низменными страстями... Те, которые одолели их, будут жить праведно, а неправедно те, которые были ими побеждены. И божественной душе, т. е. разуму, как царю, определил он место в голове... И части смертной души – это значит страсти, которые для человека либо смертоносны, либо докучливы, – он от нее отделил. Между затылком и диафрагмой он поместил часть души, имеющую отношение к отваге и гневу – страстям, которые нужно сдерживать, однако они не слишком грубы... Силу вожделения, которая устремляется к еде и питью, которая толкает нас к Венере, он отправил под предсердие, подальше от царских покоев – в печень и кишечник, чтобы она обитала там в загоне, как какое-нибудь дикое животное... Самая низкая ее скотская и строптивая сторона или же тот участок тела, которого надо стыдиться, над которым она прежде одерживала верх, может быть предостережением того, что она при тщетных призывах царя с помощью непристойных порывов подготавливает мятеж... Нет сомнения в том, что человек – сверху создание божественное – здесь полностью становится скотиной... И тот божественный советник, сидя в высокой крепости, помнит о своем происхождении и не думает ни о чем грязном, ни о чем низменном...»

(Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Философские произведения. М., 1987. С. 111–114).

Вопросы: Согласны ли Вы с мнением автора о противоречивой природе человека? Что в человеке осуществляет обязанности царя? Что автор подразумевает под благородными и низменными страстями? Какие два рода души выделяет Платон? Как Платон понимает счастье человека? Можно ли считать человека свободным, если им владеют низменные страсти? Где располагаются божественная и смертная часть души?

27. «Я повсюду слышу губительное мнение людей, которые говорят, что их понуждают к порокам. Другие, наоборот, не зная самих себя, вместо велений разума следуют порыву такого рода; при этом гнев или зависть убеждают их до такой степени, что они называют это рвением Божьим. Но подобно тому как одно государство бывает мятежнее другого, так один человек склонен к добродетели более другого; это различие происходит не из-за различия душ, а либо из-за воздействия небесных тел, либо коренится в предках, в воспитании или же в самом строении тела... Некоторые человеческие пороки – почти врожденные; говорят, что некоторым народам присуще вероломство, другим – стремление к роскоши, третьим – похоть. Определенные пороки связаны со строением тела: так, сангвиникам присущи женолюбие и любовь к наслаждениям. Холерикам – гнев, дикость, злоязычие. Флегматикам – вялость, сонливость. Меланхоликам – завистливость, уныние, горечь. Некоторые пороки с возрастом ослабевают или же усиливаются, как, например, похотливость в юности, а также расточительность, опрометчивость. В старости – скупость, придирчивость, жадность. Есть такие, которые присущи разным полам: в мужчине – неистовство, в женщине – суетность и жажда мести. Бывает, что природа возмещает болезненную склонность души каким-нибудь противоположным даром. Один человек хотя скорее склонен к наслаждениям, однако совсем не гневлив, не завистлив. Другой – застенчив, но высокомерен, гневлив, корыстолюбив. Есть люди с противоестественными, роковыми пороками; они склонны к воровству, святотатству, человекоубийству; всем им надлежит всяческим образом противостоять, против натиска следует возвести несокрушимую стену твердой цели. С другой стороны, существуют некоторые страсти, столь близкие к добродетелям, что есть опасность обмануться в них из-за неясного различия. Мы должны будем их исправлять и подходящим образом обращать в ближайшие к ним добродетели. Например, кто-нибудь склонен к скупости: пусть одумается и станет домовитым. Кто льстив, станет вежливым и любезным; слишком строгий станет твердым; слишком унылый – серьезным; глуповатый – способным покоряться; так можно справиться с прочими легкими заболеваниями души. Нам следует только опасаться, как бы не скрыть пороки под именем добродетели: не называть уныние серьезностью, жестокость – строгостью, зависть – ревностью, корыстолюбие – хозяйственностью, угодливость – вежливостью, шутовство – остроумием. Поэтому существует один-единственный путь к счастью: главное познать самого себя; затем делать все не в зависимости от страстей, а по решению разума. Но разум да будет здравым и понятливым, т. е. пусть он будет

направлен только на благородное... Нет ничего отважнее, чем победа над самим собой, но нет и награды большей, чем блаженство... Нет никого многострадальнее, чем тот, кто каждый день рискует жизнью. Нет никого крепче, кто побеждает дьявола. Никого нет глупее, чем тот, кого одолевает плоть. Если ты взвесишь свои силы, не будет ничего труднее подчинения плоти духу; а если станешь смотреть на Бога – помощника своего, то не будет ничего легче. Только ты прими этот совет совершенной жизни с открытым сердцем и отстаивай принятое. То, что сначала будет казаться непреодолимым, от первого успеха станет мягче, от опыта – легче и, наконец, от привычки – приятным... Путь к добродетели сначала труден, но, когда вскарабкаешься на вершину, тебя ждет полнейший покой». (Трактат «Оружие христианского воина»).

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 371 – 372).

Вопросы: Почему различные люди склонны к добродетели в разной степени? Какие Вы знаете человеческие пороки? От чего зависит их существование? Надо ли бороться с различными видами пороков? Что должно управлять нами (страсти или разум), по мнению Эразма Роттердамского? Какой «один-единственный путь к счастью» называет автор? Удачно ли складывается жизнь человека, который совсем не знает самого себя? Кто, по мнению Э. Роттердамского, может помочь человеку, стремящемуся победить самого себя? Нужна ли современному человеку «победа духа над плотью»?

Лоренцо Валла (1407–1457) – итальянский гуманист, философ и литературный критик.

28. Л. Валла утверждал, что «его личная жизнь для него есть высшее благо; собственная жизнь для человека предпочтительнее, нежели жизнь других людей, даже о родителях следует думать лишь во вторую очередь».

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 249).

Вопросы: Прав ли Л. Валла, воспринимающий личность как центр бытия? В чем нравственная ущербность его позиции? Делает ли глубокий индивидуализм человека счастливым?

29. Л. Валла создает настоящую «апологию наслаждения»: «Жить без наслаждения невозможно, а без добродетели можно... (трактат «О наслаждении») Да здравствуют верные и постоянные наслаждения в любом возрасте и для любого пола!.. Нужно отметить, что хотя я говорил, что наслаждение или удовольствие есть всегда благо, но стремлюсь я все же не к наслаждению, а к Богу. Наслаждение есть любовь, и Бог дает это наслаждение.

Истинным наслаждением является то, что испытывает душа в раю – Бог обещал нас сделать богами рядом с собой».

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 249, 258).

Вопросы: Следует ли понимать под наслаждениями только телесные наслаждения? Согласны ли Вы с позицией Валла: главным стимулом человеческих поступков является стремление к духовным и телесным наслаждениям? Всегда ли наслаждение – благо? Всегда ли «наслаждение есть любовь»? Как соотносятся долг и наслаждение? И все-таки к чему стремится Л. Валла? Что, по его мнению, является «истинным наслаждением»? Где душа человека может испытывать это «истинное наслаждение»?

30. «Поговорим о мужестве... Ибо мужество, очевидно, дает более широкое поле стремлению к добродетели, являясь своего рода открытой борьбой против наслаждения... Таких людей ты превозносишь до небес. Я же, клянусь, не вижу причины, на основании которой можно сказать, что они действовали во благо и стали добрым примером. Если я не отвергну трудностей, жертв, опасностей и даже смерти, какую награду или цель ты мне предложишь? Ты отвечаешь: нерушимость, достоинство и процветание родины. И это ты считаешь благом? Этой наградой вознаградишь меня? Из-за надежды на это побуждаешь идти на смерть? А если я не повинуюсь, ты скажешь, что я совершил преступление перед государством? Ты выдвигаешь славные и блестящие понятия «спасение», «свобода», «величие» и не объясняешь их смысла для меня после моей смерти. Только ведь умирая, я не получу обещанного и потеряю даже то, что имел. Оставляет ли что-то себе тот, кто идет на смерть? Но разве смерть этих людей, скажешь ты, не помогла родине и разве спасение родины не является благом? Я не признаю этого, если ты не разъяснишь. Но ведь государство, освобожденное от опасности, наслаждается миром, свободой, спокойствием и изобилием. Хорошо! Ты говоришь верно, и я с тобой согласен. Вот почему так проповедуют и возносят к звездам добродетель, ведь она добывает то, из чего более всего состоит наслаждение... Добродетель – бесполезное слово, ничего не выражающее и не доказывающее, и ради нее ничего не следует делать... Герои, о которых шла речь, руководствовались не добродетелью, а одной лишь пользой, к которой всё и следует свести. В самых общих чертах только то можно назвать пользой, что лишено ущерба или по крайней мере восполняет ущерб». («Об истинном и ложном благе»).

(Там же. С. 249, 264-265).

Вопросы: Что является главным стимулом поведения человека, по мнению Л. Валла? Чем, считает Валла, руководствовались герои, которые защищали родину, – добродетелью или пользой? Прав ли автор?

Можно ли считать позицию Валла индивидуалистической и гедонистической?

Мишель де Монтень (1533–1592) – французский философ, автор «Опытов», заложивших основы новой литературной формы – философско-морализаторского эссе.

31. М. Монтень удивляется стремлению людей к свершению «великих дел» и тому, что люди мучаются собственной посредственностью, восклицая: «Я сегодня ничего не совершил!» «Как! А разве ты не жил? Просто жить – не только самое главное, но и самое значительное из твоих дел... А сумел ли ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то ты уже совершил величайшее дело... Лучшее наше творение – жить согласно разуму. Все прочее – царствовать, накапливать богатство, строить – все это, самое большее, дополнение и довески... Надо не сочинять умные книги, а разумно вести себя в повседневности, надо не выигрывать битвы и завоевывать земли, а наводить порядок и устанавливать мир в обычных жизненных обстоятельствах... Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в свое существо, и выходим за свои естественные границы, не зная, к чему мы по-настоящему способны. Незачем нам вставать на ходули, ибо на ходулях надо передвигаться с помощью своих ног. И даже на самом высоком из земных престолов сидим мы на своем заду».

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 393–394).

Вопросы: В чем видит М. Монтень прелесть человеческого существования? Прав ли автор, призывающий согласиться с несовершенством человека и своей собственной посредственностью? Видите ли Вы смысл жизни, как у М. Монтеня, в самой обыденности и повседневности, а не в служении каким-то оторванным от реальности идеалам? Признает ли автор роль разума в жизни человека? Согласны ли Вы с мнением М. Монтеня, что «отличительным признаком мудрости является неизменно радостное восприятие жизни»? В чем ограниченность учения М. Монтеня о мудрости повседневной жизни?

Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) – глубоко образованный аристократ, знавший философию, древние и восточные языки.

32. «Человек есть посредник между всеми созданиями, близкий к высшим и господин над низшими, истолкователь природы в силу проницательности ума, ясности мышления и пытливости интеллекта, промежуток между неизменной вечностью и текущим временем, узы мира, Гименей, стоящий немного ниже ангелов... Все это значительно, но не то главное, что заслуживает наибольшего

восхищения... Мне не показалось, я понял, почему человек самый счастливый из всех живых существ и достойный всеобщего восхищения и какой жребий был уготован ему среди прочих судеб, завидный не только для животных, но и для звезд и потусторонних душ. Невероятно и удивительно! Ведь именно поэтому человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения... Бог сказал, поставив человека в центре всего мира: «Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные». О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем захочет! В рождающихся людей Отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. Возделает растительные – будет растением, чувственные – станет животным, рациональные – сделается небесным существом, интеллектуальные – станет ангелом и сыном Бога. А если его не удовлетворит судьба ни одного из этих творений, пусть вернется к своей изначальной единичности и, став духом единым с Богом в уединенной мгле Отца, который стоит над всем, будет превосходить всех... Чудеса человеческого духа превосходят чудеса небес... На земле нет ничего более великого, кроме человека, а в человеке – ничего более великого, чем его ум и душа. Если возвыситься над ними, значит возвыситься над небесами... Основной путь для совершенствования человека, для приближения его к божественным существам – познание... Именно философия является первой и важнейшей ступенью познания, ибо философия готовит человека к высшему знанию, очищает его разум, смиряет страсти, успокаивает душу... Философия, как и познание вообще, не является достоянием избранных, наоборот, философией должны заниматься все люди: без философии нет человека» («Речь о достоинстве человека»).

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 318–319).

Вопросы: Какое место занимает, по мнению Пико, человек в мире? Почему «человек – великое чудо»? Обладает ли человек свободой воли? Каким образом человек может совершенствовать себя? Какую роль в этом процессе играет философия? Почему «без философии нет человека»?

Джордано Бруно (1548–1600) – итальянский философ и поэт, последователь пантеизма, убежденный сторонник теории Коперника.

33. По мнению Дж. Бруно, высшей степенью совершенствования человека является состояние героического энтузиазма – самоотверженность и подвижничество, благодаря которому человек и ощутил себя божеством. Дж. Бруно писал: «Ученый в борьбе за истину не должен испытывать страха даже перед смертью. Он ничего не боится, презирает всякие удовольствия и совсем не думает о жизни».

(Бруно Дж. О героическом энтузиазме. Киев, 1996. С. 72–73).

Вопросы: Как Вы понимаете выражение «находиться в состоянии героического энтузиазма»? Согласны ли Вы с позицией Дж. Бруно? Должен ли человек любить свою профессию и бескорыстно служить ей? Что дает это человеку? Следовал ли Дж. Бруно в жизни своим взглядам?

Никколо Макиавелли (1469–1427) – итальянский мыслитель, государственный деятель, самый известный политический философ Европы, вплоть до настоящего времени. Прославился как «человек действия», сторонник жесткого реализма.

34. «О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива... Человек – это существо сугубо эгоистическое, во всех своих поступках руководствующееся лишь собственными интересами... Интерес – это самый могущественный и чуть ли не единственный стимул человеческого поведения... Интересы у людей различны... Однако самый важный интерес связан с сохранением или приобретением собственности... Человек скорее забудет убийство отца, нежели конфискацию наследуемого имущества».

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 344).

Вопросы: Прав ли автор, утверждая, что человек – существо эгоистическое? Какую роль в жизни каждого человека, в том числе и государя, с точки зрения Макиавелли, играют личные интересы? Согласны ли Вы с позицией Макиавелли, что эгоистический интерес является главным стимулятором человеческого поведения? Так ли это? Сводятся ли Ваши интересы к сохранению или приобретению собственности? Любите ли Вы своих родителей? Хотите ли Вы иметь в качестве друга воинствующего эгоиста или эгоцентриста?»

35. «Расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее

во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности... Люди не могут быть только добрыми и хорошими, они – хорошие и плохие одновременно. Государь, если он хочет править долго, обязан в своем правлении опираться и на хорошее, и на плохое. Иначе говоря, в руках государя должен находиться не только пряник, но и плеть. Более того, как только государь выпускает плеть из своих рук, тотчас нарушается всякий порядок... Надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп; один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединить в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но, поскольку невозможно ни иметь, ни соблюдать их полностью, ибо этого не позволяют условия человеческого существования, ему следует быть достаточно благоразумным, чтобы избежать дурной славы тех пороков, которые могут отнять у него государство, а от остальных же воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность».

(Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. М. Юсима. СПб., 2014. С. 60–61).

Вопросы: Учитывает ли Макиавелли противоречивость и сложность жизни? Согласны ли Вы с тем, что Н. Макиавелли в отличие от всех предшествующих ему мыслителей эпохи Возрождения руководствовался не абстрактными идеями торжества добра и Бога, а опытом конкретной жизни, идеями пользы и целесообразности? Прав ли был Макиавелли, отстаивавший принципы жесткого реализма, когда утверждал, что мечтания о прекрасном будущем только мешают жизни обычного человека? Какой тип государственного устройства считает Макиавелли более целесообразным и полезным: монархию или республику? Прав ли Макиавелли, утверждающий, что государь должен использовать любые средства для сохранения своей власти? Согласны ли Вы с автором?

36. «Благоразумный правитель не может и не должен быть верен обещанию, если это оборачивается против него и исчезли причины, побудившие его дать слово. Если бы все люди были добры, этот был бы дурной совет, но так как они

склонны ко злу и не будут верны тебе, государь не обязан быть верен им. До сих пор у всех правителей было в избытке законных поводов, чтобы оправдать нарушение обещания. Сколько мирных переговоров и соглашений пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь скрывать, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.... Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо... Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е., как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла... Государь должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных... Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество, так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи вызывают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием, нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии проявлять великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя... Нередко государи со временем убеждаются в том, что более преданные и полезные для них люди – это те, кому они поначалу не доверяли... И они тем ревностнее будут служить государю, что захотят делами доказать превратность прежнего о них мнения. Таким образом, они всегда окажутся полезнее для государя, нежели те, кто, будучи уверен в его благоволении, чрезмерно печется о собственном благе... Также следует вдуматься в побуждение тех, кто государю помогал прийти к власти, и если окажется, что дело не в личной приверженности, а в недовольстве прежним правлением, то удержать дружбу будет крайне трудно, ибо удовлетворить таких людей невозможно... Всегда гораздо легче приобрести дружбу тех, кто был доволен прежней властью и потому враждебно встретил нового государя, нежели сохранить дружбу тех, кто был недоволен прежней властью и потому содействовал перевороту... Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем,

кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве... Он должен располагать наградами для тех, кто заботиться об украшении города и государства. Он должен занимать народ празднествами и зрелищами... Государь должен твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке... Государь должен всегда советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Он должен широко обо всем спрашивать, терпеливо выслушивать правдивые ответы и проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-то опасается говорить ему правду».

(Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. М. Юсима. СПб., 2014. С. 68–71, 83–84, 89, 92).

Вопросы: Почему государь может не выполнять своих обещаний, по мнению Макиавелли? Государь должен обладать всеми добродетелями или только имитировать их наличие? Надо ли быть ему «изрядным обманщиком и лицемером»? Какова Ваша позиция? Как, по мнению автора, должен вести себя государь, чтобы не вызвать ненависти и презрения своих подданных? Может ли государь быть гибким при принятии решения и может ли он менять принятое решение? Почему легче приобрести дружбу тех, кто был доволен прежней властью? Как государь должен относиться к одаренным людям?

37. «Судьба распоряжается лишь половиной наших дел, другую же половину она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные ее сдержать. Но хотя бы и так, – разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, т. е. возвести заграждения и плотины так, чтобы река остановила свой безудержный и опасный бег? То же и судьба: она являет свое всеисилие там, где препятствием ей не служит доблесть («вирту»), и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений... Замечу, что мы можем наблюдать, как сегодня какому-то государю сопутствует успех, а завтра падение, хотя он несколько не изменил своих природных качеств. Я думаю, это происходит именно потому, что государь, всецело полагающийся на судьбу, не может выстоять против ее ударов. Я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени. Мы видим, что люди по-разному продвигаются к своим целям, т. е. к славе и богатству: один действует осторожно, другой напористо; один прибегает к силе, другой – к искусству; один предпочитает выжидать, другой поступает противоположным образом, и каждый из этих путей может вести к цели. Но иной раз мы видим, что, хотя оба действовали одинаково, например осторожностью, только один из двоих добился успеха, и наоборот, хотя каждый

действовал по-своему: один осторожностью, другой натиском, – оба в равной мере добились успеха. Зависит же это именно от того, что один образ действий совпадает с особенностью времени, а другой – не совпадает. Поэтому бывает так, что двое, действуя по-разному, одинаково добиваются успеха, а бывает так, что действуют одинаково, но только один достигает цели. От того же зависят и превратности благополучия: пока для того, кто действует осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию приходит конец, ибо он не переменил своего образа действий. И нет людей, которые умели бы к этому приспособиться, как они ни были благоразумны. Во-первых, берут верх природные склонности, во-вторых, человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до этого времени неизменно преуспевал. Вот почему осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно... Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать – таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, – подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают».

(Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. М. Юсима. СПб., 2014. С. 95–98).

Вопросы: Какое новое понимание человеческой судьбы, в отличие от христианского понимания, формулирует Макиавелли? Может ли судьба - фортуна, по мнению Макиавелли, полностью определить жизнь человека? Прав ли автор, утверждая, что «фортуна распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она предоставляет нам самим»? Как считает Макиавелли: «лучше быть смелым или осторожным», активным или пассивным? Надо ли быть, по его мнению, «человеком действия», стремящимся к осуществлению больших целей? Как Вы оцениваете в целом позицию Макиавелли, критикующего средневековую созерцательность и призывающего человека к активной деятельности с целью освобождения его от прозябания в своей жалкой жизни? Согласны ли Вы с утверждением Макиавелли, что человек во имя успеха и процветания должен осознавать потребности своего времени и быть способным делать то, что необходимо в данный момент? Будет ли, по мнению Макиавелли, фортуна благосклонной к человеку, если его поведение будет адекватно изменяющейся социальной реальности? Согласны ли Вы с позицией Макиавелли, что социальные нормы не могут регулировать поведение

государя как политического деятеля? Как Вы считаете, должна ли гибкость человеческого поведения, соответствующая потребностям своего времени, сопровождаться ценностным релятивизмом, постоянным изменением своих взглядов, использованием любых средств во имя достижения своей цели?

38. В своей известной работе «Государь» Н. Макиавелли утверждал, что во имя «высших государственных интересов» можно оправдать поведение, нарушающее любые социальные нормы. Преступления во имя своей страны, по его мнению, – «славные преступления». Он писал: «Ни один порядочный человек не упрекнет другого, если тот пытается защитить свою страну всеми возможными средствами, потому что цель оправдывает средства».

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 345–346).

Вопросы: Являются ли преступления во имя интересов своей страны – «славными преступлениями»? Так что же: «цель оправдывает средства» или нет? Встречаемся ли мы с последователями Макиавелли в современной международной политической жизни? Может ли быть поведение политика нравственным в отношении своего государства и безнравственным – в отношении других государств? Является ли поведение политика безнравственным, если он, руководствуясь государственными интересами, игнорирует интересы своих граждан?

Томас Мор (1478–1535) – английский гуманист, писатель, государственный деятель. Получил рыцарское звание. В 1529 году занял высший государственный пост в Англии – стал лордом-канцлером.

39. «Ведь никогда они (утопийцы) не говорят о счастье, чтобы не соединить с ним некоторые начала, взятые из религии, а также философии, использующей доводы разума, – без этого само по себе исследование истинного счастья будет слабым и бессильным. Эти начала такого рода. Душа бессмертна и по благодати Божией рождена для счастья, за добродетель и добрые дела назначена после жизни нам награда, а за гнусности – кара. Хотя это относится к религии, однако они считают, что к тому, чтобы поверить в это и признать, приведет разум... Счастье заключается не во всяком удовольствии, но в честном и добропорядочном. Ибо к нему, как к высшему благу, влечет нашу природу сама добродетель... Добродетель есть жизнь в соответствии с природой, и к этому нас предназначил Бог. В том, к чему надлежит стремиться и чего избегать, надобно следовать тому влечению природы, которое повинуетсЯ разуму... Тебе следует быть не менее милостивым к себе, чем к другим... Следовательно, приятную жизнь, т. е. удовольствие как предел наших деяний, предписывает нам сама природа. Жить по ее предписанию – так определяют они добродетель. И так как природа приглашает смертных помогать друг другу, чтобы жить

веселее, она, разумеется, даже велит тебе следить, чтобы не пренебрегал ты своими выгодами, как не причиняешь ты невыгод другим. Поэтому они считают, что надобно соблюдать не только договоры, заключенные между частными лицами, но и законы общества, которые опубликовал добрый правитель или же утвердил с общего согласия народ, не угнетенный тиранией и не обманутый хитростью законов о распределении жизненных удобств, т. е. основы удовольствия. Соблюдать эти законы, заботясь о своей выгоде, – дело благоразумия; думать, кроме того, о выгоде общества – признак благочестия. Однако похищать чужое удовольствие, гоняясь за своим, – несправедливо. И, напротив, отнять что-нибудь у самого себя и отдать другим – как раз долг человечности и доброты; этот долг никогда не забирает у нас столько, сколько возвращает нам назад. Ибо он вознаграждается обменом благодеяний, и само сознание благодеяния и воспоминание о любви и благорасположении тех, кому ты сделал добро, приносит душе более удовольствия, чем было бы то телесное удовольствие, от которого ты воздержался. Наконец, за краткое и малое удовольствие Бог оплачивает огромной и никогда не преходящей радостью. Поэтому утопийцы считают, что наши деяния, среди них даже и сами добродетели, предполагают, что в конце ожидает их удовольствие и счастье. Удовольствием они называют всякое движение и состояние тела и души, пребывая в которых под водительством природы, человек наслаждается... Они выделяют два вида удовольствий: духовные и телесные... Духовные удовольствия утопийцы считают главными. Важнейшие из них происходят из упражнений в добродетели и из сознания благой жизни. Из телесных удовольствий они отдают пальму первенства здоровью. Ибо к радостям еды, питья – всего, что только может таким образом порадовать, полагают они, надобно стремиться, но только для здоровья... И они считают, что презирать красоту, ослаблять силы, обращать проворство в лень, истощать тело постами, причинять вред здоровью и отвергать прочие благодеяния природы в высшей степени безумно, жестоко по отношению к себе и чрезвычайно неблагодарно по отношению к природе. Это значит отвергать свои обязательства перед ней, отклонять все ее дары». (Трактат «Утопия»).

(Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С.В. Перевезенцев. М., 2001. С. 428, 429, 431–433)

Вопросы: Сочетаются ли религиозные убеждения утопийцев с философским знанием, когда идет речь о счастье? Связаны ли в понимании Т. Мора человеческие добродетели с духовными и чувственными наслаждениями? Является ли Т. Мор сторонником гуманистической «апологии наслаждения»? В каких удовольствиях, по мнению автора, заключается счастье? Как утопийцы определяют добродетель? Что значит жить по предписанию природы? Как человек должен относиться к себе и другим, к природе? Разделяете ли Вы нравственные взгляды Т. Мора? Какие виды удовольствий выделяет

автор? Какой вид удовольствий для Вас является главным? Можно ли ограничиться лишь телесными удовольствиями? Какие удовольствия могут сделать человека счастливым? Как Вы понимаете слова Т. Мора о гордыне: «Она измеряет счастье не своими удачами, а чужими неудачами»?

Философия Нового времени

Философия эпохи научной революции (XVII век)

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский философ и политический деятель, основатель новой философии и методологии опытной науки, основоположник гносеологического эмпиризма. Разработал доктрину «естественной философии», заложил основы «естественной этики».

40. То, что по выражению лица можно узнать о душевном состоянии человека, по мнению Ф. Бэкона, «это прекрасно известно множеству проходивцев и подлецов, которые ни на минуту не отрывают взора от выражения лица и движений собеседника и используют это в своих интересах, – ведь именно в этом и состоит в значительной мере их ловкость и мудрость. И конечно, нельзя отрицать того, что выражение лица и жесты человека удивительным образом выдают его притворство и великолепно могут подсказать момент, когда удобнее всего обратиться к нему, а это составляет немаловажную часть житейской мудрости».

(Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1971–1972. Т. 1. С. 255).

Вопросы: Можно ли по выражению лица и жестам судить о душевном состоянии человека? Прав ли Ф. Бэкон, утверждающий, что не только физическое состояние тела оказывает влияние на душу, но и глубокие душевные переживания могут привести к серьезным болезням тела и, наоборот, сила духа способствует телесному здоровью? Согласны ли Вы с позицией Ф. Бэкона, пришедшего к выводу, что «тело и душа – это две различные сущности, взаимодействующие и раскрывающие друг друга»?

41. «Каждому предмету внутренне присуще стремление к двум проявлениям природы блага: к тому, что делает вещь чем-то цельным в самой себе, и к тому, что делает вещь частью какого-то большого целого. И эта вторая сторона природы блага важнее первой, ибо она стремится к сохранению более общей формы. Назовем первое индивидуальным, или личным, благом, второе – общественным благом. Эта преобладающая роль общественного блага особенно заметна в человеческих отношениях, если люди остаются людьми».

(Там же. С. 407).

Вопросы: Согласны ли Вы с автором, подчеркивающим определяющую роль общественного блага над индивидуальным? Может ли абсолютизация индивидуального блага в мировоззрении человека носить разрушительный характер? Как Вы относитесь к утверждению Ф. Бэкона, что «личный успех может признаваться только при условии достижения общего блага»?

42. Показывая несостоятельность этических взглядов античных философов – киников, скептиков, киренаиков, эпикурейцев, стоиков, утверждавших в разных формах ценность индивидуального блага, Ф. Бэкон заявлял, что «все эти «гармонизирующие душу» блага (бесстрастная созерцательность, душевная безмятежность, самоуспокоенность, самоограничение или же стремление к индивидуальному наслаждению) есть не более чем средства малодушного бегства от жизни с ее тревожениями, искушениями и антагонизмами и что они никак не могут служить основой для того подлинного душевного здоровья, активности и мужества, которые позволяют противостоять ударам судьбы, преодолевать жизненные трудности и, исполняя свой долг, полноценно и общественно значимо действовать в этом мире».

(Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1971–1972. Т. 1. С. 407–408).

Вопросы: Согласны ли Вы с мнением Ф. Бэкона, утверждающего, что полное игнорирование общественного блага и абсолютизация индивидуального блага, проявляющихся в безнравственном поведении человека, являются разрушительными (в телесном и духовном смысле) и для данного человека, и для общества в целом? Наблюдается ли нечто подобное в современной социальной реальности? Будучи «апологетом и идеологом практического действия», Ф. Бэкон, как Вы думаете, отдавал предпочтение социально активному или социально пассивному поведению человека?

43. Считая, что добрые дела связывают людей теснее, чем долг, Ф. Бэкон писал, что «под добротой я разумею заботу о благе людей, называемую у греков «филантропией»... Из всех добродетелей и достоинств доброта есть величайшее, ибо природа ее божественна; без нее человек – лишь суетное, вредоносное и жалкое создание, не лучше пресмыкающегося. Доброта соответствует евангельскому милосердию; излишество в ней невозможно, возможны лишь заблуждения... Склонность творить добро заложена глубоко в природе человеческой».

(Там же. Т. 2. С. 377).

Вопросы: Почему «добрые дела связывают теснее, чем долг»? Действительно ли, что доброта есть «величайшее» «изо всех добродетелей и достоинств»? Согласны ли Вы со словами Ф. Бэкона: «излишество в доброте невозможно, возможны лишь заблуждения»? Можно ли быть добрым по отношению к безнравственному человеку? Вспомним поговорку: «Сделаешь доброе, выйдет тебе навек памятное»? Справедлива ли она?

44. По мнению Ф. Бэкона, «разве может сравниться наслаждение от исполнения и доведения до конца какого-то желанного дела с тем пассивным чувственным удовлетворением, которое получают от яств, сна и примитивных развлечений. Первое таит в себе постоянную новизну, оплодотворяет жизнь целью, смягчает удары судьбы и времени, ибо что может так не бояться времени, как наши дела. Второе ввергает в однообразный круг удовольствий, чреватых пресыщением и растратой лучших жизненных сил. Аналогично и стремление к совершенствованию следует предпочитать стремлению к сохранению».

(Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1971–1972. Т. 1. С. 414).

Вопросы: Что лучше для Вас: наслаждение от хорошо выполненного дела или «пассивное чувственное удовлетворение от яств, сна и примитивных развлечений»? Согласны ли Вы с мнением Ф. Бэкона, что постоянные удовольствия ведут к «пресыщению, растрате лучших жизненных сил»? Какое «активное или пассивное благо», т. е. социальную активность или социальную пассивность, прославляет Ф. Бэкон? Чтобы человек получал наслаждение от своей профессиональной деятельности, как Вы считаете, ему нужно постоянно стремиться к самосовершенствованию?

45. Выступая в роли изощренного политика, Ф. Бэкон предлагал правителям «искусно и ловко тешить народ надеждами; вести людей от одной надежды к другой, ибо это есть одно из лучших противоядий против недовольства...» Он часто подчеркивал, что «поистине мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды...» Отвечая на вопрос о том, какими качествами должен обладать правитель, Ф. Бэкон писал: «Лучше всего [правителю] сочетать добрую славу чистосердечного [человека], привычку к сдержанности, при случае способность к скрытности, а в крайней нужде и к притворству».

(Там же. Т. 2. С. 355, 365, 384).

Вопросы: Не противоречит ли себе, утверждая подобное, Ф. Бэкон, ранее убедительно заявлявший, что критерием нравственного поведения человека выступает «честность и прямота в делах»? Советуя политикам поступать подобным образом, не нарушает ли Ф. Бэкон

пропагандируемые им же нравственные принципы? Согласны ли Вы с тем, что во взглядах даже выдающихся мыслителей часто присутствуют определенная непоследовательность, элементы как истины, так и заблуждений?

Томас Гоббс (1588–1679) – английский философ, выдающийся мыслитель, сторонник политического абсолютизма.

46. «Природа человека есть сумма природных способностей и сил, таких как способность питаться, двигаться, размножаться, чувство, разум и т. д. Эти способности мы единодушно называем природными, и они содержатся в определении человека как одаренного разумом животного».

(Гоббс Т. Человеческая природа // Избранные произведения: в 2 т. М., 1964, Т. 1. С. 441–442).

Вопросы: Разделяете ли Вы мнение Т. Гоббса о природе и сущности человека? Действительно ли человек «одаренное разумом животное»? Как Вы относитесь к другому определению человека: «человек – биопсихосоциальное существо»?

47. «Человек в своих действиях руководствуется личными, земными интересами; он стремится к тому, что приятно, и избегает того, что неприятно. «Благом» является то, к чему мы стремимся, «злом» – все то, чего мы избегаем... Природа блага и зла зависит от совокупности условий каждого данного момента... Хорошими склонностями у людей является такие, которые способствуют их совместной жизни в рамках государственной организации. Добрым характером, т. е. нравственно-добрым, является такой, благодаря которому государственная организация, раз образовавшаяся, лучше всего может сохраниться... Если человек есть разумное и наиболее превосходное произведение природы, то великий Левиафан, который называется государством, есть самое могущественное из всех творений человека... Государство – это искусственное тело, а человек – естественное тело. Душа государства – верховная власть, его суставы – судебные и исполнительные органы, нервы – награды и наказания, память – советники, разум справедливость и законы, здоровье – гражданский мир, болезнь – смута, смерть – гражданская война». (Трактат «Левиафан»).

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 118–119).

Вопросы: Чем определяется поведение людей? Как Вы думаете, Т. Гоббс – сторонник религиозной или натуралистической этики? Являются ли понятия добра и зла, по мнению Т. Гоббса, относительными? Что Т. Гоббс считает «хорошими склонностями»? Как

Вы понимаете его слова: «Только в государстве существует всеобщий масштаб для добродетелей и пороков, и таковым масштабом могут поэтому служить лишь законы каждого государства»? Был ли он сторонником индивидуалистической этики или же искал критерий всеобщих и обязательных нравственных норм? Кем создано государство? Можно ли сказать, что Т. Гоббс пользуется механистической методологией, сопоставляя государство и человека?

Рене Декарт (1596–1650) – французский философ, математик, физик, физиолог, представитель классического рационализма.

48. «Я мыслю» – таково суждение, которое является абсолютно неопровержимой истиной, преодолевающей самый радикальный скепсис и служащей исходной интуицией для метафизической дедукции. Невозможно отрицать истинность «я мыслю», ибо отрицание, сомнение – также формы мышления, и допущение их лишь обосновывает истинность «я мыслю». Нельзя мыслить, что я не мыслю. И заметив, что истина «Я мыслю, следовательно, существую» столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасения принять ее за первый принцип искомой мною философии».

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 134).

Вопросы: Является ли суждение «Я мыслю» неопровержимой истиной? Почему нельзя отрицать истинность суждения «Я мыслю»? Можно ли мыслить, что я не мыслю? Кто является носителем способности мыслить? Прав ли Р. Декарт, рассматривающий «Я» как особую мыслящую субстанцию? Согласны ли Вы с утверждением Р. Декарта, что материя не может мыслить? Что утверждает современная наука?

Бенедикт (Барух) Спиноза (1632–1677) – голландский философ, один из самых крупных мыслителей XVII века, представитель рационалистического направления в философии Нового времени.

49. «Человек действует вполне по законам своей природы тогда, когда он живет по руководству разума... Однако редко бывает так, чтобы люди жили по руководству разума; напротив, все у них сложилось таким образом, что они большей частью бывают ненавистны и тягостны друг для друга. Но они едва ли могут вести одинокую жизнь, так что многим весьма нравится известное определение человека как животного общественного; и в действительности дело обстоит так, что из общего сожития людей возникает гораздо больше удобств, чем вреда... При взаимной помощи они гораздо легче могут удовлетворить свои нужды и только соединенными силами могут избегать опасностей... Всякое желание и действие, причину которого мы составляем,

поскольку мы имеем идею Бога, иными словами, поскольку познаем его, я отношу к благочестию. Желание же делать добро, зарождающееся в нас вследствие того, что мы живем по руководству разума, я называю уважением к общему благу. Далее, желание человека, живущего по руководству разума, соединить с собой узами дружбы других людей я называю честностью, а честным – то, что одобряют люди, живущие по руководству разума, и, наоборот, постыдным то, что препятствует дружеским связям... Истинная добродетель есть не что иное, как жизнь по одному только руководству разума... Разум учит нас, что необходимость искать того, что нам полезно, связывает нас с людьми, а не с животными или вещами, природа которых отлична от человеческой... Так как всякое право определяется добродетелью или могуществом каждого, то люди имеют гораздо большее право над животными, чем животные над людьми... Чтобы люди могли жить согласно и служить друг другу, необходимо, чтобы они поступились своим естественным правом и обязались друг другу не делать ничего, что может служить во вред другому. Как же может произойти это, а именно, чтобы люди, необходимо подверженные аффектам, могли заключить между собой обязательство и иметь друг к другу доверие, это ясно из того, что каждый удерживается от нанесения вреда другому боязнью большего вреда для себя. При таком условии общество может утвердиться только в том случае, если оно присвоит себе право каждого мстить за себя и судить о том, что хорошо и что дурно. А потому оно должно иметь власть предписывать общий образ жизни и устанавливать законы, делая их твердыми не посредством разума, который ограничить аффекты не в состоянии, а путем угроз. Такое общество, зиждущееся на законах и власти самосохранения, называется государством, а люди, находящиеся под защитой его права, – гражданами». (Трактат «Этика»)

(Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика / пер. с голл. и лат. М., 2010. С. 401, 402, 404, 405, 406).

Вопросы: Что значит «жить по руководству разума»? Прав ли Б. Спиноза, утверждающий, что наибольшую пользу человеку приносит другой человек, так как у человеческих индивидов наибольшее количество общих свойств, прежде всего, они обладают разумом? Что такое, по мнению Б. Спинозы, благочестие, уважение к общему благу, честность? А что люди называют постыдным в жизни? Почему «люди имеют гораздо большее право над животными, чем животные над людьми»? Как регулировать в естественном состоянии поведение людей, которые заботятся единственно о своей собственной пользе и по собственному усмотрению определяют, что такое добро и что такое зло? Какие функции выполняет государство? Согласны ли Вы с рационалистической позицией Б. Спинозы?

50. «Живущий по руководству разума стремится, насколько возможно, воздавать другому за его ненависть, гнев, презрение к себе и т. д., напротив, любовью и великодушием, демонстрируя при этом тем больше твердости духа, радости, незлобивости, великодушия и симпатии к людям... Кто желает отмщать за обиды ненавистью, тот ведет, конечно, жалкую жизнь. Наоборот, кто старается покорить ненависть любовью, тот ведет эту борьбу, конечно, радостно и спокойно; он одинаково легко противостоит как одному человеку, так и многим и всего менее нуждается в помощи счастья. Кого он побеждает, тот уступает ему с удовольствием и не с потерей сил, но с увеличением их... Кто живет по руководству разума, тот желает другому того же добра, к которому сам стремится... Тот, кто живет по руководству разума и обладает правильным знаниям о вечных законах природы, тот, конечно, не найдет ничего, что было бы достойно ненависти, осмеяния или презрения, не будет никому сострадать; но, насколько позволяет человеческая добродетель, будет стремиться поступать хорошо и получать удовольствие. Тот, кто легко подвергается аффекту сострадания и трогается чужим несчастьем, часто делает то, в чем после сам раскаивается, так как может поддаться на ложные слезы, не зная истинной ситуации, не осмыслив ее в полной мере, изменив тем самым своему разуму. Только в этом смысле сострадание само по себе дурно и бесполезно. Поэтому разумный человек должен сохранять успокоенность сознания в себе и всегда следовать разуму... Кто же ни разумом, ни состраданием не склоняется к подаванию помощи другим, тот справедливо называется бесчеловечным... Сострадание, как и стыд, тем не менее хороши, поскольку они показывают, что человеку, который стыдится, присуще желание жить честно... Поэтому, хотя человек стыдится какого-либо поступка, и подвергается в действительности неудовольствию, однако он совершеннее бесстыдного, не имеющего никакого желания жить честно» (трактат «Этика»).

(Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика / пер. с голл. и лат. М., 2010. С. 413–414, 416–417, 423).

Вопросы: Как должен вести себя человек, «живущий по руководству разума»? Прав ли Б. Спиноза, утверждающий, что жить по руководству ума – значит «обладать правильным знаниям о вечных законах природы»? Следует ли отвечать злом другому человеку за его зло? Как вести себя в такой ситуации? Почему человек, стремящийся к «отмщению, ведет жалкую жизнь»? Нужно ли «сострадать» дурному человеку? Кого, по мнению Б. Спинозы, можно назвать бесчеловечным человеком? У кого выше степень безнравственного в поведении: у «стыдящегося» или «бесстыдного» человека? (Трактат «Этика»).

51. «Человек свободный, т. е. живущий единственно по предписанию разума, не руководится страхом смерти, но стремится к добру непосредственно, т. е. стремится действовать, жить, сохранять свое существование на основании

преследования собственной пользы. А потому он ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость есть размышление о жизни». (Трактат «Этика»).

(Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика / пер. с голл. и лат. М., 2010. С. 431).

Вопросы: Что делает человека свободным, по мнению Б. Спинозы? Почему мудрость жизни состоит в том, чтобы думать о жизни, а не о смерти? Может ли человек, постоянно думающий о смерти, стать свободной личностью, интересно, насыщенно, плодотворно прожить свою жизнь, выполнить свою земную миссию?

52. «Таким образом, самое полезное в жизни – совершенствовать свое познание или разум, и в этом одном состоит высшее счастье или блаженство человека; ибо блаженство есть не что иное, как душевное удовлетворение, возникающее вследствие созерцательного (интуитивного) познания Бога [Субстанция-Бог]. Совершенствовать же свое познание – значит не что иное, как познавать Бога [Субстанцию-Бога], его атрибуты и действия, вытекающие из необходимости его природы... Это познание, если не совершенно уничтожает аффекты, то, по крайней мере, достигает того, что они составляют наименьшую часть души. Далее, оно рождает любовь к вещи неизменной и вечной, которой мы в действительности обладаем, вследствие чего эта любовь не может быть запятнана никакими пороками, присущими обыкновенной любви; но, наоборот, может возрастать все более и более и занять наибольшую часть души, и оказать на нее широкое воздействие... Чем более душа наслаждается этой божественной любовью или блаженством, тем более она познает, т. е. тем большую власть она имеет над аффектами [страстями, эмоциями] и тем менее страдает от дурных аффектов. А вследствие того, что душа наслаждается этой божественной любовью или блаженством, она обладает способностью к укрощению страстей, ибо человеческая способность к укрощению страстей состоит в одном только разуме... Поэтому последняя цель человека, руководствующего разумом, т. е. высшее его желание, которым он старается умерить все остальные, есть то, которое ведет его к адекватному постижению себя самого и всех вещей, подлежащих его познанию». (Трактат «Этика»).

(Там же. С. 437, 461, 476).

Вопросы: В чем, по мнению Б. Спинозы, состоит высшее счастье и блаженство человека? Что вызывает душевное удовлетворение? Как человек должен совершенствовать свое познание? Как человек может освободиться от «рабства аффектов»? Прав ли Б. Спиноза, утверждающий, что познание Бога тем более высочайшее благо, так как оно может быть только источником любви, и именно оно лишает человека самого главного страха – страха смерти? Сделает ли человека

адекватное «постижение себя самого и всех вещей, подлежащих его познанию», свободным?

53. Б. Спиноза выделяет такие типы субъектов, как «людей разума», мудрецов – философов, с одной стороны, и «людей толпы», с другой. Мудрец-философ «испытывает «познавательную любовь к Богу... приходит к высшему человеческому совершенству и, следовательно, получает высшее удовольствие... чувствует блаженство, состоящее в любви к Богу, и обретает наивысшее счастье и свободу... Такие люди хотя бы и не знали, что душа наша вечна, однако уважение к общему благу, благочестие и вообще всё, относящееся к мужеству и великодушию, все-таки считали бы за главное... «Люди толпы» редко руководствуются разумом... Они думают, что свободны лишь постольку, поскольку им позволено повиноваться своим страстям, а будучи принуждены жить по предписанию божественного закона, они думают, что поступают своим правом. Таким образом, уважение к общему благу, благочестие и вообще всё, что относится к твердости духа, они считают бременем, от которого после смерти надеются избавиться и получить награду за свое рабство, именно за свое уважение к общему благу и благочестие. Впрочем, жить по предписанию божественного закона, поскольку это позволяет им их немощь и душевное бессилие, их заставляет не одна только эта надежда, но также и главным образом страх подвергнуться после смерти тяжким наказаниям. И если бы в людях не жили эта надежда и страх, если бы, наоборот, они верили, что души погибают вместе с телом и что для несчастных, сокрушенных бременем уважения к общему благу, нет другой жизни, они стали бы жить по своему нраву и предпочли действовать во всем под влиянием страсти... Из сказанного становится ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти. Ибо невежда, не говоря уже о том, что находится под самым разнообразным действием внешних причин и никогда не обладает истинным душевным удовлетворением, живет, кроме того, как бы не зная себя самого, Бога и вещей, и как только перестает страдать, перестает и существовать. Наоборот, мудрый едва ли подвергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением. Если же путь, который, как я показал, ведет к этому, и кажется весьма трудным, однако его все же можно найти. Да он и должен быть трудным, ибо его так редко находят. В самом деле, если бы спасение было у всех под руками и могло бы быть найдено без особого труда, то как же могли бы почти все пренебрегать им? Но всё прекрасное так же трудно, как и редко». (Трактат «Этика»).

(Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика / пер. с голл. и лат. М., 2010. С. 465, 468, 474, 475, 476).

Вопросы: Какие типы субъектов выделяет Б. Спиноза? Чем отличаются «люди разума» и «люди толпы»? Почему философы-мудрецы обретают наивысшее счастье и свободу? Почему «люди толпы» не могут по-настоящему быть свободными? Почему, по мнению Б. Спинозы, им несвойственны «блаженство и радость души»? Хотите ли Вы принадлежать к «людям толпы»? Путь «людей разума» труден, а может быть, он не имеет никакого смысла?!

Блез Паскаль (1623–1662) – французский философ, религиозный мыслитель, писатель, математик и физик.

54. Блез Паскаль восклицал: «Что за химера человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор Вселенной. Кто распутает этот клубок?.. Узнай же гордый человек, что ты – парадокс самого себя. Смирись бессильный разум! Умолкни бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека... Никто другой не постиг, что человек – превосходнейшее из созданий. И тем не менее люди оценивают себя то слишком высоко, то слишком низко... Еще Эпиктет говорил: «Выше голову, свободные люди! А другие говорят: «Опусти свои глаза к земле, ты, жалкий червь, и смотри на животных, своих сотоварищей». Кто же все-таки человек и с кем его можно сравнивать – с Богом или с животными? Какое страшное расстояние и какая страшная растерянность у человека, который явно сбился с пути, в большой тревоге ищет этот путь и не может найти. Человек окружен со всех сторон пугающей бесконечностью: с одной стороны – Вселенная, в которой Земля – крохотная точка, а человек – вообще исчезающе малая величина. С другой стороны, бесконечность внутри мельчайшего атома, бесконечность ничтожнейшего продукта природы вглубь. И человек стоит между двумя безднами – бесконечностью и ничтожностью – и трепещет при виде этих чудес. Но что значат эти бесконечности в сравнении с человеком, хоть он и песчинка в космосе, хрупкий тростник, но тростник мыслящий... Облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его сгубить. Но пусть Вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает и знает превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает. Все наше преимущество заключается в нашей способности разума. Одно только разумение возвышает нас над остальным миром. Будем же ценить и поддерживать наше разумение, и оно осветит нам всю нашу жизнь, укажет нам, в чем добро, в чем зло».

(Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 110, 136 –137).

Вопросы: Кто же такой человек? Согласны ли с мнением, что человек – «превосходнейшее из созданий»? Что отличает человека от Вселенной? Что дает «разумение» человеку?

55. «Человек, несомненно, сотворен для того, чтобы думать: в этом и главное его достоинство, и главное дело его жизни, а главный долг в том, чтобы думать пристойно. И начать ему следует с размышлений о себе самом, о своем создателе и своем конце... Величие человека в его способности мыслить... Постараемся же мыслить достойно: в этом – основа правдивости... Человек не должен приравнивать себя ни к животным, ни к ангелам, не должен и пребывать в неведении о двойственности своей натуры. Пусть знает, каков он в действительности».

(Паскаль Б. Мысли // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI – XVIII вв. Л., 1987. С. 230, 276, 278).

Вопросы: Для чего сотворен человек? В чем его достоинство и главный долг? В чем величие человека? В чем проявляется двойственность натуры человека? Согласны ли Вы с автором?

56. «Одно из главных свойств человека состоит в том, что он любит и уважает самого себя, желает себе блага. Но беда ему, если он любит только самого себя: он захочет быть великим, а увидит, что он маленький; захочет быть счастливым, а увидит себя несчастным; захочет быть совершенным, а увидит себя полным несовершенства; захочет себе любви и уважения от людей, а увидит, что его недостатки отвращают людей и внушают им презрение к нему. Видя неисполнение своих желаний, такой человек впадает в самое преступное дело: он начинает ненавидеть ту правду, которая идет ему наперекор; он хочет истребить эту правду, и так как он сделать этого не может, то он в своей душе и в глазах других старается извращать правду, когда только может; таким способом он надеется скрыть свои недостатки и от других, и от самого себя».

(Цит. по: Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2013. С. 72–73).

Вопросы: Что происходит с человеком, который любит только самого себя? Почему такой человек отвращает от себя людей? С какой целью он пытается скрыть свои недостатки и от других, и от самого себя? Всегда ли происходит именно так, как описывает Б. Паскаль?

57. «Мы должны благодарить тех, которые указывают нам на наши недостатки. Хотя недостатки наши от этого указания и не пропадают, потому что их слишком много у нас, но зато, когда недостатки наши нам известны, то они начинают тревожить нашу душу, не дают совести гложуть, и мы стараемся исправиться и освободиться от них... Есть пороки в нас, которые держатся только другими нашими пороками и которые пропадают, когда мы уничтожаем основные пороки, как спадают ветви, если подрубить ствол... Путь исправления себя, правда, труден, но он труден не сам по себе, а труден потому, что мы так долго предавались порокам, которые и усложняют нам путь

исправления. Мы страдаем от этой борьбы настолько, насколько пороки наши успели в нас вкорениться. Мы не можем думать, что Бог виноват в необходимости этой борьбы, потому что, не будь в нас пороков, не было бы и борьбы. Значит причина борьбы – в нашем собственном нечестии. И между тем в этой борьбе наше спасение, и если Бог избавил нас от этой борьбы, то мы, несчастные, остались бы при наших пороках... Всё от Бога, и потому всё благо, зло есть только невидимое нами по близорукости благо... Борьба с собою и насилие над собою, конечно, должны быть вследствие наших прежних грехов; но это насилие – любовное, законное. Мать вырывает ребенка своего из пасти зверя. Ребенку больно, но он, конечно, должен приписать свое страдание не матери своей, спасающей его, а зверю, желающему удержать его. Так же точно и человек должен относиться к борьбе благочестия с нечестием: благочестие, как мать, вырывает нашу душу от нечестия, и хотя борьба эта и мучительна для нас, но она необходима и доставляет нам благо. Плохо было бы для нас, если бы Бог оставил нас вовсе без борьбы. Без нее не может явиться в нас и благочестие... Я желал бы побудить людей искать истину и освободиться от своих страстей, мешающих им идти туда, где они могут найти истину. Я знаю, как страсти и похоти затемняют разумение, и желал бы, чтобы человек возненавидел в себе эти животные свойства, которые ослепляют его, когда он уже идет по этому пути». (Трактат «Мысли»).

(Цит. по: Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2013. С. 85, 94, 160, 192).

Вопросы: Почему мы не должны считать врагами тех, кто указывает на наши недостатки? Какие пороки можно назвать основными? От чего зависит трудность борьбы с пороками? Согласны ли Вы, что «зло есть только невидимое нами по близорукости благо»? Бывает ли зло во благо? Почему борьба человека со своими грехами и мучительна, и благотворна одновременно? Прав ли Б. Паскаль, заявляющий, что «было бы плохо, если бы Бог оставил бы нас вовсе без борьбы»? Согласны ли Вы, что «страсти и похоти затемняют» разум? Надо ли освободиться от своих страстей?

58. «Печально видеть, что люди больше заботятся о том, как прожить в том положении, в котором они оказались совершенно помимо своей воли, чем о том, чтобы выбрать себе положение и занятия на основании указаний своего разума и своей совести. Человека заранее уверили в том, что дело, доставшееся ему на долю, праведное дело, и он уже не думает разбирать, действительно ли это дело хорошее или нет; он занят только тем, как бы успешнее исполнить это дело. А между тем, если бы он решился разобрать самую суть дела, то ему, пожалуй, пришлось бы совсем изменить свое занятие». (Трактат «Мысли»).

(Там же. С.187–188).

Вопросы: Должен ли человек сам выбрать себе занятие в соответствии со своими способностями и склонностями, или же ему следует подчиниться желаниям других людей и различным обстоятельствам? Бывает ли так, что человек всю жизнь занимается не своим делом?

Джон Локк (1632–1704) – английский философ, психолог, педагог.

59. «Добром» мы называем то, что может причинить или увеличить удовольствие, уменьшить страдание, доставить или сохранить нам обладание каким-нибудь благом или уберечь от какого-нибудь зла. «Злом», напротив, мы называем то, что может причинить или увеличить страдание, уменьшить удовольствие, лишить нас какого-нибудь блага. Удовольствие же и страдание, служащие критерием добра и зла, – простые идеи чувств, и единственный способ познать их – опыт... Где же врожденные принципы справедливости, благочестия, благодарности, правды, целомудрия? Где то всеобщее признание, которое уверяет нас в существовании таких врожденных правил?.. И если мы бросим взгляд на людей, каковы они есть, то увидим, что в одном месте одни чувствуют угрызения совести из-за того, в чем другие в другом месте поставляют свою заслугу... Не существует «врожденных идей» или врожденных принципов практического поведения, воли, морали...» (Трактат «Опыт о человеческом разуме»).

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 216–217).

Вопросы: Что является критериями добра и зла, по мнению Дж. Локка? Что является способом познания удовольствия или страдания? Согласны ли Вы с мнением Дж. Локка, что и познавательные идеи, и нравственные принципы имеют своим источником опыт, что человеческое сознание есть «чистая доска», которая заполняется в процессе жизни? Можно ли считать Дж. Локка противником прежней нравственности, основанной всецело на религии и «врожденных идеях»? Прав ли Дж. Локк, выдвинувший эмпирическое понимание морали, вытекающее из принципа пользы и интересов индивида? Зависят ли нравственные нормы и принципы от изменений, происходящих в обществе? Обладает ли нравственное сознание отдельного человека своими особенностями, отличающими его от нравственного сознания других людей? Зависят ли нравственные особенности человека от его наследственности?

60. Основным требованием в области нравственного воспитания у Дж. Локка является дисциплина духа. «Выработка характера, нравственное дисциплинирование, развитие воли – важнейшие задачи. Необходимо с раннего возраста приучать и упражнять детей в умении побеждать собственные прихоти, обуздывать страсти и следовать тому, что строго одобряет разум, хотя бы личные желания и клонились в совершенно другую сторону. Как крепость

тела заключается в способности выносить лишения, так и сила души заключается в способности человека обуздывать себя, подчинять свои желания велениям рассудка. К этой дисциплине следует приучить ребенка уже в самом раннем возрасте: разве может показаться нам странным, что тот, кто еще в детской рубашонке привык иметь свою волю во всем, продолжает, и нося брюки, желать того же? Неправильно поступил бы воспитатель, если бы в раннем детстве слишком уступал и потворствовал ребенку, а в старшем возрасте держался бы с ним строго. Законные желания ребенка нужно, конечно, исполнять, но как только желания переходят в каприз, необходимо им противиться. Платье, когда дети в нем нуждаются, давайте им; но чуть они заговорили о такой-то материи или о таком-то цвете, пусть будут уверены, что просьба их не будет выполнена... В раннем детстве, пока еще нельзя полагаться на разумное самообладание ребенка, дети должны видеть в своих родителях безусловный авторитет, который устанавливается твердостью последних, должны чувствовать «почтительный страх» перед родителями. Сначала страх и уважение должны дать вам власть над их душой, а затем любовь и дружба поддержат ее в зрелые годы... Но если слишком унижать детей, пригибать их дух, держа в слишком большом подчинении, то от этого они теряют всю свою энергию, из них выходят люди слабые, придавленные и трусливые... Но в качестве крайнего средства, когда нужно сломить упрямство ребенка, можно допустить телесные наказания. Предпочтительнее однако влиять на воспитанника похвалой и порицанием; можно усилить похвалу, делая ее публичной. Нужно возбудить у детей чувство чести. То, что предлагаешь ребенку, следует хорошо обосновать. Главным воспитательным средством являются, однако, не столько наставления, сколько примеры, среда, обстановка. Примите за несомненную истину, что какие бы наставления ни давали ребенку и какими бы мудрыми уроками благовоспитанности ни пичкали его ежедневно, наибольшее влияние на его поведение будет все-таки оказывать компания, в которой он находится, и образ действий тех, кто ходят за ним. Правильные поступки детей нужно превращать в привычку. Образование хороших привычек является конечной задачей». (Трактат «Мысли о воспитании»).

(Цит. по: Медынский Е.Н. История педагогики. Ч. 1. Всеобщая история педагогики. М., 1941. С. 128–129).

Вопросы: Какие важнейшие задачи формирования человека выделяет Дж. Локк? Согласны ли Вы с автором, что основным требованием нравственного воспитания является дисциплина духа? О каких приемах воспитания дисциплины говорит Дж. Локк? Следует ли слишком жестко относиться к своим детям? Всегда ли мудрые наставления и уроки благовоспитанности дают положительный результат? Какими качествами должен, по мнению Дж. Локка, обладать джентльмен? Какие факторы формируют поведение человека в наше время? Нужно ли современному человеку воспитывать в себе дисциплину тела и дисциплину духа?

61. «Нужно развивать в детях терпеливость к боли, стойкость... У детей часто возникает чувство страха. Вообще говоря, это чувство выполняет полезную роль, служит предостережением против грозящей опасности. Безрассудство, неумение взвесить опасность – недостойно разумного человека. Но плохо, когда чувство страха принимает болезненные формы. Надо воспитывать умение взвешивать опасность и в то же время спокойное самообладание перед лицом опасности. Не допускайте, чтобы детям толковали о разных ужасах или пугали страшными предметами. Приучайте их постепенно к таким вещам, которых они чересчур боятся. Приучайте их к перенесению боли, так как боль – главная причина страха... Следует также тщательно следить, чтобы дети не мучили животных, так как проявляемая при обращении с животными жестокость легко затем может укорениться и распространиться и на обращение с людьми. Надо приучать к вежливому обращению с окружающими, не допуская никаких проявлений надменности. Стремясь воспитать человека деятельного, энергичного, надо обратить большое внимание на борьбу с леностью. Отсутствие интереса к чему бы то ни было и вялость во время занятий являются одним из худших недостатков в ребенке. При проявлении лени, надо прежде всего установить, проявляется ли она во всем или лишь в известных занятиях, а в других ребенок, наоборот, обнаруживает интерес и энергию. Если леность замечается лишь в уроках, надо указать ребенку на неразумность его поведения, привести его к мысли, что он теряет, вяло занимаясь, много времени, которое, энергично занимаясь, мог бы освободить себе для игр. Если эти доводы не помогут, спрашивайте его ежедневно, сколько времени он сегодня занимался, поставьте ему на вид нерадивость, будьте холодны с неисправным ребенком. Если не поможет и это, заставьте его заниматься любимой игрой с утра до вечера, пока он не пресытится ею. Если ребенок проявляет вялость ко всему окружающему, старайтесь пробудить в нем интерес хоть к чему-нибудь, используйте этот хотя бы односторонний интерес; отправляясь от него, постарайтесь расширить его и на другие вопросы... Нужно подходить к каждому человеку с внимательным учетом его индивидуальных особенностей... Своевременно начинайте пристально наблюдать характер вашего сына и, когда он непринужденно предается игре и не подозревает, что вы за ним следите, замечайте его преобладающие страсти и господствующие особенности: сердит ли он или кроток, дерзок или застенчив, сострадателен или жесток, откровенен или сдержан и т. д., ибо сообразно различиям этих качеств должны различаться и ваши методы, и ваш авторитет должен утверждаться различными средствами... Детям нужно дать понятие о Боге как творце мира и благодетеле, не вдаваясь в подробные разъяснения, не заставляя их учить непонятные религиозные рассуждения...» (Трактат «Мысли о воспитании»).

(Цит. по: Медынский Е.Н. История педагогики. Ч. 1. Всеобщая история педагогики. М., 1941. С. 129–130).

Вопросы: Какие тонко разработанные в психологическом отношении указания дает Дж. Локк относительно развития желательных и подавления отрицательных свойств человека? Надо ли развивать терпеливость к боли? Почему не надо поощрять у своих детей жестокое отношение к животным и окружающим людям? Почему Дж. Локк считает лень одним из худших недостатков? Как с нею бороться? Как можно выяснить индивидуальные особенности своего ребенка? Замечали ли Вы, что часто родители в сущности не знают своих детей? Могли бы Вы что-то взять для себя из приведенных рекомендаций Дж. Локка?

Философия эпохи Просвещения XVIII в.

Жюльен Офрэ де Ламетри (1709–1751) – французский философ, ученый, врач, один из первых представителей французского материализма XVIII века, решительный противник идеализма и теологии, схоластики и консервативной медицины ... «тот, кто своей смелостью пугал даже самых смелых» (Г.В. Плеханов).

62. «Человеческое тело – это заводящая себя машина, живое олицетворение непрерывного движения. Пища восстанавливает в нем то, что пожирается лихорадкой. Без пищи душа изнемогает, впадает в неистовство и, наконец, изнуренная, умирает. Но если питать тело и наполнять его сосуды живительными соками, то душа становится бодрой и наполняется гордой отвагой... Человек – это весьма просвещенная машина, обладающая более высоким уровнем организации. Несколько больше колес и пружин, чем у самых совершенных животных, мозг, сравнительно ближе расположенный к сердцу и вследствие этого получающий больший приток крови, – и что еще? Неизвестные причины порождают это столь легко уязвимое сознание, эти угрызения совести, не в меньшей степени чуждые материи, чем мысль, – словом, все предлагаемое различие между животным и человеком. Но достаточно ли объясняет все эта организация указанных органов? Еще раз – да: если мысль явным образом развивается вместе с органами, то почему же материи, из которой последние сделаны, не быть восприимчивой к угрызениям совести, раз она приобрела способность чувствовать. Итак, душа – это лишенный содержания термин, за которым не кроется никакой идеи и которым здравый ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего организма, которая мыслит. При наличии в них простейшего начала движения одушевленные тела должны обладать всем, что им необходимо для того, чтобы двигаться, чувствовать, мыслить, раскаиваться – словом, проявлять себя как в области физической, так и в зависящей от нее моральной... Нами должны руководить только опыт и наблюдение. Они имеются в бесчисленном количестве в дневниках врачей, бывших в то же время философами, но их нет у философов, которые не были врачами. Первые прошли по лабиринту человека, осветив его; только они одни сняли покровы с пружин, спрятанных под оболочкой, скрывающей от наших глаз столько чудес; только они, спокойно

созерцая нашу душу, тысячу раз наблюдали ее как в ее низменных проявлениях, так и в ее величии, не презирая ее в первом из этих состояний и не преклоняясь перед нею во втором. Повторяю, вот единственные ученые, которые имеют здесь право голоса. Что могут сказать другие, в особенности богословы?.. Человек настолько сложная машина, что совершенно невозможно составить себе о ней ясную идею, а следовательно, дать точное определение. Вот почему оказались тщетными все исследования а priori самых крупных философов, желавших, так сказать, воспарить на крыльях разума. Поэтому только путем исследования а posteriori, т. е. пытаюсь найти душу как бы внутри органов тела, можно не скажу открыть с полной очевидностью саму природу человека, но достигнуть в этой области максимальной степени вероятности. Итак, возьмем в руки посох опыта и оставим в покое историю всех бесплодных исканий философов. Быть слепым и все же думать, что можно обойтись без посоха, – значит обнаружить верх ослепления». (Трактат «Человек – машина»).

(Ламетри Ж.О. Сочинения / под общ. ред. В.М. Богуславского. М., 1976. С. 195–196, 199, 226).

Вопросы: Какую точку зрения на психические процессы (материалистическую или идеалистическую) отстаивает Ж. Ламетри? Можно ли согласиться с позицией Ж. Ламетри, что человек – это «чувствующая», самозаводящаяся, «просвещенная машина», «искусный часовой механизм», созданный природой посредством принципа выживания наиболее приспособленных организмов? Чем человек отличается от животных? Ж. Ламетри видит только количественную разницу между человеком и животным: человек обладает большей степенью чувствительности и большим количеством ума. Согласны ли Вы с этим? Правомерно ли сведение физиологических процессов, протекающих в организме человека, к механическим? Как Вы оцениваете стремление Ж. Ламетри исследовать душу человека, опираясь при этом не на абстрактные философские идеи, а на опытные данные, накопленные естествоиспытателями его времени?

63. «Человек вообще представляет собою вероломное, хитрое, опасное и коварное животное. Он скорее повинуется пылу своей крови и страстей, чем идеям, заложенным в нем с детства и составляющим основу естественного закона и угрызений совести... Люди рождаются злыми, и без воспитания было бы очень мало хороших людей; даже при наличии воспитания первых гораздо больше, чем вторых. Таков порок человеческого устройства. Только воспитание улучшило его внутреннюю организацию; именно оно направило людей к выгоде и пользе; оно завело их, подобно часам, наилучшим образом, так, чтобы они могли служить. Таково происхождение добродетели: ее источником является общественное благо... Природа предназначила нам стоять ниже животных, чтобы тем самым особенно наглядно обнаружить чудеса, какие

способно делать воспитание, которое одно поднимает нас над их уровнем и в конце концов дает нам превосходство над ними... Именно воспитание в состоянии доставить нам чувство и счастье, противоположные тем, которые мы имели бы без него. Таково влияние модификаций, производимых им в наших инстинктах или в нашем способе чувствовать. Душа, подвергнутая воспитанию, уже не желает и не делает того, что желала и делала раньше, когда руководилась только сама собой. Озаренная множеством новых ощущений, она начинает находить плохим то, что раньше считала хорошим, хвалить в других то, что раньше в них порицала. Как флюгеры, поворачиваемся мы беспрестанно по ветру воспитания и снова возвращаемся к исходному пункту, когда к нашим органам снова возвращаются их естественные чувства и напоминают нам о себе, заставляя следовать нашим первоначальным склонностям. Тогда мы снова во власти былых склонностей, и сглаживается все то, что порождено искусством воспитания, и мы бессильны – в той мере, в какой бы этого хотели, – использовать на благо общества плоды нашего воспитания. Такого рода материализм заслуживает внимания. Он должен явиться источником терпимости по отношению к людям, прощения их проступков, умеренности в наказаниях, без которых, к сожалению, нельзя обойтись, и вознаграждений за добродетель, для которой нет достаточно щедрой награды, ибо добродетель является чем-то неожиданным, каким-то чуждым человеку украшением, которое, если о нем не позаботиться, в любой момент может исчезнуть. Однако приходится считаться с общественными интересами... Итак, мы видим, что все различие между дурными и хорошими людьми заключается в том, что у первых частный интерес преобладает над общим, тогда как вторые жертвуют своим собственным благом ради друга или ради общества».

(Ламетри Ж.О. Сочинения /под общ. ред. В.М. Богуславского. М., 1976. С. 215, 279, 291–292, 313).

Вопросы: Каков человек от рождения, по мнению Ж. Ламетри? Какую роль играет воспитание в жизни человека? Что является целью воспитания? Человек зол или добр? Что возвышает человека над животным? Что происходит с душой, «подвергнутой воспитанию»? Действительно ли «добродетель является чуждым человеку украшением»? В чем заключается различие между дурными и хорошими людьми? Согласны ли Вы с этим?

64. «Мудрец может и даже должен согласиться на то, чтобы быть богатым; он не должен совершать подлости, чтобы стать им... Однако должен так его применить, чтобы бедняки и находящиеся в нужде таланты разделили его с ним. Только достойные люди могут оказывать услугу тем, кто того заслуживает. Поэтому мудрец или всякий другой, кто умеет использовать свое богатство, будет облегчать участь несчастных, будет поощрять добродетель, ободрять таланты и восстанавливать поправное достоинство... Насколько

такой человек будет отличаться от тех низких и пошлых душ, которых богатство делает гордыми и бесконечно польщенными тем, в чем больше всего случайности и меньше всего заслуги, и которые не делятся ни с кем удобствами, извлекаемыми из богатства! Но только безумец может расточать свое достояние согласно своим прихотям, голос которых заглушает голоса стольких несчастных, и только подлец может пользоваться им, чтобы мучить других людей, находя удовольствие в несчастьях, причиной которых он является. Долг богатого человека – заботиться о благе общества, своей радостью освещать сердца других. Если он не исполняет этого долга, если он не обнаруживает сострадания и щедрости, если он не страдает при виде множества бедных, помочь которым не в состоянии даже самый богатый человек, то, значит, богатство оказалось в плохих, недостойных руках. Я вовсе не хочу быть богатым для того, чтобы иметь у себя дома толпу льстецов и мнимых друзей, которые без тени ложного стыда или, вернее, из вероломства отвернутся от меня почти одновременно с судьбой; я хотел бы обладать большим состоянием только для того, чтобы пользоваться прекрасным преимуществом – удовольствием оказывать услуги ближним; щедрость составляла бы всю мою роскошь. Я совсем не презирал бы богатства, я умел бы разумно расходовать и распределять. Я считаю скупость источником всех пороков. И разве добродетель мыслима без щедрости?.. Прочь всякое излишество! Мудрец может питать к нему только презрение». («Трактат Анти-Сенека, или Рассуждения о счастье»).

(Ламетри Ж.О. Сочинения / под общ. ред. В.М. Богуславского. М., 1976. С. 305–306).

Вопросы: Может ли мудрец быть богатым? Как, по мнению Ж. Ламетри, человек должен использовать свое богатство? В чем состоит долг богатого человека? Когда «богатство оказывается в плохих, недостойных руках»? Почему Ж. Ламетри не хочет быть богатым? Согласны ли Вы с позицией Ж. Ламетри, утверждающего, что «скупость – источник всех пороков», а «добродетель немислима без щедрости»? Как Вы относитесь к излишествам? Соответствуют ли мысли Ж. Ламетри взглядам современных олигархов? Является ли счастливым человек, бездумно расточающий свое богатство?

65. Ж. Ламетри пишет с презрением и отвращением о тех, кто думает «лишь о своем теле», кто, потворствуя своим низменным инстинктам, предается обжорству и разврату: эти люди, подобно свиньям, утопают в грязи, им доступно лишь «свинское счастье». Кроме пошлых наслаждений, он выделяет наслаждения ума. «Насколько отличны от них источники умственных наслаждений! По мере приближения к истине находишь ее все более прекрасной. Здесь наслаждение не только увеличивает желание, но уже самое стремление к наслаждению вызывает наслаждение. Последствия наслаждения

продолжаются долгое время, хотя само по себе оно быстрее молнии. Следует ли удивляться тому, что умственные наслаждения настолько же превосходят чувственные, насколько дух выше тела? Ведь дух является первым из всех чувств и как бы местом встречи всех ощущений... Поэтому не будем спрашивать себя, каким непреодолимым очарованием воспламененное любовью к истине сердце вдруг переносится, так сказать, в лучший мир, где испытываются наслаждения, достойные Богов. Из всех привлекательных даров природы самым привлекательным является философия. Какая слава может быть прекраснее, чем шествие в ее храм под руководством разума и мудрости? Какая победа более достойна, чем власть над всеми умами? Рассмотрим все объекты наслаждений, неведомых душам пошляков. Сколько в них красоты и широты! Время, пространство, бесконечность, земля, море, небосвод, все стихии, все науки и искусства – все охватывается этого рода наслаждениями. Втиснутая в пределы мира, философия при помощи воображения создает миллионы миров. Природа в целом – ее пища, воображение – ее торжество... Так, художник обожает свое искусство, он ставит его превыше всего, он сомневается, можно ли быть счастливым, не будучи художником, до такой степени он очарован своей профессией... Если испытываешь своего рода энтузиазм даже при переводе и развитии чужих мыслей, то насколько большее наслаждение получишь, когда мыслишь самостоятельно. Разве не наслаждение – это рождение и рост идей, создаваемые чутьем к природе и стремлением к познанию истины! Как изобразить акт воли или памяти, посредством которого душа как бы снова воспроизводится, приобщая одну идею к другой, родственной ей, чтобы из их сходства и как бы союза родилась третья; ибо поглядите на произведения природы: ее единообразие таково, что почти все эти произведения формируются по единому принципу. Чрезмерные чувственные наслаждения лишаются своей яркости и перестают быть наслаждениями. Что касается умственных наслаждений, то они походят на них только до известной степени. Чтобы сделать их более утонченными, необходимо временно от них отказаться. Наконец, в умственных занятиях, как и в любви, бывают состояния экстаза. Это состояние я позволю себе назвать неподвижностью ума, настолько опьяненного занимающим и очаровывающим его предметом, что кажется, будто при помощи абстракции он отделяется от собственного тела и всего его окружающего, целиком отдаваясь тому, чем он поглощен. Упоенный чувством, он уже не чувствует ничего. Таково наслаждение, испытываемое в поисках и при нахождении истины... Да, умственные занятия являются наслаждением для всех возрастов, для всех стран, для всех времен года и во все эпохи... В старости, в возрасте равнодушия, когда уже невозможно ни доставление, ни получение других видов наслаждений, каким величайшим его источником является чтение и размышление! Какое наслаждение видеть каждый день, как на твоих глазах, твоими руками создается и вырастает работа, которая будет приводить в восторг будущие поколения и даже современников!.. Но зачем столько прославлять наслаждение, испытываемое от умственных занятий?! Кто не знает, что – это благо, не вызывающее, подобно другим благам жизни, ни

отвращения, ни беспокойства; неисчерпаемое сокровище, самое надежное противоядие против жестокой скуки, сопровождающей нас повсюду, следующей за нами по пятам?! Счастлив тот, кто сумел разбить цепи всех своих предрассудков; только такой человек может испытать наслаждение во всей его чистоте; только он один может испытать приятное спокойствие духа, полное удовлетворение сильной, но нечестолюбивой души, которое и есть если не самое счастье, то источник его... Итак, первая польза от наук – это польза от упражнения в них; само по себе это уже действительное и прочное благо. Счастлив тот, кто имеет вкус к умственным занятиям! Еще более счастлив тот, кому удастся при помощи их освободить свой ум от иллюзий, сердце – от тщеславия. Это желанная цель... Многие педанты научились всему, чему угодно, но только не мыслить... Я с самого детства упражнялся именно в этой науке...» (Трактат «Человек-машина»).

(Ламетри Ж.О. Сочинения /под общ. ред. В.М. Богуславского. М., 1976. С. 44 – 45, 188 – 192).

Вопросы: Какие виды наслаждений выделяет Ж. Ламетри? Чем отличаются, по его мнению, умственные наслаждения от чувственных? Нужны ли человеку чрезмерные чувственные наслаждения? Являются ли умственные занятия наслаждением для всех возрастов? Какие наслаждения несвойственны «душам пошляков»? Почему занятие философией вызывает, с точки зрения Ж. Ламетри, сильное наслаждение? Что является источником наслаждений в старости? Почему наслаждение, испытываемое от умственных занятий, – благо? Нужно ли развивать в себе способность испытывать наслаждения от умственных занятий? Возможно ли без этого стать хорошим специалистом? Действительно ли счастлив тот, кто «имеет вкус к умственным занятиям»? Почему надо освободить «ум от иллюзий, сердце – от тщеславия»?

Жан-Жак Руссо (1712–1778) – французский философ, писатель, педагог, выдающийся представитель французского Просвещения.

66. «В то время как правительство и законы охраняют общественную безопасность и благосостояние граждан, науки, литература и искусства – менее деспотичные, но, быть может, более могущественные – обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляют их любить свое рабство и создают так называемые цивилизованные народы... Счастливые рабы, вы им обязаны изысканным и изощренным вкусом, которым вы гордитесь, мягкостью характера и обходительностью нравов, способствующими более тесному и легкому общению, словом, всеми внешними признаками добродетелей, которых у вас нет... Наши души развращались, по мере того как совершенствовались науки и искусства. Быть

может, мне скажут, что это – несчастье, присущее только нашей эпохе? Нет, милостивые государи, зло, причиняемое нашим суетным любопытством, старо, как мир. Приливы и отливы воды в океане не строже подчинены движению ночного светила, чем судьба нравов и добропорядочности – успехам наук и искусств. По мере того как они озаряют наш небосклон, исчезает добродетель, и это явление наблюдается во все времена и во всех странах... Вот каким образом роскошь, развращенность и рабство во все времена становились возмездием за наше надменное стремление выйти из счастливого невежества, на которое нас обрекла вечная Мудрость. Казалось бы, густая завеса, за которую она скрыла от нас все свои пути, должна была бы указать нам на то, что мы не предназначены для пустых изысканий. Но есть ли хоть один урок, которым мы сумели бы воспользоваться... Народы! Знайте раз навсегда, что природа хотела обереечь вас от наук подобно тому, как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие. Все скрываемые ею от вас тайны являются злом, от которого она вас охраняет, и трудность изучения составляет одно из немалых ее благодеяний. Люди испорчены, но они были бы еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными».

(Руссо Ж.Ж. Рассуждения о науках и искусствах // Избранные сочинения: в 3 т. М., 1961. Т. 1. С. 44–45, 47–48, 52).

Вопросы: Приветствует ли Ж-Ж. Руссо переход, совершившийся в ходе истории, от естественного состояния человека к политическому и экономическому неравенству, от свободы к рабству? Как отвечает Ж-Ж. Руссо на вопрос: «Способствовало ли возрождение и развитие наук и искусства очищению нравов»? Как используются достижения науки и искусства в условиях социального и имущественного неравенства, по мнению автора? Прав ли Руссо, утверждающий, что «наши науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам; мы не сомневались бы в преимуществах наук и искусств, если бы они были порождены нашими добродетелями»? Как Вы поняли: отрицает ли принципиальную ценность наук и искусства Руссо? Могут ли открытия в науке быть опасными для человека и человечества? Может быть, действительно, природа иногда охраняет нас, скрывая свои тайны? Как «массовая культура» влияет на подрастающее поколение? Всегда ли она примитивна?

Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778) – выдающийся французский мыслитель, писатель, поэт, драматург, историк, публицист. Крупнейший представитель французского Просвещения.

67. «Прежде всего определим, что мы понимаем под словом свобода. Свобода – это исключительная возможность действовать... Изъявлять свою волю и действовать – это именно и означает иметь свободу... На каком основании

люди могли вообразить, будто не существует свободы? Вот причины этого заблуждения: сначала было замечено, что мы часто охвачены неистовыми страстями, увлекающими нас вопреки нам самим. Человек хотел бы не любить свою неверную возлюбленную, но его вожделения, более сильные, чем его разум, приводят его обратно к ней... Эти зримые кандалы, которыми мы скованы почти всю нашу жизнь, заставляют нас думать, будто мы таким же образом скованы во всем остальном; из этого был сделан вывод: человек бывает стремительно увлекаем жестокими и волнующими потрясениями; в иное время им руководит поступательное движение, над которым он больше не властен; он – раб, не всегда ощущающий тяжесть и позор своих цепей, и все же он всегда раб... В то время, когда вы охвачены неистовой страстью, ваши чувства не повинуются более вашей воле: в этом случае вы не больше свободны, чем когда паралич мешает вам пошевелить рукой, которую вы хотите поднять. Если бы над человеком всю жизнь господствовали жестокие страсти и образы, непрестанно заполняющие его мозг, ему недоставало бы той части человеческого существа, свойством которого является способность думать иногда о том, о чем хочется; это именно тот случай, когда существует много безумцев, которых упрятывают под замок, а также и весьма много других, которых не запирают. Несомненно существуют люди, более свободные, чем другие, по той простой причине, что не все мы одинаково просвещены, одинаково крепки и т. д. Свобода – здоровье души, мало кто обладает этим здоровьем в полной и неизменной мере. Свобода наша слаба и ограничена, как и все наши остальные способности. Мы укрепляем ее, приучая себя к размышлениям, и это упражнение души делает ее несколько более сильной. Но какие бы мы ни совершали усилия, мы никогда не добьемся того, чтобы наш разум стал хозяином всех наших желаний; у нашей души, как и у нашего тела, всегда будут произвольные побуждения. Мы свободны, мудры, сильны, здоровы и остроумны лишь в очень небольшой степени. Если бы мы всегда были свободны, мы бы были тем, что есть Бог. Удовольствуемся же долей, соответствующей месту, занимаемому нами в природе. Не будем воображать, будто нам недостает именно вещей, приносящих нам наслаждение, и не станем из-за того, что нам не даны атрибуты Бога, отрекаться от способностей человека... Человек, разумеется, может желать лишь тех вещей, идеи которых у него есть. Именно в этом и состоит его свобода: она заключена в том, что он может сам по себе принять решение поступить так, как ему кажется хорошим; желать же того, что не доставляет ему удовольствия, было бы форменным противоречием, и потому это невозможно. Человек определяет себя к поступку, кающемуся ему наилучшим, и это неопровержимо...»

(Вольтер Ф. Метафизический трактат // Философские сочинения. М., 1988. С. 258–263).

Вопросы: Что такое свобода, по мнению Вольтера? Почему некоторые мыслители думают, что свобода не существует? Всегда ли человек

является рабом? Почему существуют более и менее свободные люди? Прав ли Вольтер, утверждающий, что наш разум никогда не сможет быть «хозяином всех наших желаний»? Оказывает ли влияние на наше поведение бессознательная сфера психики человека? Может ли человек быть свободным во всех отношениях? Есть ли различия между свободой Бога и свободой человека? Как связаны удовольствие и свобода?

Поль-Анри Гольбах (1723–1789) – выдающийся французский философ, материалист и атеист.

68. «Именем Бога люди обозначают наиболее скрытую, далекую и неизвестную причину, когда в силу своего невежества и лени мысли они останавливаются в своем познании. Не умея разобраться в естественной связи причин, они, чтобы покончить с затруднениями, прекращают свои поиски и называют Богом ту причину, которая находится за гранью известных им явлений. Бог – это химера. Это набор туманных, абстрактных слов: безмерность, духовность, всеведение, всемогущество и прочее. Из соединения подобных понятий образовалась идея существа, совершенно непостижимого и далекого от всего, что могут знать и чувствовать люди. Затем, для того чтобы приблизить идею этого существа к человеческим представлениям, его наделили человеческими моральными качествами и даже человеческим обликом, но при этом неизбежно впали в самые вопиющие противоречия... Говорят, что Бог – это чистый дух, который не содержит в себе никакой материи и не имеет к ней никакого отношения. Но вместе с тем утверждают, что он творит и постоянно приводит в движение материю. Бог – вечное и неизменное существо и вместе с тем он причина всех изменений и движений, происходящих в природе. Бог бесконечен и вместе с тем говорят, что он существует наряду со вселенной. Он заполняет все пространство, но вместе с тем дает место природе. Если же обратиться к приписываемым Богу моральным качествам, то противоречия будут еще более очевидны, разительны и нелепы. Говорят, что Бог – это благодать. Но вместе с тем попы на каждом шагу грозят гневом и карой Божией... В чем же состоит благодать Бога, если целые народы вымирают на земле, если мир полон бедствий, голода, войн, эпидемий? Бог всемогущ? Но он не может воспрепятствовать существованию зла и придать своим творениям желательное совершенство. Что же касается божественной справедливости, то можно ли назвать справедливым того, кто допускает, чтобы невиннейшие из его подданных вечно терпели несправедливость? Далее, говорят, что Бог – воплощение абсолютного порядка, но ведь этот порядок постоянно нарушается: в мире происходят грозные катастрофы, потопа, землетрясения. Говорят, что Бог всеведущ, но вместе с тем утверждают, что он считает необходимым постоянно подвергать испытаниям свои творения. Что это за существо, которое обладает всевозможными божественными качествами, а ведет себя всегда как обыкновенный человек? Что это за всемогущее существо, которое не успевает ни в чем и поступает совершенно недостойным его образом? Оно злобно,

несправедливо, жестоко, завистливо, раздражительно, мстительно, подобно человеку, терпит, как и последний, неудачу во всех своих начинаниях, обладая, однако, всеми атрибутами, способными гарантировать его от человеческих недостатков. Если мы захотим быть добросовестными, то должны будем признать, что это существо простое ничто и что сочиненный для объяснения природы призрак находится в вечном противоречии с этой природой; вместо того, чтобы объяснить все, оно повсюду приносит хаос... Всякая теология есть одна сплошная фикция. Во лжи, как и в истине, нет степеней... Бог деистов – неизвестная духовная первопричина мира, раз и навсегда сообщившая жизнь и движение природе и затем предоставившая ее самой себе, – это совершенно пустое и бесполезное понятие. От этого понятия надо избавиться, чтобы опять не вернуться от него к обычному суеверию. Деизм – это мировоззрение, на котором не сможет задержаться долго человеческая мысль; так как он строится на иллюзии, то рано или поздно, он вырождается в нелепое и пагубное суеверие...» (Трактат «Система природы»).

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 394–395).

Вопросы: Как Вы оцениваете логическую критику П. Гольбаха идеи Бога? Не является ли она слишком радикальной и прямолинейной? Может, раскритикованные П. Гольбахом религиозные представления в весьма несовершенной форме отражают примитивное мировоззрение людей прошлых эпох? Можно ли заявить, как считали французские материалисты XVIII века, что религия – «бич человечества, источник фанатизма, ослепляющего людей, источник раздора, тирании и преступлений»? Может быть надо говорить о том, кто использует религиозные представления и в каких целях? Выполняет ли религия какую-то гуманистическую функцию? Может ли вера в Бога помочь человеку в его жизни? Вспомните слова К. Маркса: «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум для народа. Упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья». Сравните взгляды философов К. Маркса и П. Гольбаха. В чем их сходство и различие?

69. П. Гольбах был убежден, что вера в Бога покоится на невежестве и обмане. «Незнание естественных причин заставило человека создать богов; обман превратил их во что-то грозное... Религиозные заблуждения людей имеют некоторые корни и в самой их жизни. Невежество, тревоги, бедствия были всегда источниками первых представлений людей о Божестве. Бедствия, которые поражают воображение человека, – землетрясения, наводнения, грозы,

болезни, смерть, – все это представляется ему сверхъестественными явлениями, ибо они противоречат его природе. Человек приписывает эти явления могущественной силе, которая располагает ими по своему произволу. Воображение человека, находящегося в отчаянии от кажущихся неизбежными бедствий, создает призрак, перед которым человек трепещет. Скованный страхом, он начинает печально размышлять о своих страданиях и в трепете изыскивает средства устранить их, обезоружить гнев преследующего его призрака. Так в мастерской печали несчастный человек творил призрак, из которого он сделал себе Бога... Чем дальше, тем более нелепыми становились религиозные идеи, тем заметнее они удалялись от реальных представлений о природе... Боги все более становились лишь символами, которые теологи затем совершенно отделили от природы и превратили в идею абстрактного, сверхъестественного, метафизического начала. Идея Бога – это не врожденная, а приобретенная идея: она появилась лишь позднее, как медленно созревший плод человеческих размышлений... Произойдя из невежества, религия стала силой, враждебной разуму. Человек, ослепленный предрассудками религии, не может познавать собственную природу, дать развиваться своему уму, учиться на опыте; он боится истины, лишь только она не согласуется больше с его воззрениями... «Долой разум! – вот основа религии... Религия – это искусство одурманивать людей с целью отвлечь их мысли от того зла, которое причиняют им в этом мире власть имущие. Людей запугивают невидимыми силами и заставляют их безропотно нести бремя страданий, причиняемых им видимыми силами; им сулят надежды на блаженство на том свете, если они примирятся со своими страданиями в этом мире... Духовенству нужны рабы, которые на все смотрят его глазами... «Святость» – нечто противоположное «добродетели». Основа добродетели – общественная польза, а святость заключает в себе отвращение к жизни, аскетизм. Она освещает всякие злодеяния и варварские преступления, если они сопровождаются покаянием или совершены во имя Бога. Так, римские папы довели свое поповское бесстыдство до того, выработали тариф на грехи и на суммы, потребные на их искупление. Тариф этот известен под именем «Апостольской таксы римской канцелярии»». (Трактаты: «Система природы», «Разоблаченное христианство». «Карманное богословие», «Священная зараза»).

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 396, 397, 398, 399. 400 – 401).

Вопросы: Каковы причины происхождения религии, по мнению автора? Признает ли П. Гольбах историческую эволюцию религии? Как рассматривает П. Гольбах соотношение религии и разума человека? Может ли человек быть верующим и ученым одновременно? Как власть имущие и духовенство используют религию? Правы ли французские материалисты, считающие, что религию можно уничтожить, только уничтожив деспотизм и тиранию? Как Вы оцениваете следующее

высказывание П. Гольбаха: «Справедливое, просвещенное, бдительное, добродетельное правительство, искренно стремящееся к общественному благу, не нуждается в лживых баснях, чтобы управлять разумными подданными»? Всегда ли святость противоположна добродетели? Есть ли различие между идеями Библии и действиями церковников?

Клод Адриан Гельвеций (1715–1771) – выдающийся французский философ-материалист, представитель французского Просвещения.

70. Важнейшее движущей силой, определяющей человеческую деятельность, К. Гельвеций считал голод. По его мнению, голод является побудительной силой в деле усовершенствования орудий труда, средств добывания предметов потребления и предпосылкой всего общественного прогресса. «Голод учит дикаря сгибать свой лук, плести сети и устраивать западни животным. Голод же заставляет у цивилизованных народов всех граждан работать, возделывать землю, учиться ремеслу и выполнять любые обязанности. Вследствие потребности в удовлетворении голода создается умение распахать и возделывать землю, изготавливать плуги и т. д. Физические потребности, всякие желания заставляют людей трудиться. Труд – это благодеяние природы. Именно благодаря труду просвещается и прогрессирует общество... Если бы природа создала на конце нашей руки не кисть с гибкими пальцами, а лошадиное копыто, тогда, без сомнения, люди не знали бы ни ремесел, ни жилищ, не умели бы защищаться от животных и, озабоченные исключительно добыванием пищи и стремлением избежать диких зверей, все еще бродили бы в лесах пугливыми стадами. При этом предположении во всяком случае очевидно, что ни в одном обществе цивилизация не поднялась бы на такую ступень совершенства, какой она достигла теперь. Если бы вычеркнуть из языка любого народа слова: лук, стрелы, сети и пр., – все, что предполагает употребление рук, – то он оказался бы в умственном развитии ниже некоторых диких народов, не имеющих двухсот идей и двухсот слов для выражения этих идей, и его язык, подобно языку животных, соответственно был бы сведен к пяти-шести звукам или крикам... Телесные потребности – это неизменные и вечные факторы, заключенные в человеческой природе, хотя проявление их и зависит от внешних обстоятельств. Эти различные нужды – своего рода гении-телохранители, созданные природой, для того чтобы сохранить его (человека) тело и просветить его дух... Если голод, страдания и нужда составляют источник деятельности для бедных, т. е. для большинства людей, то для богатых этими источниками является стремление к удовольствиям – погоня за наслаждением... Все существующие страсти и чувства людей, в которых проявляются их потребности, делятся на естественные и искусственные. Первые – это физические потребности человека, как голод, жажда, холод, жара, а вторые – это такие страсти, как зависть, гордость, скупость, честолюбие и пр. Искусственные выводятся из естественных потребностей... Все страсти людей возникают из первоначальных потребностей. Исходной является физическая

чувствительность, свойственная человеку как живому существу; эта чувствительность порождает чувство любви к удовольствиям и ненависти к страданию. Из этих образуется себялюбие, рождающее желание счастья. Это лишь непосредственное проявление физической чувствительности, но, поскольку человек существует в обществе, желание счастья порождает в нем новое чувство – желание власти. Это желание является общим всем людям и не зависит от формы правления, но оно дает начало всем «искусственным» страстям и чувствам, которые зависят от характера политического строя. При монархическом единовластии стремление к власти порождает лесть, лицемерие, фанатизм, нетерпимость, страх, зависть. Напротив, при демократическом строе стремление к власти порождает любовь к добродетели и просвещению, стремление к славе, честолюбие, мужество. Итак, природа определяет поведение человека и подчиняет своей закономерности через естественные потребности. Содержанием всех потребностей является стремление к удовольствию и отвращение к страданию. На этой основе вырастают все остальные желания, страсти и чувства людей, которые побуждают их к деятельности». (Трактаты «О человеке», «Об уме»).

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 404 – 406).

Вопросы: Что, по мнению автора, является движущей силой, определяющей деятельность человека? Согласны ли Вы с этим? К чему побуждают нас телесные потребности? Какую роль играет труд в жизни человека? Какую роль играет рука в становлении и развитии человека и человеческого общества? Что является источником деятельности у бедных и у богатых людей? На какие два вида делит К. Гельвеций страсти и чувства человека? Какой вид страстей и чувств является определяющим? Что он относит к естественным и искусственным страстям? Из чего рождаются страсти? Какие чувства порождает физическая чувствительность? Как проявляется желание власти в условиях различных форм правления? Согласны ли Вы с мнением К. Гельвеция, что разные формы правления определяют разное отношение к добродетели? Каким образом природа определяет поведение человека? Как Вы относитесь к изложенным взглядам К. Гельвеция? Есть ли в них какие-то рациональные моменты?

71. К. Гельвеций считает, что «нормально организованные люди» во всех отношениях равны друг другу (в умственном отношении и в стремлении к удовольствию); все одинаково могут успевать в самых различных сферах деятельности, науки и искусства, одинаково могут стать добродетельными и порочными. Человека целиком и полностью, во всем его своеобразии создают воспитание и «случай» («сочетание обстоятельств»). Он писал: «Новыми и главными наставниками юноши являются, кроме родителей и учителей, форма

правления, при которой он живет, и нравы, порождаемые у народа этой формой правления. Учителя и ученики одинаково подчинены этим воспитателям. К числу воспитателей нужно причислить место, занимаемое молодым человеком в свете, его бедность или богатство, посещаемое им общество, наконец, его друзей, прочитанные им книги и его любовниц. Но от случая зависит богат он или нет; от случая зависит выбор им общества, друзей, книг и любовниц. Таким образом, случай назначает большинство его воспитателей. Кроме того, случай, ставя его в то или иное положение, зажигает, гасит или видоизменяет его вкусы и страсти; следовательно, случай играет наибольшую роль в самом образовании его характера. Характер у человека есть непосредственный результат его страстей, а его страсти являются часто непосредственным результатом того положения, в котором он находится... Воспитание в самом широком смысле всемогуще... По природе женщины обладают одинаковыми с мужчинами возможностями, но наблюдаемая у них умственная отсталость является результатом неравноправного положения женщины в обществе... Воспитание, поскольку оно определяется «случаем» (сочетанием обстоятельств), независимо от воли и желания людей. Однако просвещение, способствуя осознанию влияния тех или иных обстоятельств, может сделать, воспитание планомерным...»

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 407–409) .

Вопросы: Согласны ли Вы с мнением К. Гельвеция, что «нормально организованные люди» во всех отношениях равны друг другу и что своеобразие этих людей определяется воспитанием и совокупностью обстоятельств, т. е. случаем? Что он понимает под «сочетанием обстоятельств» или случаем? Признает ли К. Гельвеций, что «человек – продукт среды»? Как Вы понимаете высказывание К. Гельвеция: «Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть»? Правильно ли мнение, что если люди злы, порочны и несчастны, то причиной этого является та общественная среда, тот политический порядок, в условиях которых они вырастают, воспитываются и живут? Согласны ли Вы с утверждением: «Если законы хороши, то и нравы хороши, если законы дурны, то и нравы дурны»? Признает ли К. Гельвеций существование у человека прирожденного «морального чувства», или «инстинкта справедливости»?

72. Основой этических воззрений К. Гельвеция является принцип полезности или интереса: «Что представляет нам зрелище этого мира? Одну только непрерывную и разнообразную игру интересов... Стремление к пользе, личной или общественной, поскольку она совпадает в основе с личной, составляет общий закон всей нравственной и общественной жизни. Если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. Все вещи, явления, отношения, учреждения и пр. должны

оцениваться людьми с точки зрения личной и общественной пользы... В дурно устроенном обществе подавляющее большинство людей преследует свои личные корыстные интересы. Занятые своим личным благополучием, они никогда не думают об интересе всего общества. Правда, встречаются отдельные люди, которым счастливые природные данные... внушают такую же любовь к справедливости и добродетели, какую обыкновенно люди питают к величию и богатству. Такие добродетельные люди считают полезным для себя те поступки, которые справедливы и согласны с общим благом, или, по крайней мере, ему не противоречат. Таких людей так мало, что я упоминаю о них лишь ради чести человечества... Если общество неблагоустроено (плохое политическое устройство и плохие законы) и народ не просвещен, частные и общие интересы неизбежно противоречат друг другу, и лишь немногие из частных интересов соответствуют общим. Внутри самого человека будет непрестанно происходить сознательная и бессознательная борьба, толкающая его к пороку или добродетели. Влечение к пороку тем сильнее, чем слабее частный интерес связан с общим. Следовательно, чем хуже устроено общество, тем более порочна основная масса людей... Люди не злы, но подчинены своим интересам. Нужно поэтому сетовать не на злонравие людей, а на невежество законодателей, которые всегда противопоставляли частный интерес общему интересу. Моралисты не имеют до сих пор никакого успеха, потому, что надо покопаться в законодательстве, чтобы вырвать корни, порождающие порок... Мораль – не больше как пустая наука, если ее не соединяют с политикой и законодательством... Пороки и добродетели народа являются всегда неизбежным следствием его законодательства... Законы делают всё. Но от чего зависит само политическое устройство народа, сами законы? Изменение законов имеет своей причиной изменения во взглядах людей... Совершенство законов зависит от прогресса человеческого разума... У всех народов существует взаимозависимость между совершенством законодательства и успехами человеческого ума. Чем просвещеннее будут граждане, тем совершеннее будут их законы. Познание истины и ее распространение поведут к изменению взглядов людей, за которым последует изменение политического строя... Источником, порождающим наибольшее число общественных бедствий, является невежество. Именно оно – причина дурного политического строя. Деспотизм, этот жестокий бич человечества, является чаще всего продуктом народного невежества. Всякий народ вначале свободен. Чем объяснить потерю им свободы? Его невежеством, его глупым доверием честолюбцам... Впрочем, все законы могут быть сведены к одному – к праву и закону собственности, потому что соглашения о собственности охватывают всё – мою личность, мои мысли, мою жизнь, мою свободу, мое имущество. Собственность – первоначало и основа общественной жизни людей. Сохранение собственности есть моральный бог государства: она поддерживает здесь домашний мир и заставляет царствовать справедливость; потому что люди объединились для того, чтобы обеспечить себе свою собственность; потому что справедливость, заключающая в себе одной почти все добродетели,

состоит в том, чтобы воздавать всякому то, что ему принадлежит, а она сводится, следовательно, к поддержанию этого права собственности... Пока богатства были сравнительно равномерно распределены между гражданами, пока народ был народом-собственником, он наслаждался счастьем и свободой; собственники – единственная опора общественной свободы. Разделение народа на богачей и ничего не имеющих бедняков ведет к потере свободы... Богачи покупают часть народа; с ее помощью они подчиняют другую часть аристократическому или монархическому деспотизму. Республика – зрелость государства, деспотия – его старость... В ходе исторического развития нация переходит от бедности к богатству, от богатства к неравномерному распределению этого богатства, от этого неравномерного распределения к деспотизму и от деспотизма к своей гибели, после чего процесс начинается вновь... Основной причиной бедствий народов наряду с несовершенством законов является слишком неравномерное распределение богатств. Идеалом для них было общество, где все владеют собственностью, где все поэтому независимы и хозяйственно самостоятельны. Для счастья народов нужно уменьшить богатство одних, увеличить состояние других, сделать бедняка настолько зажиточным, чтобы он мог путем 7 или 8 часов труда с избытком удовлетворять свои потребности и потребности своей семьи... В изменении законов и улучшении воспитания состоит способ создать чудо всеобщего счастья». (Трактаты «О человеке», «Об уме»).

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 410, 412, 413, 421, 422, 424, 429, 431).

Вопросы: Что имел в виду К. Гельвеций, подчеркивая огромную роль «закона интереса» в жизни людей? Каково соотношение личного и общественного интересов в «дурно устроенном обществе»? Можно ли в принципе согласовать, гармонизировать личные и общественные интересы? Что нужно, по мнению К. Гельвеция, сделать, чтобы искоренить пороки? Почему он считает, что «мораль – пустая наука, если ее не соединяют с политикой и законодательством»? Прав ли К. Гельвеций, утверждающий, что «законы делают всё»? Существует ли «взаимозависимость между успехами человеческого ума и совершенством законодательства»? Какой главный закон выделяет автор? Какую роль играет собственность в жизни человека и общества? Что является основной причиной бедствий народов? Как К. Гельвеций представляет идеальное общество? Согласны ли Вы с его взглядами?

Шарль Луи Монтескье (1689–1755) – французский философ, писатель и историк, представитель французского Просвещения.

73. «Народы севера энергичны, воинственны, храбры, выносливы, свободолюбивы. Народы, населяющие южные страны, напротив, ленивы,

робки, изнежены, покорны и порочны... Климат оказывает огромное влияние на чувства, воображение и ум, а следовательно, на нравы, быт, религию и законы народов... Так, существует прямая причинная зависимость индусского учения о нирване от жаркого климата Индии, расслабляющего умственные способности и вызывающего желания покоя, небытия... С особенностями климата связаны многоженство, монашество... Распространение рабства преимущественно в жарких странах объясняется тем, что у южных народов жара настолько обессиливает тело и расслабляет дух, что они могут трудиться лишь под страхом наказания... У английской нации, у которой болезнь, обусловленная климатом, до того расстраивает душу, что люди получают отвращение ко всему, даже к самой жизни, правительство... должно быть устроено так, чтобы они не могли приписывать какому-либо одному человеку причины своих бедствий, чтобы человечеством управляли более законы, чем люди... Счастлив климат, производящий простоту нравов и законов!»

(Цит. по: История философии / под ред. Г.Ф. Александрова и др. М., 1941. Т. 2. С. 310–311).

Вопросы: Прав ли Ш. Монтескье, утверждая, что «климат оказывает огромное влияние на чувства, воображение и ум, а следовательно, на нравы, быт, религию и законы народов»?

Немецкая классическая философия и немецкий романтизм

Иммануил Кант (1724–1804) – великий немецкий мыслитель и ученый, основоположник немецкой классической философии.

74. «Человек создан таким образом, что впечатления и возбуждения, вызываемые внешним миром, он воспринимает при посредстве тела – видимой части его существа, материя которого служит не только для того, чтобы запечатлевать в обитающей в нем невидимой душе первые понятия о внешних предметах, но и необходима для того, чтобы внутренней деятельностью воспроизводить и связывать эти понятия, короче говоря, для того, чтобы мыслить. По мере того, как формируется тело человека, достигают надлежащей степени совершенства и его мыслительные способности... Довольно рано развиваются у человека те способности, при помощи которых он может удовлетворять потребности, вызываемые его зависимостью от внешних вещей. У некоторых людей развитие на этой ступени и останавливается. Способность связывать отвлеченные понятия и, свободно располагая своими познаниями, управлять своими страстями появляется поздно, а у некоторых так и вовсе не появляется на протяжении всей жизни; но у всех она слаба и служит низшим силам, над которым она должна бы господствовать и в управлении которыми заключается преимущество человеческой природы. Когда смотришь на жизнь большинства людей, то кажется, что человеческое существо создано для того,

чтобы подобно растению впитывать в себя соки и расти, продолжать свой род, наконец, состариться и умереть... Если исследовать причину тех препятствий, которые удерживают человеческую природу на столь низкой ступени, то окажется, что она кроется в грубости материи, в которой заключена его духовная часть... Нервы и жидкости мозга человека доставляют ему лишь грубые и неясные понятия, а так как возбуждению чувственных ощущений он не в состоянии противопоставить для равновесия внутри своей мыслительной деятельности достаточно сильные представления, то он и отдается во власть своих страстей, оглушенный и растревоженный игрой стихий, поддерживающих его тело. Попытки разума противодействовать этому, рассеять эту путаницу светом способности суждения подобны лучам солнца, когда густые облака неотступно прерывают и затемняют их яркий свет... Эта косность мыслительной способности, будучи результатом зависимости от грубой и негибкой материи, представляет собой источник не только пороков, но и заблуждений... Из-за этой зависимости духовные способности убывают вместе с живостью тела; в преклонном возрасте... быстрота мысли, ясность представлений, живость ума и память становятся слабыми и замирают. Долгим опытом приобретенные понятия в какой-то мере возмещают еще упадок этих сил, а разум обнаруживал бы свое бессилие еще явственнее, если бы пыл страстей, нуждающихся в его узде, не ослабевал вместе с ним и даже раньше, чем он».

(Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Сочинения: в 6 т. М., 1963. Т. I. С. 249–251).

Вопросы: Как И. Кант представляет зависимость души и тела друг от друга? Зависит ли сила мышления человека от строения его тела? В чем все-таки, по мнению И. Канта, заключается преимущество человеческой природы? Какую роль он отводит разуму? Действительно ли человеческая природа находится на «столь низкой ступени»? К чему, по мнению И. Канта, ведет «косность мыслительной способности» человека? Согласны ли Вы с И. Кантом, утверждающим, что «разум обнаруживает свое бессилие»?

75. «Человек своим разумом определен к тому, чтобы быть в общении с людьми и в этом общении с помощью искусства и науки повышать свою культуру, цивилизованность и моральность и чтобы, как бы ни была сильна его животная склонность пассивно предаваться побуждениям покоя и благополучия, которые он называет счастьем, стать, ведя деятельную борьбу с препятствиями, навязанными ему грубостью его природы, достойным человечества».

(Там же. Т. 6. С. 578).

Вопросы: В чем назначение человека, по мнению И. Канта? Как человек должен совершенствовать себя, чтобы стать «достойным человечества»? Попробуйте ответить на знаменитые вопросы И. Канта: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» Какой глубокий смысл содержат следующие слова И. Канта: «Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне»?

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1777–1831) – крупнейший представитель немецкой классической философии, создатель грандиозной системы объективного идеализма и теории диалектики.

76. «Человек по своему непосредственному существованию есть сам по себе нечто природное, внешнее своему понятию; лишь через усовершенствование своего собственного тела и духа, главным же образом благодаря тому, что его самосознание постигает себя как нечто свободное, он вступает во владение собою и становится собственностью себя самого и по отношению к другим... То обстоятельство, что некто находится в рабстве, коренится в его собственной воле, точно так же как в воле самого народа коренится его угнетение, если оно имеет место. Рабство и угнетение суть, следовательно, неправо́е деяние не только тех, которые угнетают, а и самих рабов и угнетаемых. Рабство есть явление перехода от природности человека к подлинно нравственному состоянию: оно явление мира, в котором неправда есть право. Здесь неправда имеет силу и занимает необходимое свое место... Можно к чему-то принудить только того, кто хочет давать себя принудить».

Гегель Г. Философия права // Сочинения. М.; Л., 1972. Т. 7. С. 81–83, 111).

Вопросы: Почему рабство и угнетение – «неправо́е деяние не только тех, которые угнетают, а и самих рабов и угнетаемых»? Прав ли Гегель, когда утверждает, что «можно к чему-то принудить только того, кто хочет давать себя принудить»? Актуальны ли его слова? Являетесь ли Вы внутренне свободным человеком? Можно ли быть свободным, находясь в рабстве?

77. «Отдаленные души отличаются друг от друга множеством модификаций. Но эта бесконечность представляет собой род дурной бесконечности. Своеобразие человека не следует поэтому придавать чрезмерно большого значения. Скорее следует считать пустой, бессодержательной болтовней то утверждение, что учитель должен заботливо сообразоваться с индивидуальностью каждого из своих учеников, изучать и стараться развивать их каждого в отдельности... Своеобразие детей терпимо в кругу семьи; но с

момента поступления в школу начинается жизнь согласно общему порядку, по одному, для всех одинаковому правилу; здесь дух должен быть приведен к отказу от своих причуд, к знанию и хотению общего, к усвоению существующего общего образования. Это преобразование души только и называется воспитанием».

(Гегель Г. Сочинения. М.; Л., 1972. Т. 5. С. 110 – 112).

Вопросы: Прав ли Г. Гегель? Можно ли игнорировать своеобразие учеников? Может ли учитель развивать каждого в отдельности? Должны ли ученики подчиняться общему порядку? Что имеет в виду Г. Гегель, когда он говорит, что «дух должен быть приведен к отказу от своих причуд, к знанию и хотению общего»? Что понимает Гегель под воспитанием?

Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775–1854) – немецкий философ, видный представитель немецкого классического идеализма.

78. «Всеобщее правовое устройство является условием свободы, так как без него свобода гарантирована быть не может. Ибо свобода, которая не гарантирована общим естественным порядком, непрочна, и в большинстве современных государств она подобна некоему паразитирующему растению, которое в общем терпят в силу неизбежной непоследовательности, но так, что отдельный индивидуум никогда не может быть уверен в своей свободе. Так быть не должно. Свобода не должна быть милостью или благом, которым можно пользоваться как запретным плодом. Свобода должна быть гарантирована порядком, столь же явным и неизменным, как законы природы. Однако этот порядок может быть реализован только свободой, и его создание является целиком и полностью делом свободы... Свобода должна быть необходимостью, необходимость – свободой. Но необходимость в противоположность свободе есть не что иное, как бессознательное. То, что во мне бессознательно, произвольно, то, что сознательно, вызвано во мне моим волением. Следовательно, утверждение «в свободе должна быть необходимость» означает то же, что и утверждение «посредством самой свободы и когда я считаю, что действую свободно, бессознательно, т. е. без моего участия, возникает нечто, мною непредполагаемое»; иными словами, сознательной, т. е. той свободно определяющей деятельности, которую мы вывели раньше, должна противостоять деятельность бессознательная, посредством которой, невзирая на самое неограниченное проявление свободы, совершенно произвольно и, быть может, даже помимо воли действующего возникает нечто такое, что он сам своим волением никогда бы не мог осуществить. Это положение, сколь бы парадоксальным оно ни представлялось, есть не что иное, как трансцендентальное выражение всеми признанного и всеми предполагаемого отношения свободы и скрытой необходимости,

которую называют то судьбой, то провидением, хотя при этом не мыслится ничего определенного; это и есть то отношение, в силу которого люди, действуя свободно, должны помимо своей воли становиться причиной чего-то, к чему они никогда не стремились, или, наоборот, в силу которого совершенно не удастся и позорно проваливается то, к чему они в своей собственной деятельности стремились, напрягая все свои силы».

(Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Сочинения: в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 451–457).

Вопросы: Что является необходимым условием существования свободы в обществе? Как Вы понимаете выражение: «Свобода должна быть необходимостью, необходимость – свободой»? В чем состоит противоположность свободы и необходимости, по мнению автора? Можно ли согласиться с мыслью, что наша деятельность, наше поведение определяется и сознательной, и бессознательной сферами нашей психики и что порой мы совершаем такие поступки, которые не ожидали от себя? Как представляет Ф. Шеллинг «отношения свободы и скрытой необходимости, которую называют судьбой» человека? Прав ли автор?

Людвиг Андреас Фейербах (1804–1872) – немецкий мыслитель, моралист, продолжатель и критик философии Г. Гегеля, представитель антропологического материализма.

79. «В чем же заключается существенное отличие человека от животного? В сознании в строгом смысле этого слова; ибо сознание в смысле самоощущения, в смысле способности чувственного различения, в смысле восприятия и даже распознавания внешних вещей по определенным явным признакам свойственно и животным. Сознание в самом строгом смысле имеется лишь там, где субъект способен понять свой род, свою сущность. Животное сознает себя как индивид – почему оно и обладает самоощущением, – а не как род, так как ему недостает сознания, происходящего от слова «знание». Сознание нераздельно со способностью к науке. Наука – это сознание рода. В жизни мы имеем дело с индивидами, в науке – с родом. Только то существо, предметом познания которого является его род, его сущность, может познавать сущность и природу других предметов и существ... Внутренняя жизнь животного совпадает с внешней, а человек живет внешней и особенной внутренней жизнью. Внутренняя жизнь человека тесно связана с его родом, с его сущностью. Человек мыслит, т. е. беседует, говорит с самим собой. Животное не может отправлять функций рода без другого индивида, а человек отправляет функции мышления и слова – ибо мышление и слово суть настоящие функции рода – без помощи другого. Человек одновременно и «Я», и «Ты»; он может стать на место другого именно потому, что объектом его сознания служит не только его индивидуальность, но

и его род, его сущность... Религия есть сознание бесконечного, и поэтому человек сознает в ней свою не конечную и ограниченную, а бесконечную сущность... Каковы отличительные признаки истинного человеческого в человеке? Разум, воля и сердце. Совершенный человек обладает силой мышления, силой воли и силой чувств. Сила мышления есть свет познания, сила воли – энергия характера, сила чувства – любовь... В воле, мышлении и чувстве заключается высшая, абсолютная сущность человека как такового и цель его существования. Человек существует, чтобы познавать, любить и хотеть... Нельзя совершенному существу сознавать себя несовершенством, нельзя чувство ощущать ограниченным и мышлению ставить пределы».

(Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2. С. 30–32, 35).

Вопросы: В чем заключается отличие человека от животного, по мнению Л. Фейербаха? Для чего человеку, с точки зрения Л. Фейербаха, нужна религия? Чем обладает совершенный человек? В чем заключаются «абсолютная сущность человека и цель его существования»? Согласны ли Вы с Л. Фейербахом?

80. «Исходной позицией прежней философии являлось следующее положение: я – абстрактное, только мыслящее существо; тело не имеет отношения к моей сущности; что касается новой философии, то она исходит из положения: я – подлинное, чувственное существо: тело входит в мою сущность; тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность. Прежний философ... мыслил в непрестанном противоречии и раздоре с чувствами, а новый философ, напротив, мыслит в мире и согласии с чувствами... Человек отличается от животного вовсе не только одним мышлением, скорее все его существо отлично от животного... Чувства животных более тонки, чем человеческие чувства, но это верно только относительно определенных вещей, необходимо связанных с потребностями животных, и они тоньше именно вследствие этой определенности, вследствие узости того, в чем животное заинтересовано. Обоняние человека распространено на все виды запахов, оно свободнее, оно безразличнее к специальным запахам. Где чувство возвышается над пределами чего-то специального и над своей связанностью с потребностью, там оно возвышается до самостоятельного, теоретического смысла и достоинства: универсальное чувство есть рассудок, универсальная чувствительность – одухотворенность. Даже низшие чувства – обоняние и вкус – возвышаются в человеке до духовных, до научных актов... Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку... Искусство, религия, философия или наука составляют проявление или раскрытие подлинной человеческой сущности. Человек, совершенный,

настоящий человек только тот, кто обладает эстетическим или художественным, религиозным или моральным, а также философским или научным смыслом. Вообще только тот человек, кто не лишен никаких существенных человеческих свойств. «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Это высказывание, если взять в его всеобщем и высшем смысле, является лозунгом современного философа... Отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты».

(Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения. М., 1955. Т. I. С. 186, 200–203).

Вопросы: В чем видит Л. Фейербах отличия в понимании сущности человека, представленные прежней и новой философией? Как, с точки зрения Л.Фейербаха, мыслит новый философ? Чем отличаются чувства животного от чувств человека? В чем проявляется подлинная сущность человека? Согласны ли Вы с трактовкой сущности человека, данной автором?

81. «Человек не есть цель природы – он есть это лишь в своем собственном человеческом ощущении – он есть высшее проявление ее жизненной силы, так же как плод не есть цель, а высшая блестящая кульминационная точка, высшее жизненное проявление растения...»

(Фейербах Л. Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии // Избранные философские произведения. М., 1955. Т. I. С. 337).

Вопросы: Как Вы считаете: человек – это «высшее проявление жизненной силы природы» или ее цель? Как Вы думаете: является ли человек именно высшим проявлением жизненной силы природы? Прав ли автор?

82. «Человек отличается от животных только тем, что он – живая, превосходная степень сенсуализма, всечувственнейшее и всечувствительнейшее существо в мире. Чувства общи ему с животным, но только в нем чувственное ощущение из относительной, низшим жизненным целям подчиненной сущности становится абсолютной сущностью, самоцелью, самонаслаждением... Чрез то только человек и есть человек, что он – не ограниченный, как животное, а абсолютный сенсуалист, что его чувства, его ощущения обращены не на это или то чувственное, а на все чувственное, на мир, на бесконечное, и притом часто ради него самого, т. е. ради эстетического наслаждения. Ограниченность и односторонность, а следовательно, и бездушные животного обнаруживаются как раз в том, что обыкновенно у него особенно развито только одно чувство

или некоторые чувства, между тем как универсальность, а следовательно, и духовность человека, видимо, сказываются в том, что он «превосходит всех других животных в смысле совершенного и равномерного развития всех своих органов чувств».

(Фейербах Л. Против дуализма тела и души, плоти и духа //Избранные философские произведения. М., 1955. Т. I. С. 231–232).

Вопросы: Почему человек «абсолютный сенсуалист»? В чем проявляется «ограниченность и односторонность» животного? В чем, по мнению Л. Фейербаха, выражается «универсальность и духовность» человека?

83. «...Человеку следует отказаться от христианства – лишь тогда он выполнит и достигнет своего назначения, лишь тогда он станет человеком: ибо христианин не человек, а «полуживотное-полуангел». Лишь тогда человек повсюду и кругом есть человек и сознает себя человеком, когда он не хочет быть чем-то большим, чем он есть, чем он может быть и должен быть, когда уже не ставит себе цель, противоречащую его природе, его назначению, и, вместе с тем, цель непостижимую, фантастическую – цель стать Богом, т. е. существом абстрактным и фантастическим, существом бестелесным, бесплотным и бескровным, существом без чувственных стремлений и потребностей, – лишь тогда он законченный человек, лишь тогда он совершенный человек, лишь тогда в нем больше не будет места, в котором смог бы свить себе гнездо потусторонний мир. И к этой законченности человека относится также сама смерть; ибо и смерть относится к назначению, т. е. к природе человека. Поэтому мертвого справедливо называют совершенным. Умереть по-человечески, умереть в сознании, что ты в умирании исполняешь свое последнее человеческое назначение, следовательно, умереть, находясь в мире со смертью, – пусть это будет твоим последним желанием, твоей последней целью. Тогда ты и в умирании еще будешь торжествовать над цветистой мечтой христианского бессмертия; тогда ты достигнешь бесконечно больше, чем ты хотел достигнуть в потустороннем мире и все равно никогда не достигнешь... Особым назначением – таким, которое сначала вводит человека в противоречие с самим собой и повергает его в сомнение, – сможет ли он достигнуть этого назначения или нет, – человек обладает лишь как существо моральное, т. е. как социальное, гражданское, политическое существо. Это назначение никакое иное, чем то, какое человек в нормальном и счастливом случае сам избрал для себя, исходя из своей природы, своих способностей и стремлений. Тот, кто сам не назначает себя для чего-либо, тот и не имеет назначения к чему-либо... Кто не знает, в чем его назначение, тот и не имеет особого назначения».

(Фейербах Л. Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии // Избранные философские произведения. М., 1955. Т. I. С. 340–344).

Вопросы: Как Фейербах относится к христианству? С его точки зрения, может ли религия помочь человеку в достижении его назначения? Что значит «умереть по-человечески»? Какой человек обладает «особым назначением»? Знаете ли Вы, в чем Ваше назначение?

Фридрих Шлегель (1772–1829) – немецкий писатель, критик, мыслитель, представитель немецкого философского романтизма.

84. «Свобода человека – это его способность по отношению к миру, и его основной вопрос в этом исследовании: есть ли у человека способность воздействовать на мир или нет? Человек не отделен от мира, но живо вторгается в него и своим действием может сильно способствовать осуществлению его целей. Между тем ясно, что способность реально воздействовать на мир, завершать его присуща не столько отдельному человеку, сколько человечеству в целом. Люди все вместе выступают как некое целое не только ввиду сходства организаций, но еще в большей мере благодаря одинаковости своего назначения. Все люди – это множество проявлений способности Земли к одной и той же цели: восстановлению свободы, возвращению в высшую сферу. Только человечеству в целом, а не отдельному человеку может быть приписана вполне позитивная свобода и способность воздействовать на мир, формировать и завершать его... Как природное существо человек тем совершеннее, чем более самостоятельным и индивидуальным он является. Однако влечение к самости и индивидуальности занимает все же подчиненное место в земном элементе; в восходящем развитии оно должно постепенно растворяться в любви, ограниченная индивидуальность должна отпасть, и все возвратится в единство. Поэтому позитивная свобода человека имеет место лишь в отношении к целому, лишь в любви и общности, будучи связана с ними. Негативная свобода гарантирована тем, что никакие границы не являются абсолютными; у человека всегда есть способность принять решение, он всегда остается господином, сколь бы мощное воздействие ни оказывалось на него со всех сторон».

(Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах // Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 2. С. 186–188).

Вопросы: Как понимает свободу Ф. Шлегель? Как свобода отдельного человека и человечества, по мнению Ф. Шлегеля, воздействует на мир? Отдельному человеку или человечеству в целом «приписана вполне позитивная свобода»? Чем отличается позитивная свобода человека от негативной? Может ли негативная свобода способствовать развитию мира, общества? Какая свобода (позитивная или негативная) связана с влечением к самосохранению и обособленности? Почему, по мнению Ф. Шлегеля, «позитивная свобода человека имеет место в любви и

общности», а «ограниченная индивидуальность должна отпасть»? К чему может привести стремление человека к обособлению от других людей? Является ли Ф. Шлегель сторонником идеологии индивидуализма?

85. «В теории человека, основанной на теории природы, все другие органические создания рассматриваются лишь как приближение к человеку. Человек в земной истории представляет собой последнюю ступень длинного ряда созданий, целью которых является организация совершенного тела. Только на этой вершине органического развития пробивается душа земли, и в человеке возникает духовное сознание. Прежде всего в теории человека нужно выяснить, какое место занимает человек в ряду созданий, в каком отношении он находится к целостности природы и мира. Хотя изначально земному элементу присущи лишь два основных влечения – влечение к самосохранению и влечение к обособлению, индивидуальности и развитию, – позднее, когда земной элемент уже достаточно развился, может образоваться еще более высокое влечение к возвращению в свободный мир, томление по утраченной свободе. Это влечение может возникнуть лишь позднее, так как находится в противоречии с изначальным влечением самости... Это свойственно и человеку, и миру, так как всеобщие законы развития мира – это законы свободы».

(Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах// Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 2. С. 186 –187).

Вопросы: Связаны ли, по мнению Шлегеля, душа земли и душа человека? Согласны ли Вы со словами Шлегеля: «Если бы мир был завершен, то в нем ничего нельзя было бы изменить и создать, и свобода была бы невозможной...»? Какие влечения являются для Вас определяющими: влечение к самосохранению, к обособлению, индивидуальности и развитию или влечение к свободе, основанной на любви и общности? На каком этапе развития находитесь Вы? Согласны ли Вы с мнением, что влечение к позитивной свободе, основанной на «любви и общности», возникающее после достижения высокого уровня развития индивидуальности, свойственно настоящей русской интеллигенции? Соответствует ли идеология индивидуализма «душе земли» и «душе человека»?

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1833) – великий немецкий поэт, просветитель, ученый, философ.

86. «Лишь все человечество вместе является истинным человеком, и индивид может только тогда радоваться и наслаждаться, если он обладает мужеством чувствовать себя в этом целом... Я собрал и использовал все, что я видел,

слышал, наблюдал. Мои произведения вскормлены тысячами различных индивидов... мой труд – труд коллективного существа и носит он имя Гёте».

(Гёте И.В. Максимы и размышления // Избранные философские произведения. М., 1964. С. 377).

Вопросы: Разделяете ли Вы позицию И. Гёте? Почему он считает, что его труд является трудом «коллективного существа»? Чувствуете ли Вы себя частью целого (народа, страны, человечества) и гордитесь ли этим?

87. «Свобода – странная вещь. Каждый может легко обрести ее, если только он умеет ограничиваться и находить самого себя. И на что нам избыток свободы, который мы не в состоянии использовать?.. Если кто-либо имеет достаточно свободы, чтобы вести здоровый образ жизни и заниматься своим ремеслом, то этого достаточно, а столько свободы имеет каждый. И потом все мы свободны только на известных условиях, которые мы должны выполнять. Бюргер также свободен, как аристократ, если он умеет оставаться в тех границах, которые указаны ему Богом и сословием, в котором он родился. Аристократ так же свободен, как правящий князь, потому что, если он при дворе соблюдает немногие придворные церемонии, то может чувствовать себя равным государю. Не то делает нас свободными, что мы ничего не признаем над собою, но именно то, что мы умеем уважать стоящее над нами. Потому что такое уважение возвышает нас самих; нашим признанием мы показываем, что носим внутри себя то, что выше нас, и тем самым достойны быть ему равными. Я во время своих путешествий часто сталкивался с северонемецкими купцами, которые думали, что они становятся равными мне, если бесцеремонно рассаживаются со мною за одним столом; но это не делало нас равными; наоборот, если бы они знали мне цену и должным образом относились ко мне, то это подняло бы их до меня».

(Гёте И.В. Избранные философские произведения. М., 1964. С. 45).

Вопросы: Как обрести свободу, по мнению И.В. Гёте? Возможна ли абсолютная свобода? Чем ограничивается наша свобода? Действительно, нужен ли нам избыток свободы, если мы не можем им воспользоваться? Прав ли И.В. Гёте, утверждающий, что «не то делает нас свободными, что мы ничего не признаем над собою, но именно то, что мы умеем уважать стоящее над нами»? Правильна ли мысль: «в одном отношении человек свободен, а в другом – менее или совсем несвободен»? Расширяется ли в определенных отношениях мера свободы человека в процессе развития человечества? В каком отношении Вы чувствуете себя свободным? Если разница между понятиями «свобода – от» и «свобода – для»?

Философия XVIII – XIX вв.

Роберт Оуэн (1771–1858) – английский мыслитель, социалист-утопист.

88. «Человек... – это организованное существо или животное, обладающее известными физическими, умственными и нравственными свойствами и способностями и обнаруживающее влечение к одним предметам и антипатию к другим. Чем отличается он от других животных? Тем, что одарен умственными и нравственными способностями, превосходящими способности всех остальных животных; благодаря этому он может подчинять их своей власти. Поэтому он является повелителем животных... Всякое существо сообразуется с общими и индивидуальными законами, существующими для его вида... Какие влечения свойственны человеческой природе?.. Желание приятных ощущений, в особенности желание питаться, когда он чувствует голод и жажду, желание спать и отдыхать, когда он устал физически или душой, желание иметь потомство, желание надлежащим образом проявлять все свои физические, умственные и нравственные способности и силы, развитие которых и может сделать его здоровым и счастливым, желание всегда говорить правду или выражать все свои впечатления без обмана, желание доставлять другим счастье или приятные ощущения, которыми он сам наслаждается, желание всегда испытывать приятные ощущения и, следовательно, переходить от одного ощущения к другому, как только первое ощущение перестает доставлять удовольствие, и желание полной свободы действий. К чему человек по своей природе чувствует антипатию? Человек чувствует отвращение ко всему тому, что причиняет индивидууму физическое, умственное или нравственное страдание... что лишает его возможности питаться... как следует отдыхать или спать... размножаться, когда его организация вызывает в нем естественное влечение к этому; он испытывает отвращение ко всему тому, что мешает ему свободно проявлять свои физические, умственные и нравственные силы и способности... что препятствует ему свободно выражать свои убеждения и чувства... что стесняет его свободу действий, соответствующую естественным побуждениям его организации... Справедливо ли или полезно ли хвалить или порицать человека за то, что у него развились такие влечения или какое-нибудь из особенных качеств и способностей? Нет, эта мысль весьма нелепа, и она оказывается чрезвычайно вредной на практике. Все эти влечения человеческой природы необходимы для того, чтобы образовалось мыслящее, разумное и счастливое существо, и для того, чтобы вид продолжал существовать. В чем состоит счастье человека? В приятных ощущениях или в умеренном удовлетворении всех его естественных потребностей. Какие практические меры могут обеспечить всем людям на всю жизнь наибольшее количество невиннейших или здоровых приятных ощущений? Такие соглашения, благодаря которым в надлежащий период жизни все физические, умственные и нравственные силы и способности человеческой природы проявлялись бы в здоровой и невинной деятельности и которые обеспечивали

бы регулярное и умеренное проявление этих сил и способностей, соответствующее организации и характеру каждого индивидуума. Эти соглашения должны также предотвращать возможность того, чтобы желания не шли так далеко или шли далее этого, так как лишь состояние, соответствующее такому равновесию, может доставить человеку высшее активное и прочное наслаждение. В чем состоит несчастье человека? В болезненных ощущениях или в том, что потребности, вытекающие из его физических, умственных и нравственных способностей, не удовлетворяются».

(Оуэн Р. Катехизис нового нравственного мира // Деборин А. Книга для чтения по истории философии: в 2 т. М., 1925. Т. 2. С. 382–384).

Вопросы: Чем человек отличается от других животных? Что такое человек? Какие влечения свойственны человеческой природе? К чему человек чувствует отвращение? Согласны ли Вы с таким определением счастья и несчастья человека? Какие практические меры могут обеспечить удовлетворение его влечений? Отвечает ли Вашим взглядам позиция Р. Оуэна?

Иррационалистическая философия XIX в.

Артур Шопенгауэр (1788–1860) – немецкий философ, основоположник иррационализма, ведущий представитель волюнтаризма.

89. Основные положения учения А. Шопенгауэра.

[Невозможность положительного счастья]

«Всякое счастье имеет лишь отрицательный, а не положительный характер, поэтому оно не может быть прочным удовлетворением и удовольствием, а всегда освобождает только от какого-нибудь страдания и лишения, за которым должно последовать или новое страдание, или беспредметная тоска и скука, – это находит себе подтверждение и в верном зеркале сущности мира и жизни – в искусстве, особенно в поэзии. Всякое произведение может изображать только борьбу, стремление, битву за счастье, но никогда не самое счастье, постоянное и окончательное... Так как действительное, постоянное счастье невозможно, то оно и не может быть объектом искусства».

[Трагикомический характер жизни]

«Судьба, точно желая к горести нашего бытия присоединить еще насмешку, сделала так, что наша жизнь должна заключать в себе все ужасы трагедии, но мы при этом лишены даже возможности хранить достоинство трагических персонажей, а обречены проходить все детали жизни и неизбежной пошлости характеров комедии».

[Мир – обитель страдания]

«Если, наконец, каждому из нас воочию показать те ужасные страдания и муки, которым во всякое время подвержена наша жизнь, то нас объял бы трепет; и

если провести самого закоренелого оптимиста по больницам, лазаретам и камерам хирургических истязаний, по тюрьмам, застенкам, логовищам невольников, через поля битвы и места казни; если открыть перед ним все темные обители нищеты, в которых она прячется от взоров холодного любопытства, то в конце концов и он, наверное, понял бы, что это за лучший из миров».

[Бессовестность оптимизма]

«Оптимизм, если он только не бессмысленное словоизвержение таких людей, за плоскими лбами которых не обитает ничего, кроме слов, представляется мне не только нелепым, но и поистине бессовестным воззрением, горькой насмешкой над невыразимыми страданиями человечества».

[В человеке эгоизм достигает высшей степени]

«Война всех против всех»

«В то время как всякий непосредственно дан самому себе как целая воля и целое представляющее, остальные даны ему прежде всего только в качестве его представлений; вот почему собственное существо и его сохранение важнее для него, чем все остальные, взятые вместе. На свою собственную смерть всякий смотрит как на конец мира, между тем как известие о смерти своих знакомых он выслушивает довольно равнодушно, если только она не затрагивает его личных интересов. В сознании, поднявшемся на самую высокую ступень, в сознании человеческом, эгоизм, как и познание, страдание, удовольствие, должен был тоже достигнуть высшей степени, и обусловленное им соперничество индивидуумов проявляется самым ужасным образом. Мы видим его повсюду, как в мелочах, так и в крупном; мы видим его и в страшных событиях – в жизни великих тиранов и в опустошительных войнах и т. д.; мы видим его в истории мира и в собственной жизни. Но явственнее всего оно тогда, когда любое собрание людей освобождается от всякого закона и порядка».

[Этика сострадания и преодоления эгоизма]

«Из того же источника, откуда вытекают всякая доброта, любовь, добродетель и великодушие, исходит наконец и то, я называю отрицанием воли к жизни... Если человек не делает эгоистической разницы между своей личностью и чужой, а страдание других индивидуумов принимает так же близко к сердцу, как и свое собственное, и потому не только с величайшей радостью предлагает свою помощь, но даже готов жертвовать собой, лишь бы спасти этим несколько чужих, то уже естественно, что такой человек, во всех существах узнающий себя, свое сокровенное и истинное Я, должен и бесконечные страдания всего живущего рассматривать как свои собственные и приобщить себя к несчастью Вселенной. Все горести других, которые он видит и так редко может облегчить, и даже те, которые он считает только возможными, действуют на его дух как личные. Уже не об изменчивом счастье и горе своей личности думает он, как это делает человек, еще одержимый эгоизмом; все одинаково близко ему... Он познает целое, постигает его сущность... И всюду, куда бы он ни кинул взоры, видит он страждущее человечество, страждущих животных и преходящий мир. И все это лежит теперь к нему в такой же близости, как для эгоиста его

собственная личность. И разве может он, увидев мир таким, тем не менее утверждать эту жизнь постоянной деятельностью воли и все теснее привязываться к ней, все теснее прижимать ее к себе. – Если тот, кто еще находится во власти эгоизма, познает только отдельные вещи и их отношение к его личности, и они поэтому служат источником все новых и новых мотивов для его хотения, то, наоборот, описанное познание целого, сущности вещей в себе, становится отсутствием всякого хотения. Воля отворачивается от жизни; она содрогается теперь перед ее радостями, в которых видит ее утверждение. Человек доходит до состояния добровольного отречения, истинной безмятежности и совершенного отсутствия желаний».

(Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии: в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 331, 333, 336–337, 363, 392–394).

Вопросы: Согласны ли Вы с автором, утверждающим, что положительное счастье невозможно? Жизнь ужасна, мир полон страданий, оптимизм – бессмысленное слово, горькая насмешка над невыразимыми мучениями человечества – соответствует ли всё это Вашему мировосприятию? А. Шопенгауэр – пессимист или оптимист? Что означают такие понятия, как «эгоизм», «эгоцентризм», «альтруизм»? В чем проявляется эгоистичность человека? К чему приводит распространение эгоизма в обществе? Чем отличается жизнь эгоиста от жизни человека, воспринимающего страдания других как свои собственные? Сохраняется ли у человека, который «видит страждущее человечество, страждущих животных и преходящий мир» и постигает целостность и сущность этого мира, воля к жизни, по мнению А. Шопенгауэра?

90. [Укрощение воли и переход к чистому познанию]

«Легко понять, как блаженна должна быть жизнь того, чья воля укрощена не на миг, как при эстетическом наслаждении, а навсегда и даже совсем погасла вплоть до последней тлеющей искры, которая поддерживает тело и потухнет вместе с ним. Такой человек, одержавший наконец решительную победу после долгой и горькой борьбы с собственной природой, остается еще на земле как существо чистого познания, как неомраченное зеркало мира. Его ничто уже больше не может удручать, ничто не волнует, ибо все тысячи нитей хотения, которые связывают нас с миром и в виде алчности, страха, зависти и гнева влекут нас в непрерывном страдании туда и сюда, эти нити он обрезал. Спокойно и улыбаясь оглядывается он на призраки этого мира, которые некогда могли волновать и терзать его душу, но которые теперь для него столь же безразличны, как сброшенные маскарадные костюмы, тревожившие и манившие нас в ночь карнавала. Жизнь и ее образы носят теперь перед ним как мимолетные видения подобно легким утренним грезам человека, наполовину проснувшегося, – грезам, сквозь которые уже просвечивает

действительность и которые не могут больше обманывать: и как они, так испаряются наконец и эти видения, без насильственного перехода».

[Познание волей своей сущности – единственное проявление свободы воли]

«Как раз то, что христианские мистики называют благодатью и возрождением, служит для нас единственным непосредственным проявлением свободы воли. Оно наступает лишь тогда, когда воля, достигнув познания своей сущности, обретает для себя в результате этого познания созерцательность и тем освобождается от действия мотивов, лежащего в сфере другого способа познания, объектами которого служат только явления. Возможность такого обнаружения свободы составляет величайшее преимущество человека, вовеки чуждое животному, так как ее, этой возможности, условием является обдуманность разума, которая позволяет независимо от впечатлений настоящего озирать жизнь в ее целом. Животное лишено всякой возможности свободы, как лишено даже и возможности обдуманного выбора решений, предваряемого законченным конфликтом мотивов, которые для этого должны были бы быть отвлеченными представлениями... Необходимость – царство природы, свобода – царство благодати».

[Угашение воли к жизни. Вместе со свободным отрицанием воли упраздняются все явления]

«Если мы познали внутреннюю сущность мира как волю и во всех его проявлениях увидели только ее объективность, которую проследили от бессознательного прорыва темных сил природы до сознательной деятельности человека, то мы никак не можем избежать вывода, что вместе со свободным отрицанием, отменой воли, упраздняются и все те явления, то беспрестанное стремление и искание без цели и отдыха, на всех ступенях объективности, в которых и через которые существует мир, упраздняется разнообразие преемственных форм, упраздняются с волей все ее проявления и, наконец, общие формы последнего, время и пространство, как и последняя основная форма его – субъект и объект. Нет воли – нет представления, нет мира».

[Растворение в ничто и полное успокоение духа]

«Пред нами остается, конечно, только ничто. Но ведь то, что противится этому растворению в ничто, наша природа, есть именно только воля к жизни, которой являемся мы сами, как и она является нашим миром. То, что нас так страшит ничто, есть лишь иное выражение того, что мы так сильно хотим жизни и сами не что иное, как эта воля, и не знаем ничего, кроме нее. Но если мы от нашей личной нужды и зависимости обратим взоры на тех, которые преодолели мир, в которых воля, достигнув полного самопознания, вновь нашла себя во всем и затем свободно сама себя отинула и которые ожидают только момента, когда они увидят, как исчезнет ее последняя искра и с нею тело, которое она животворит, то вместо беспрестанной борьбы и сутолоки, вместо вечного перехода от желания к страху и от радости к страданию, вместо никогда не удовлетворяемой и никогда не замирающей надежды, в чем проходит сон жизни волящего человека, – вместо всего этого нам предстанет тот мир, который выше всякого разума, та полная тишь духа, тот глубокий покой,

несокрушимое упование и ясность, одно только отражение которых на лице, как его воспроизвели Рафаэль и Корреджо, есть полное и надежное Евангелие: осталось только познание, воля исчезла».

(Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии: в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 405–406, 419–420, 426–427).

Вопросы: Как Вы относитесь к взглядам А. Шопенгауэра, утверждающего, что жизнь человека становится прекрасной, когда навсегда укрощена его воля, когда ничто его не волнует и все «нити хотения», связывающие его с миром, окончательно порваны? Что является, по мнению автора, единственным и непосредственным проявлением свободы воли? Почему животные лишены всякой возможности свободы? В чем он видит величайшее преимущество человека над животным? Что лежит в основе мира в философии А. Шопенгауэра? В каких формах объективации раскрывает себя мировая воля? Возможно ли существование мира без воли, по мнению А. Шопенгауэра? Почему нас так страшит «ничто»? Как Вы относитесь к позиции А. Шопенгауэра, считающего, что единственный выход для человека, живущего в мире бесконечных страданий, заключается в том, чтобы погасить «волю к жизни» и достичь состояния нирваны, неприятия этого мира?

91. «Филистер – это человек, который вследствие строгой и отмеренной нормальности своих интеллектуальных сил, лишен всяких духовных потребностей, это человек, чуждый муз... Подобные люди все время самым серьезным образом заняты реальностью, которой на самом деле нет... Итак, филистер – человек без духовных потребностей, отсюда вытекают разного рода выводы... Никакое влечение к познанию и уразумению, ради их самих, не оживляет его существование; нет у него также потребности в эстетических наслаждениях, тесно связанной с этим влечением. Если случайно мода или авторитет предпишут ему какие-либо наслаждения такого рода, он старается поскорее отбыть их как своего рода принудительную работу. Действительными наслаждениями будут для него исключительно чувственные, – ими он себя и вознаграждает. Поэтому вершина его бытия заключается в устрицах и шампанском, цель его жизни – добывать себе то, что способствует телесному благополучию. Хорошо еще, если цель задает ему много работы. Если же эти блага уже заранее ему уготованы, он неизбежно попадает под власть скуки, против которой пускается тогда в ход все возможное: балы, театры, карты, вино, женщины, путешествия и т. д. И тем не менее все это оказывается бессильным против скуки, когда отсутствие духовных потребностей исключает возможность духовных наслаждений. Вот почему филистеру и свойственна характерная для него тупая, сухая серьезность, подобная серьезности

животных. Ничто его не радует, ничто не возбуждает. Ибо чувственные наслаждения скоро исчерпываются; общество, состоящее из таких же филистеров, скоро вызывает скуку; карты утомляют. Конечно, у него остаются еще удовольствия тщеславия, которые могут состоять в том, что он превосходит других богатством, или рангом, или влиянием и властью, пользуясь от них за это почетом; но он может довольствоваться и тем, что водит знакомство с людьми, которые обладают подобным превосходством, и, таким образом, купается в лучах их блеска... Так как у него нет духовных, а есть физические потребности, то он будет искать тех, кто способен удовлетворить вторым, а не тех, кто удовлетворяет первым. Всего менее поэтому он будет прибегать к помощи людей с преобладанием каких-либо духовных способностей; напротив, такие люди будут возбуждать с его стороны антипатию: даже ненависть: ведь он при этом может ощущать лишь тягостное чувство чужого превосходства, да еще тупую, скрытую зависть, которую он самым тщательным образом прячет, стараясь утаить ее даже от самого себя, – но как раз благодаря этому она иногда вырастает в холодную злобу. Никогда поэтому не придет ему в голову руководствоваться в своей оценке или уважении такого рода интеллектуальными достоинствами; его критериями в этом отношении останутся исключительно ранг и богатство, власть и влияние, – это в его глазах единственные истинные преимущества, которыми хотел бы отличаться и он. Но все это происходит оттого, что такой человек лишен духовных потребностей».

(Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. Ю.И. Айхенвальда. СПб., 2013. С. 46–48).

Вопросы: Кто такой филистер? Какие потребности развиты у филистера? К каким чувственным удовольствиям он стремится? Почему такой человек бывает несчастлив? Почему людей с духовными способностями не любят филистеры? Что означают слова А. Шопенгауэра: «Филистеров не занимают идеальности, а для избежания скуки им постоянно нужны реальности, которые скоро иссякают, а иногда приводят ко всякого рода бедам; напротив, идеальности неисчерпаемы и сами по себе невинны и безвредны»? Можно ли современному человеку ограничиться развитием только чувственных потребностей? Как избавить себя от скуки? Встречаются ли в нашей жизни подобные люди?

92. «Если бы изъять человеческую жизнь из-под гнета нужды, тягостей, неприятностей и тщетности стремлений, – высокомерие людей возросло бы если не до взрыва, то до проявлений необузданнейшего сумасбродства и неистовства. Человеку даже необходимо, как кораблю балласт, чтобы он устойчиво и прямо шел, во всякое время известное количество заботы, горя или нужды. Работа, беспокойство, труд и нужда есть во всяком случае доля почти всех людей в течение всей жизни. Но если бы все желания исполнялись, едва

успев возникнуть, – чем бы тогда наполнить человеческую жизнь, чем убить время? Если бы человеческий род переселить в ту благодатную страну, где в кисельных берегах текут медовые и молочные реки и где всякий тотчас же как пожелает встретить свою суженую, так без труда ею овладеет, то люди частью перемерли бы со скуки или перевешались, частью воевали бы друг с другом и резали и душили бы друг друга и причиняли бы себе гораздо больше страданий, чем теперь возлагает на них природа. Следовательно, для них не годится никакое иное поприще, никакое другое существование».

(Шопенгауэр А. Мысли /пер. с нем. Ф. Черниговца. СПб., 2014. С. 41–42).

Вопросы: Нужны ли в человеческой жизни нужда, тяготы, неприятности, беды? Согласны ли Вы с мнением автора? В чем он прав и в чем неправ? К чему приводит жизнь, полная постоянных удовольствий, и жизнь, полная бесконечных лишений и бед?

93. «Жизнь дается не для наслаждения ею, а для того, чтобы ее перенести, «отбыть».... Старость даже утешается тем, что весь жизненный труд уже позади. Счастливейшим человеком будет тот, кто провел жизнь без особенных страданий, как душевных, так и телесных, а не тот, чья жизнь протекала в радостях и наслаждениях. Кто этими последними измеряет счастье своей жизни, тот выбрал неверный масштаб. Ведь наслаждения – всегда отрицательны; лишь зависть может внушить ложную мысль, что они дают счастье. Страдания, напротив, ощущаются положительным образом; поэтому критерий жизненного счастья – это их отсутствие. Если к беспечальному состоянию присоединится еще отсутствие скуки, то в главных чертах земное счастье достигнуто; все остальное – химера. Отсюда следует, что не должно никогда покупать наслаждения ценой страданий или даже ценой риска нажить их; ведь это значило бы ради отрицательного, ради химеры пожертвовать положительным и реальным; и наоборот, мы выигрываем, жертвуя наслаждениями для того, чтобы избежать страданий. В обоих случаях безразлично, предшествует ли страдание наслаждению или следует за ним. Нет худшего безумия, как желать превратить мир – эту юдоль горя – в увеселительное заведение и вместо свободы от страданий ставить себе целью наслаждения и радости; а очень многие так именно и поступают. Гораздо меньше ошибается тот, кто с преувеличенной мрачностью считает этот мир своего рода адом и заботится поэтому лишь о том, как бы найти себе в нем недоступное для огня помещение. Глупец гоняется за наслаждениями и находит разочарование; мудрец же только избегает горя. Если ему это и не удалось, значит виноват не он, не его глупость, а судьба. Если же это хоть сколь-нибудь удастся, то разочарования ему нечего бояться: страдания, которые он избегал, всегда останутся вполне реальными. Даже если он, избегая их, слишком уклонился в сторону и даром пожертвовал несколькими наслаждениями, то и

тогда он, в сущности, не потерял ничего: все радости – призрачны и горевать о том, что они упущены, – мелочно, даже смешно».

(Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. С. 114–116).

Вопросы: Для чего дается жизнь человеку, по мнению автора? Кого А. Шопенгауэр считает счастливейшим человеком? Что он считает критерием жизненного счастья? Свободу «от чего» провозглашает А. Шопенгауэр? Как ведет себя глупец и как – мудрец? Как Вы считаете: нужно ли человеку в своей жизни избегать как страданий, так и наслаждений? Можно ли, не испытывая никаких наслаждений, избежать страданий? Нужно ли платить за наслаждения страданиями? Согласны ли Вы с позицией автора?

Фридрих Ницше (1844–1900) – немецкий философ, представитель иррационализма, один из создателей «философии жизни».

94. «Люди благородного происхождения чувствовали себя счастливыми; им не нужно было строить искусственно свое счастье, глядя на своих врагов, не нужно было при случае убеждать себя в этом, обманывать себя, как это обыкновенно приходится делать простым людям. Они умели так же, как люди, в полном смысле преисполненные сил, следовательно, неизбежно активные люди, не отделять счастья от деятельности; деятельность с необходимостью относят они к понятию счастья. Это является полной противоположностью понятию счастья на ступени бессильных, угнетенных, исполненных ядовитыми и враждебными чувствами, у которых понятие счастья выступает в своих существенных чертах как наркоз, оглушение, покой, тишина, шабаш, успокоение духа, отдых членов тела, одним словом, пассивно. Между тем как человек благородный живет с доверием и откровенно – человек другой расы не откровенен, не наивен, и не честен, и не прям сам с собою. Душа его косит; ум его любит закоулки, тайные дороги и задние двери, все скрытое нравится ему, как его мир, его безопасность, его утеха; он умеет молчать, не забывать, ждать, предварительно унижаться и смиряться. Раса таких людей неизбежно становится в конце концов умнее, чем какая-нибудь благородная раса, и будет совершенно в другой мере ценить ум; она ценит ум как первое условие существования, между тем как ум благородных рас имеет тонкий оттенок роскоши, утонченности: он не имеет здесь того существенного значения, какое имеет полная уверенность в функциях регулирующих бессознательных инстинктов или даже известное безрассудство, смелое наступление, будет ли это по отношению к опасности или к врагу, или мечтательный взрыв гнева, любви, почтительности, благодарности и мести, что во все времена отличало благородные души. Даже сама жажда мести благородных людей, когда она ими овладевает, происходит и исчерпывается в немедленной реакции и поэтому не отравляет; с другой стороны, она вовсе не

имеет места в бесчисленных случаях, когда это неизбежно у всех слабых и бессильных. Неумение долгое время серьезно относиться к своим врагам, своим неудачам, даже к своим дурным поступкам – это признак сильных, совершенных натур, в которых имеется избыток пластической, образовательной, исцеляющей и позволяющей забыть силы (хороший пример этому в современном мире представляет Мирабо, который не помнил оскорбления и подлости, которые по отношению к нему совершали, и который не мог прощать только потому, что он забывал). Такой именно человек одним движением сбрасывает с себя много гадов, которые внедряются в другого; только в данном случае и возможна – допустив, что это возможно вообще – настоящая «любовь к своим врагам». Как много уважения проявляет благородный человек по отношению к своим врагам! – а такое уважение уже является мостом к любви... Он требует своего врага как отличия, он не выносит иного врага, кроме такого, в котором нет ничего достойного презрения и очень многое достойно уважения! Зато представьте себе «врага» в том виде, как его представляет себе человек другой расы, именно здесь это его дело, его творчество: он создал «злого врага», «злого» именно в качестве основного понятия, исходя из которого, как его отражение и противоположность, он выдумывает и «хорошего» – себя самого!..»

(Ницше Ф. Генеалогия морали / пер. с нем. СПб., 2011. С. 34–36).

Вопросы: Как ведут себя люди благородного происхождения? Как они понимают счастье? Чем отличается ум представителей благородных рас от ума людей других рас, по мнению Ф. Ницше? Что в поведении представителей благородных рас является наиболее значимым, с точки зрения Ф. Ницше: бессознательные инстинкты или ум? Как относится к своим врагам благородный человек и человек другой расы? В чем прав и не прав Ф. Ницше?

95. «Множество народа собралось на базарной площади: ибо ему обещано было зрелище – плясун на канате. И Заратустра говорил так к народу: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что нужно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя... Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас осталось от червя, когда были вы обезьяною, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян. Даже мудрейший среди вас есть только негармоничная, колеблющаяся форма между растением и призраком. Но разве я велю вам стать призраком или растением? Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек – это смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: «Да будет сверхчеловек смыслом земли!» Я заклинаю вас, мои братья, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных

надеждах! Они презирали жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала земля: пусть погибнут они! Прежде хула на Бога была величайшей хулой; но Бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители. Теперь хулить землю – самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимого выше, чем смысл земли! Некогда смотрела душа на тело с презрением: и тогда не было ничего выше, чем это презрение; – она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать от тела и от земли. О, эта душа сама была еще тощей, отвратительной и голодной; и жестокость была наслаждением этой души! Но и теперь, братья мои, что говорит ваше тело о вашей душе? Разве ваша душа не есть бедность и грязь и жалкое довольство собою? Поистине, человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым... Сверхчеловек – это море, где может потонуть ваше великое презрение. В чем то самое высокое, что можете вы пережить? Это час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, так же как ваш разум и ваша добродетель. Час, когда вы говорите: «В чем мое счастье! Оно – бедность и грязь и жалкое довольство собою. Мое счастье должно бы было оправдывать само существование». Час, когда вы говорите: «В чем мой разум! Добивается ли он знания, как лев своей пищи? Он – бедность и грязь и жалкое довольство собою!» Час, когда вы говорите: «В чем моя добродетель! Она еще не заставила меня безумствовать. Как я устал от добра моего и от зла моего! Все это бедность и грязь и жалкое довольство собою!» Час, когда вы говорите: «В чем моя справедливость! Я не вижу, чтобы я был пламенем и углем. А справедливость – это пламень и уголь!» Час, когда вы говорите: «В чем моя жалость! Разве жалость – не крест, к которому пригвождается каждый, кто любит людей? Но моя жалость не есть распятие». Говорили вы уже так? Ах, если бы я уже слышал вас так восклицаящими! Не ваш грех – ваше самодовольство вопиет к небу; ничтожество ваших грехов вопиет к нему! Но где же та молния, что лизнет вас своим языком? Где то безумие, что надо бы привить вам? Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это молния, он – это безумие!»... Пока Заратустра так говорил, кто-то крикнул из толпы: «Мы слышали уже довольно о канатном плясуне; пусть нам покажут его!» И весь народ начал смеяться над Заратустрой. А канатный плясун, подумав, что эти слова относятся к нему, принялся за свое дело».

(Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 11–13).

Вопросы: Как Вы относитесь к позиции Ф. Ницше, видевшего главную положительную задачу своей философии в утверждении культурного совершенствования человека, в результате которого должен появиться новый, превосходящий современных людей по своим морально-интеллектуальным качествам тип человека, т. е. сверхчеловек? Почему человек должен преодолеть себя? Что означает мысль Ф. Ницше, что сверхчеловек «впереди, а не позади»? Почему Бог не нужен Ф. Ницше?

Справедливо ли утверждение, что «человек – это грязный поток»? Что это за «час великого презрения»? Как Вы считаете: жизнь человека, его счастье, разум, добродетель, справедливость – только «бедность и грязь и жалкое довольство собою»? Разве люди так самодовольны собой и ничтожны, как утверждает Ф. Ницше? Почему сверхчеловек – «это молния, это безумие», по мнению автора?

96. «Заратустра глядел на народ и удивлялся. Потом он так говорил: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно остаться в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и уничтожение. Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту. Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы желания другого берега. Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою; а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека... Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения: ибо так хочет он своей гибели. Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела желания другого берега... Я люблю того, чья душа расходует, кто не хочет благодарности и не оказывает ее: он постоянно дарит и не хочет беречь себя. Я люблю того, кто стыдится, когда счастливая игра выпадает на долю его, и кто тогда спрашивает: «Неужели я игрок-обманщик?», – ибо он хочет гибели. Я люблю того, кто бросает золотые слова вперед дел своих и исполняет всегда больше, чем обещает, ибо он хочет своей гибели. Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и избавляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего. Я люблю того, кто строг к своему Богу, так как он любит своего Бога: ибо он должен погибнуть от гнева своего Бога. Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах и кто может погибнуть при малейшем испытании: так охотно идет он по мосту. Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся вещи его гибелью. Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем: так голова его есть только внутренность сердца его, а сердце влечет его к гибели. Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человечеством: молния приближается, возвещают они, и гибнут как провозвестники... Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи: но эта молния называется сверхчеловек»... Заратустра посмотрел на народ и умолк. «Вот стоят они, – говорил он в сердце своем, – вот смеются они: они не понимают меня, мои речи не для этих ушей... Буду же говорить я им о самом презренном существе: а это и есть последний человек»... «Смотрите! Я показываю вам последнего человека». «Счастье найдено нами», – говорят последние люди и моргают. Они покинули страны, где было холодно жить: ибо им необходимо тепло. Также

любят они соседа и жмутся к нему: ибо им необходимо тепло. Захворать или быть недоверчивым считается у них грехом: ибо ходят они осмотнительно. Одни безумцы еще спотыкаются о камни или о людей!.. Они еще трудятся, ибо труд – развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их. Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно. И кто хотел бы еще управлять? И кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно. Нет пастыря, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом. «Прежде весь мир был сумасшедший», – говорят самые умные из них и моргают. Они еще ссорятся, но скоро мирятся – иначе это расстраивало бы желудок. Все умны и знают все, что было: так что можно смеяться без конца. У них есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи: но здоровье – выше всего. «Счастье найдено нами», – говорят последние люди и моргают. Речь Заратустры прервали крик и радость толпы. «Дай нам этого последнего человека, о Заратустра, – так восклицали они, – сделай нас похожими на этих последних людей! И мы дарим тебе сверхчеловека!» Но Заратустра стал печален и сказал в сердце своем: «Они не понимают меня: мои речи не для их ушей»...

(Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М, 1990. С. 13–16).

Вопросы: Как Вы понимаете слова Ф. Ницше: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком»? Прав ли Ф. Ницше, утверждая, что в человеке важно только то, что он «мост, переход, гибель», а не цель? Каких людей любит Заратустра и за что? Обладают ли, с Вашей точки зрения, эти люди моральными качествами? Провозвестниками кого являются эти люди и сам Заратустра? Почему сверхчеловек сравнивается с молнией? Какими представляются Заратустрой «последние люди»? В чем они видят найденное ими счастье? Как относится Ф. Ницше к морали «последних людей», которая утверждает всеобщее равенство и характеризуется духом общности, благожелательности, уживчивости, умеренности, скромности, повиновения и т. д.? Есть ли положительные принципы в морали «последних людей», с Вашей точки зрения? Может ли, по мнению Ф. Ницше, этими же принципами характеризоваться мораль сверхчеловека?

97. «Вы, высшие люди, – так моргает толпа, – не существует высших людей, мы все равны, человек есть человек, перед Богом – мы все равны!». «Вы, высшие люди, уходите с базара!.. Перед Богом! – Но теперь умер этот Бог! Вы, высшие люди, этот Бог был вашей величайшей опасностью... Только теперь наступает великий полдень, только теперь высший человек становится – господином!.. Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек». Заратустра спрашивает, единственный и первый: «Как превзойти человека?» К сверхчеловеку лежит

сердце мое, он для меня первое и единственное, – а не человек: не ближний, не самый бедный, не самый страждущий, не самый лучший. О братья мои, если я могу любить в человеке, так это только то, что он есть переход и уничтожение. И даже в вас есть многое, что пробуждает во мне любовь и надежду. Ваша ненависть... ваше отчаяние, о высшие люди, достойно великого уважения. Ибо вы не научились подчиняться, вы не научились маленькому благоразумию. Ибо теперь маленькие люди стали господами: они все проповедуют покорность, скромность, благоразумие, старание, осторожность и длинную вереницу остальных маленьких добродетелей. Все женское, все рабское и особенно вся чернь хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы – о отвращение! Они неустанно спрашивают: «Как лучше и дольше сохраниться человеку?» И потому – они господа сегодняшнего дня. Этих маленьких людей надо превзойти, они величайшая опасность для сверхчеловека! Превзойдите, о высшие люди, маленькие добродетели, маленькое благоразумие, боязливую осторожность, жалкое достоинство, «счастье большинства»!.. Есть ли в вас мужество?.. Лишь у того есть мужество, кто знает страх, но побеждает его, кто видит бездну, но с гордостью смотрит в нее. Кто смотрит в бездну, но глазами орла, кто хватает бездну когтями орла: лишь в том есть мужество. «Человек зол», – так говорили мне в утешение мудрецы. Ах, если бы это и сегодня было правдой! Ибо зло лучшая сила человека. «Человек должен становиться все лучше и злее», – так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека. Могло быть благом для проповедника маленьких людей, что он страдал и нес грехи людей. А я радуюсь великому греху как великому утешению своему. Но все это сказано не для длинных ушей. Не всякое слово годится ко всякому рылу... О высшие люди, не думаете ли вы, что я здесь для того, чтобы исправить то, что сделали вы дурного? Нет! Все лучшие из рода вашего должны гибнуть, ибо вам должно становиться все хуже и жестче. Ибо только этим путем – вырастает человек до той высоты, где молния поражает и убивает его: достаточно высоко для молнии!.. По-моему, вы еще недостаточно страдаете! Ибо вы страдаете из-за себя, вы еще не страдали из-за человека... Для этих людей сегодняшнего дня не хочу я ни быть светом, ни называться им. Их – хочу я ослепить: молния мудрости моей! Выжги им глаза! Вы не должны ничего хотеть свыше своих сил: дурная лживость присуща тем, кто хотят свыше сил своих, особенно когда они хотят великих вещей!.. Будьте очень осторожны с ними, о высшие люди! Ибо нет для меня сегодня ничего более драгоценного и более редкого, чем правдивость... Толпа криводушна по невинности, она лжет всегда... Будьте недоверчивы!.. И держите в тайне основания ваши!.. Остерегайтесь также ученых, они ненавидят вас: ибо они бесплодны! У них холодные, иссохшие глаза. Они кичатся тем, что они не лгут: но неспособность ко лжи далеко еще не есть любовь к истине... Застывшим умам не верю я, кто не может лгать, не знает, что есть истина... Не позволяйте вводить себя в заблуждение! И если действуете вы «для ближнего своего» – вы создаете все-таки не для него! Забудьте же об этом «для»: ибо ваша добродетель требует, чтобы вы не имели никакого дела с этими «для», «ради» и «потому что»... «Для ближнего» – это

добродетель только маленьких людей: у них говорят «один стоит другого» и «рука руку моет»: у них нет ни права, ни силы для вашего эгоизма!.. Ваше дело, ваша воля – «ближний ваш»; не позволяйте навязывать себе ложных ценностей!.. Не будьте добродетельны свыше сил своих! Не требуйте от себя ничего невероятного!.. Учитесь смеяться над собой, как надо смеяться! О высшие люди, сколь многое еще возможно и сколь многое удалось уже. Окружайте себя маленькими, хорошими, совершенными вещами. Их золотая зрелость исцеляет сердце. Все совершенное учит надеяться... Поднимайте сердца ваши, братья мои, выше! все выше!.. Лучше быть смешным от счастья, чем смешным от несчастья, лучше неуклюже танцевать, чем ходить хромя... Забудьте же о скорби и о всякой печали толпы! О, какими печальными кажутся мне сегодня народные шуты. Но это «сегодня» принадлежит толпе. Подражайте ветру... Хвала доброму неукротимому духу, который приходит как ураган, для всякого «сегодня» и для всякой толпы... Хвала этому духу бурь, дикому, доброму и свободному, который танцует по болотам и по печали, как по лугам! Который ненавидит чахлах псов из толпы и всякое неудачное, мрачное отродье: хвала этому духу всех свободных умов, смеющейся буре, которая засыпает глаза пылью всякому, кто видит лишь черное и сам покрыт язвами! О высшие люди, ваше худшее в том, что все вы не научились танцевать, как нужно танцевать, – танцевать выше себя! Что из того, что вы не удались! Сколь многое еще возможно! Так научитесь же смеяться выше себя!.. Поднимайте сердца ваши, вы, хорошие танцоры, выше, все выше! Не забывайте также доброго смеха!.. Смех признал я священным; о высшие люди, научитесь же у меня – смеяться!»

(Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 248– 257).

Вопросы: Как Заратустра относится к толпе, к «маленьким людям»? Почему он их не любит? Чем, с его точки зрения, отличаются «маленькие люди» от «высших людей»? Какие советы дает Заратустра «высшим людям»? В чем, по его мнению, они несовершенны? Какую новую систему ценностей он предлагает вместо так называемых «ложных» ценностей? Как вы к ней относитесь? Как Вы относитесь к призыву Ф. Ницше осуществить переворот всех привычных оценок? Актуальны ли в наше время мысли Ф. Ницше о делении морали на мораль господ и мораль рабов?

98. «Что можно обещать. Можно обещать действия, но никак не чувства: ибо последние произвольны. Кто обещает кому-либо всегда любить его, или всегда ненавидеть, или оставаться верным, тот обещает нечто, что не находится в его власти; но, конечно, он может обещать такие действия, которые хотя обычно являются следствием любви, ненависти, верности, но могут проистекать и из других мотивов: ибо к одному и тому же действию ведут многие пути и мотивы. Обещание всегда любить кого-либо означает,

следовательно: пока я буду любить тебя, я буду проявлять в отношении тебя действия любви; а когда я уже не буду тебя любить, ты по-прежнему будешь получать от меня те же действия, хотя и обусловленные иными мотивами, – так что в головах близких сохранится видимость, будто любовь осталась неизменной. Следовательно, когда без самоослепления обещают кому-либо вечную любовь, то обещают, собственно, длительность видимости любви... Глупость родителей. Величайшие ошибки в оценке человека совершаются его родителями... Можно заметить, что путешественники, наблюдающие чужие народы, лишь первое время своего пребывания правильно улавливают общие отличительные черты народа; чем более они узнают народ, тем более они разучаются видеть то, что в нем типично и отличительно. Как только они становятся близко-зрячими, их глаза перестают быть дальнозоркими. Может быть, потому родители ложно судят о ребенке, что они никогда не стояли достаточно далеко от него? Но возможно совсем иное объяснение: люди обыкновенно перестают размышлять о том, что ближе всего их окружает, а просто берут его, как оно есть. Быть может, привычная беспечность мысли у родителей есть причина того, что, когда они вынуждены судить о своих детях, они судят так криво».

(Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов / пер. с нем. С. Франка. СПб., 2014. С. 71–72, 286).

Вопросы: Почему, как писал Ф. Ницше, «можно обещать действия», но никак не чувства? Согласны ли Вы с этим? Можно ли любить всю жизнь одного человека? Почему, по мнению Ф. Ницше, родители очень часто совершают «величайшие ошибки» в оценке своих детей? Прав ли автор?

99. «Мораль как иллюзия рода, имеющая целью побудить отдельного индивида жертвовать собой для будущего, только по видимости признавая за ним самим бесконечную ценность, чтобы он с помощью этого самосознания мог тиранизировать и подавлять другие стороны своей натуры и чтобы ему трудно было быть довольным собой. Глубочайшая благодарность морали за то, что она сделала до сих пор, но теперь она только бремя, которое может сделаться роковым. Она сама, предписывая нам правдивость, принуждает нас к отрицанию морали... Насколько самоуничтожение морали может явиться результатом ее собственной силы. В нас, европейцах, течет кровь тех, кто положил жизнь за свою веру; мы относились к морали со страхом и серьезностью, и нет ничего, чем бы мы в известной степени ради нее не жертвовали. С другой стороны, наша духовная тонкость достигнута главным образом путем вивисекции совести. Мы еще не знаем того «куда», в сторону которого мы влечемся, после того как мы оторвались от нашей старой почвы. Но эта почва сама вскормила в нас ту силу, которая теперь гонит нас вдаль, на приключения, которая выталкивает нас в безбрежное, неизведанное, неоткрытое, и нам не остается никакого выбора... Сама наша сила не позволяет

нам больше оставаться на старой, прогнившей почве: мы отважно устремляемся вдаль, мы рискуем собой для этой цели: мир еще богат и неисследован, и даже гибель лучше, чем перспектива стать половинчатыми и ядовитыми. Сама наша сила вынуждает нас выйти в море, туда, где до сих пор заходили все солнца: мы знаем, что есть новый мир...»

(Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. СПб., 2014. С. 220–221).

Вопросы: Какую функцию в обществе выполняет мораль, по мнению Ф. Ницше? Как Вы считаете: должен ли человек подавлять какие-то стороны своей натуры, или же он может делать всё, что ему захочется? Что имеет в виду автор, заявляя, что теперь мораль «только бремя, которое может сделаться роковым»? Прав ли Ф. Ницше, утверждая, что сверхчеловек не связан никакими моральными нормами и что для него «добродетель есть великое недоразумение»? К каким последствиям приводят многочисленные нарушения морали в современном обществе? Надо ли человеку стремиться в новый, неизведанный мир?

100. «Что такое жизнь? Тут необходимо новое, более ясное определение понятия «жизнь». Моя формула этого понятия гласит: жизнь – это воля к власти».

(Там же. С. 123).

Вопросы: Можно ли согласиться с позицией Ф. Ницше, утверждающего, что все процессы, как физические, так и духовные, представляют собой различные модификации воли к власти, что воля к власти – единственный принцип всего совершающегося, всего многообразного в мире?

101. «Мы видим форму упадка, именно форму измельчания человека, как низведение его на степень посредственности и понижение его ценности, – на что мы должны возложить свои надежды? – На новых философов – выбора нет; на людей, обладающих достаточно сильным и самобытным умом, «свободным умом», для того, чтобы положить начало противоположной оценке вещей и переоценить, перевернуть «вечные ценности»; на предтечу новой эры, на людей будущего, закрепляющих в настоящем тот аркан, который влечет волю тысячелетий на новые пути... Для воспитания истинного философа ему необходимо пройти весь круг человеческих ценностей и разного рода чувств ценности, чтобы иметь возможность смотреть разными глазами и с различной совестью с высоты во всякую даль, из глубины во всякую высь, из угла во всякий простор. Но все это только предусловия его задачи; сама же задача требует кое-чего другого – она требует, чтобы он создавал ценности...

Подлинные же философы суть повелители и законодатели; они говорят: «Так должно быть!», они-то и определяют «куда?» и «зачем?» человека... Они простирают творческую руку в будущее, и все, что есть и было, становится для них при этом средством, орудием, молотом. Их «познавание» есть созидание, их созидание есть законодательство, их воля к истине есть воля к власти. – Есть ли нынче такие философы? Не должны ли быть такие философы?.. Мне все более и более кажется, что философ – необходимый человек завтрашнего и послезавтрашнего дня – во все времена находился и должен был находиться в разладе со своим «сегодня»; его врагом был всегда сегодняшний идеал... До сих пор философы находили свою задачу, свою суровую, непреднамеренную, неустрашимую задачу, а в конце концов и величие ее в том, чтобы быть злой совестью своего времени. Приставляя нож к груди современных им добродетелей, они выдавали то, что было их собственной тайной: желание узнать новое величие человека, новый, еще не изведанный путь к его возвеличению. Каждый раз они открывали, сколько лицемерия, лени, несдержанности и распушенности, сколько лжи скрывается под самым уважаемым типом современной нравственности, сколько добродетелей уже отжило свой век; каждый раз они говорили: «мы должны идти туда, где вы нынче меньше всего можете чувствовать себя дома». Принимая во внимание мир «современных идей», философ был бы вынужден отнести величие человека к его широте и разносторонности. Он определил бы ценность человека сообразно тому, как велико количество и разнообразие того, что он может нести и взять на себя, добродетельное, как далеко может простираться его ответственность. Современный вкус и добродетель ослабляют волю; ничто не является до такой степени сообразным времени, как слабость воли: стало быть, в идеале философа в состав понятия «величия» должна входить именно сила воли, суровость и способность к продолжительной решимости; на том основании, как обратное учение и идеал робкой, самоотверженной, кроткой, бескорыстной человечности подходили к противоположному по характеру веку... Напротив, нынче, когда в Европе одно лишь стадное животное достигает почета и раздает почести, когда «равенство прав» легко может обернуться равенством в бесправии, т. е. всеобщим враждебным отношением ко всему редкому, властному, привилегированному, к высшему человеку, к высшей душе, к высшей обязанности, к высшей ответственности, к творческому избытку мощи и властности, – нынче в состав понятия «величия» входят знатность, желание жить для себя, способность быть отличным от прочих, самостоятельность, необходимость жить на свой страх и риск; и философ выдаст кое-что из собственного идеала, если выставит правило: «самый великий тот, кто может быть самым одиноким, самым скрытным, самым непохожим на всех, – человек, стоящий по ту сторону добра и зла, господин своих добродетелей, обладатель огромного запаса воли; вот что должно называться величием; способность отличаться такой же разносторонностью, как и цельностью, такой же широтой, как и полнотой». Но спрошу еще раз: возможно ли нынче – величие?.. Многие поколения должны

предварительно работать для возникновения философа; каждая из его добродетелей должна приобретаться, культивироваться, переходить из рода в род и воплощаться в нем порознь, – и сюда относится не только смелое, легкое и плавное течение его мыслей, но прежде всего готовность к огромной ответственности, величие царственного взгляда, чувство своей оторванности от толпы, ее обязанностей и добродетелей, благосклонное охранение и защита того, чего не понимают и на что клеветают, – будь это Бог, будь это дьявол, – склонность и привычка к великой справедливости, искусство повелевания, широта воли, спокойное око, которое редко удивляется, редко устремляет свой взор к небу, редко любит... Большой частью сознательного мышления философа тайно руководят инстинкты, направляющие это мышление определенными путями... Мало-помалу для меня выяснилось, чем была до сих пор всякая великая философия: как раз самоисповедью ее творца, написанной им помимо воли и незаметно для самого себя; равным образом для меня выяснилось, что нравственные (или безнравственные) цели составляют в каждой философии подлинное жизненное зерно, из которого каждый раз вырастает целое растение... Нарождается новый род философов... Все философы до сих пор любили свои истины. Наверняка и они не будут догматиками. Их гордости и вкусу должно быть противно, чтобы их истина становилась вместе с тем истиной для каждого, что было до сих пор тайным желанием и задней мыслью всех догматических стремлений. «Мое суждение есть мое суждение: далеко не всякий имеет на него право», – скажет, может быть, такой философ будущего. Нужно отстать от дурного вкуса – желать единомыслия со многими. «Благо» не есть уже благо, если о нем толкует сосед! А как могло бы существовать еще и «общее благо»? Слова противоречат сами себе: что может быть общим, то всегда имеет мало ценности. В конце концов дело должно обстоять так, как оно обстоит и всегда обстояло: великие вещи остаются для великих людей, пропасти – для глубоких, нежности и дрожь ужаса – для чутких, а в общем все редкое – для редких».

(Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. // Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 335–338, 242–245, 255–256, 273–274, 322, 324–326).

Вопросы: Кто может воспрепятствовать «измельчанию человека», «понижению его ценности»? Кто должен стать творцом новых ценностей, необходимых для становления сверхчеловека? Чем должны обладать новые философы, чтобы перевернуть «вечные истины»? Что нужно сделать для воспитания нового философа, обладающего свободным умом, философа будущего? Как понимает волю к истине, характерную для философа, Ф. Ницше? Почему философ всегда должен находиться в разладе со своим «сегодня»? Прав ли Ф. Ницше, утверждая, что философ должен быть «злой совестью своего времени»? Что считает Ф. Ницше «собственной тайной» философа? Как понимает философ величие

человека в мире «современных идей»? Что должно входить в состав понятия «величие» человека, по мнению Ф. Ницше? Что входит «нынче в состав понятия «величие» человека» в Европе? Каков собственный идеал философа? Какую роль в деятельности философа играют инстинкты? Прав ли Ф. Ницше, принижая роль разума и считая, что разум искажает показания органов чувств («чувства же никогда не лгут»)? Прав ли Ф. Ницше, подчеркивая определяющую роль инстинкта, в котором выражен принцип воли к власти? Как Вы считаете: какие функции в процессе творческой деятельности выполняют сознательная и бессознательная сферы нашей психики? Какую роль играют нравственные или безнравственные цели в творческой деятельности философа? Согласны ли Вы с автором, утверждающим, что «нужно отстать от дурного вкуса – желать единомыслия со многими», что «великие вещи остаются для великих людей, пропасти – для глубоких, нежности и дрожь ужаса – для чутких, а в общем все редкое – для редких»? Представителем какого направления является Ф. Ницше: рационализма или иррационализма?

102. «О массовой, поверхностной морали. Насколько можно обойтись без морали. Обнаженный человек являет собой, как правило, зрелище жалкое и позорное – я имею в виду здесь нас, европейцев... Представим себе какое-нибудь веселое застолье, и вдруг по мановению палочки коварного волшебника все общество оказывается раздетым догола, – я думаю, тут бы улетучилось не только всякое веселье, но пропал бы всякий аппетит, – по-видимому, мы, европейцы, никак не можем обойтись без маскарада, именуемого одеждой... Не объясняется ли столь же весомыми причинами вся эта зачехленность «человека морального», закутанного в моральные формулы и правила приличия, и вся благопристойность наших поступков, умело прикрывающаяся понятиями «долг», «добродетель», «чувство общности», «порядочность», «самоотверженность»? Я вовсе не хочу этим сказать, что мы имеем дело здесь с замаскированной человеческой злобой и что за этой маской скрывается какой-нибудь дикий зверь; совсем наоборот, я думаю, что мы скорее ручные звери, являющие собой постыдное зрелище и изо всех сил старающиеся прикрыть свой позор моралью, – мне думается, что в «душе человека» европейского никак не может накопиться достаточно скверны, чтобы ее можно было гордо «выставить напоказ». Европейец прикрывается моралью, потому что он стал больным, бессильным, увечным зверем, ему есть резон быть «ручным», ибо он являет собой нечто уродливое, недоделанное, немоющее, неуклюжее. Свирепость хищника не нуждается в моральных одеяниях, они нужны лишь стадному животному, чтобы скрыть свою невыразимую посредственность, свой страх и свою скуку от самого себя. Европейец рядится в мораль – признаем это честно! – как во что-то более благородное, значительное, важное – «божественное»».

(Ницше Ф. Веселая наука / пер. с нем. СПб., 2012. С. 279–280).

Вопросы: Почему, по мнению Ф. Ницше, «европеец прикрывается моралью»? Кому нужны «моральные одеяния»? Нуждается ли, по его мнению, сверхчеловек в каких-либо моральных нормах? Прав ли Ф. Ницше? Как обстоит дело с моралью в современной Европе?

Диалектико-материалистическая философия

Карл Маркс (1818–1883) – немецкий философ, общественный деятель, основоположник марксизма.

Фридрих Энгельс (1820–1895) – немецкий философ, социолог, один из основателей марксизма, соратник К. Маркса.

103. «...Общественный характер присущ всему движению; как само общество производит человека как человека, так и он производит общество... общество есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы... Особенно следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни».

(Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г./ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956. С. 589–591).

Вопросы: Как, по мнению К. Маркса, взаимодействуют общество и человек? Как общество влияет на природу человека? Почему индивид есть «общественное существо»? Как Вы понимаете слова К. Маркса: «Всякое проявление жизни индивида является проявлением и утверждением общественной жизни»?

104. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос, в практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос... Общественная жизнь является по существу практической. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики... Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди – это продукт иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает,

что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитать. Оно неизбежно поэтому приводит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна). Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика... Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, в своей действительности она есть совокупность общественных отношений. Фейербах, не занимаясь критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным: 1) абстрагироваться от хода истории... и предположить абстрактного – изолированного – человеческого индивида; 2) поэтому у него человеческая сущность может быть понята только как «род», как внутренняя, немая общность, связующая множество индивидов только природными узами... Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

(Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. С. 1–4).

Вопросы: «Обладает ли человеческое мышление предметной истинностью»? Как можно проверить истинность наших знаний? Почему наша «жизнь является по существу практической»? В чем К. Маркс видит недостаток материалистического учения? Какой смысл вкладывает К. Маркс в определение сущности человека как совокупности общественных отношений? Признает ли Л. Фейербах зависимость человека от системы общественных отношений? Человек, с точки зрения Л. Фейербаха, социальное или биологическое существо? В чем ошибочность его позиции? Какой характер, по мнению К. Маркса, должна носить философия?

105. «Это государство, это общество порождает религию, превратное мировоззрение, ибо сами они – превратный мир. Религия есть общая теория этого мира... его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания... Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья».

(Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. С. 414–415).

Вопросы: Согласны ли Вы с определением религии, которое дает К. Маркс? Как Вы считаете: определение религии, представленное

К. Марксом, носит только негативный характер? Какие функции выполняет религия? Что она дает человеку?

106. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлениях человека, т. е. идеально».

(Маркс К. Капитал. Т. 1. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 189).

Вопросы: Что же отличает человека от животного? Какую роль в творческом процессе играет сознание и подсознание человека? Как Вы думаете: может ли человек в своем сознании точно представить результат труда, воплощающего его идею?

107. «Сознание... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока существуют люди... Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое... действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми».

(Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. С. 29).

Вопросы: Как Вы понимаете выражение: «Сознание есть общественный продукт»? Обладают ли сознанием животные? В связи с какой человеческой потребностью возникает язык? Обладают ли своим языком представители животного мира? Сознание – идеально или материально? Какая связь существует между сознанием и языком? Язык человека – идеален или материален?

108. «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой стороны – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности... Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это – выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства... Внутри

этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это – его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно, но с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами...»

(Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. С. 42, 46).

Вопросы: Что такое история, по мнению авторов? На что опирается в своей деятельности каждое поколение? Какие противоречивые функции выполняет каждое новое поколение? Какую роль играет деятельность людей и условия их жизни в историческом процессе? Как, по мнению авторов, господствующие мысли определяют господствующие материальные отношения или господствующие материальные отношения выражаются в виде господствующих мыслей? Какая точка зрения здесь проявляется: материалистическая или идеалистическая? Правы ли авторы? Чем занимаются идеологи и «активные члены» господствующего класса?

109. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода».

(Там же. С. 75).

Вопросы: Согласны ли Вы с этим высказыванием? Какой смысл, как Вы думаете, вкладывают авторы в выражение – «всестороннее развитие личности»? Актуальна ли мысль авторов о всестороннем развитии личности для нашего общества? Что значит, по Вашему мнению, быть свободным? Почему только в коллективе возможна личная свобода?

110. «Свобода определялась до сих пор философами двояким образом. С одной стороны, она определялась как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид: так она определялась всеми материалистами. С другой стороны, она рассматривалась как самоопределение, как избавление от действительного мира, как – мнимая только – свобода духа: так она определялась всеми идеалистами, особенно немецкими».

(Там же. С. 292).

Вопросы: Как понимают свободу материалисты и как идеалисты? Возможно ли существование духовной свободы? Можно ли назвать человека свободным, если он не понимает и внутренне не принимает

требуемых от него действий, хотя и успешно их осуществляет? Является ли сильная воля преступника показателем его свободы или же несвободы?

111. «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими... Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, а о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества».

(Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство // Сочинения. Т. 2. С. 145–146).

Вопросы: Зависит ли формирование человека от конкретных социальных условий? Как неблагоприятные социальные условия влияют на развитие человека? Согласны ли Вы с мнением авторов, что если человек в условиях неблагоприятных обстоятельств не может в полной мере развить свои способности, то надо сделать эти обстоятельства благоприятными, т. е. человеческими? Может ли конкретный человек в неблагоприятных условиях тем не менее развить свои способности и достичь своей цели? Как Вы понимаете мысль авторов: «только в обществе человек может развить свою истинную природу»? Как Вы представляете соотношение человека и общества?

112. «Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка... Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу».

(Там же. С. 132).

Вопросы: Следует ли данное высказывание понимать так, что идеи вообще бессильны? Кто может вывести общество «за пределы старого мирового порядка»? Отрицают ли авторы при этом роль личности?

113. «Труд – источник всякого богатства. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто большее, чем это. Он – первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал человека... Много сотен тысячелетий тому назад... жила где-то в жарком поясе необычайно высокоразвитая порода человекообразных обезьян... Под влиянием своего образа жизни эти обезьяны начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать все более и более прямую походку. Этим был сделан решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку... Постепенно рука стала свободной и могла усваивать

все новые и новые сноровки, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению. Рука, таким образом, является не только органом труда, она также и продукт его. Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым, все более сложным операциям, – человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини... Усовершенствование человеческой руки и идущее рядом с этим развитие и приспособление ноги к прямой походке оказало обратное влияние на остальной организм... Развитие труда способствовало более тесному сплочению членов общества... В итоге люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая гортань обезьяны... постепенно научилась произносить членораздельные звуки... Сначала труд, а потом и членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству... С развитием мозга шло развитие его ближайших орудий – органов чувств... Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык... С появлением готового человека возник еще и новый элемент – общество... Труд начинается с изготовления орудий... Эти орудия представляют собой орудия охоты и рыболовство, которые предполагают переход от употребления растительной пищи к употреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый, важный шаг на пути к превращению в человека... Привычка к мясной пище наряду с растительной способствовала увеличению физической силы и самостоятельности формировавшегося человека... Благодаря совместной деятельности руки, органов речи и мозга не только у каждого человека в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их. Труд от поколения к поколению становится все более разнообразным, более многосторонним... Чем более люди отдаляются от животных, тем более их воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение заранее известных целей... Животное только пользуется внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, господствует над ней. И это является последним существенным отличием человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду. Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой, за каждую такую победу она нам мстит... Мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, – что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше

господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять. И мы с каждым днем научаемся все более правильно понимать ее законы и познавать как более близкие, так и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход... Путем анализа исторического материала мы постепенно научаемся уяснять себе косвенные, более отдаленные общественные последствия нашей производственной деятельности, а тем самым мы получаем возможность подчинять нашему господству и регулированию и эти последствия...» (Статья «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»).

(Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1964. С. 144–155).

Вопросы: Какое определение труда дает Ф. Энгельс? Какую роль сыграл труд в истории человечества? Какие факторы, по мнению Ф. Энгельса, играли решающую роль в процессе превращения обезьяны в человека? Как животное и человек относятся к природе? В чем состоит наше господство над природой? Как Вы считаете: в современную эпоху человечество задумывается над последствиями своих действий?

114. «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому. – Но, возразит кто-нибудь, добро все-таки не зло и зло не добро; если добро и зло валить в одну кучу, то исчезает всякая нравственность, и каждый может делать и поступать так, как ему угодно... Но так просто вопрос все-таки не решается. Какая мораль проповедуется в настоящее время? Прежде всего: христианско-феодалская, современно-буржуазная и пролетарская мораль будущего... Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной окончательности; но, конечно, наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, обладает та мораль, которая в настоящее время выступает за ниспровержение старого, которая в настоящем представляет интересы будущего, следовательно – мораль пролетарская. Но если, как мы видим, каждый из трех классов современного общества, феодалская аристократия, буржуазия и пролетариат, имеет свою особую мораль, то мы можем сделать лишь тот вывод, что люди сознательно и бессознательно черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершается производство и обмен. Но ведь в трех вышеуказанных теориях морали есть нечто общее им всем; быть может, оно-то и представляет, по крайней мере, частицу раз навсегда установленной морали? – Указанные теории морали выражают собой три различные ступени одного и того же исторического развития, значит, имеют общую историческую основу, и уже потому в них не может не быть много общего. Более того, для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней

экономического развития теории морали должны непременно более или менее совпадать. С того момента, как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральной заповедь: Не кради. Становится ли от этого приведенная заповедь вечной моральной заповедью? Отнюдь нет. В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные, – какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: Не кради! Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных. Не подлежит сомнению, что при этом в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс. Но из рамок классовой морали мы еще не вышли. Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой степени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике».

(Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1969. С. 90–92).

Вопросы: Менялись ли представления о добре и зле в ходе истории? Может ли исчезнуть всякая нравственность? Какие три вида морали существовали в XIX веке? Какая из них ближе к истине и почему? Чем же определяется мораль разных классов? Есть ли в морали разных классов, несмотря на различие, нечто общее? Является ли вечной моральной заповедь «Не укради!»? Прав ли Ф. Энгельс, утверждая, что в классовом обществе мораль носит классовый характер? Если ли различия в нормах морали у разных слоев современного общества? От чего это зависит? Прав ли Ф. Энгельс, подчеркивая, что «всякая теория морали являлась до сих пор, в конечном счете, продуктом данного экономического положения общества»? Существует ли прогресс в сфере морали? Что является его критериями? Когда, по мнению Ф. Энгельса, возможно появление «действительно человеческой морали»?

115. «Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости. «Слепа необходимость, лишь поскольку она не понята». Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, – два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем свободнее суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимости природы господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития. Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе... Законы собственных общественных действий людей, противостоящие им до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы. Совершить этот освобождающий мир подвиг – таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самоё природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела – такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения».

(Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1969. С. 112, 288).

Вопросы: Как представлял Г. Гегель соотношение свободы и необходимости? Как определяет свободу воли Ф. Энгельс? Какие два вида законов выделяет Ф. Энгельс? Что человек должен делать, чтобы быть свободным? Свободен ли человек, который делает то, что хочет? Какие последствия могут возникнуть при таком «свободном» поведении? Как проявляется несвобода человека? Чем отличается свобода от произвола? Какую роль играет культура в движении человека к все большей свободе? Меняется ли представление о свободе человека в ходе истории? Должны ли мы считаться с природными и общественными законами? Какие проблемы возникают при игнорировании природных и общественных законов? Когда люди начинают «творить свою историю»? Какой класс – прогрессивный или реакционный – вносит свой вклад в процесс перехода «из царства необходимости в царство свободы»? Почему Ф. Энгельс говорит о том, что «освобождающий мир подвиг» должен совершить именно пролетариат? Существует ли определенная общность между идеологией марксизма и идеологией современного демократического социализма? Какие идеи Ф. Энгельса актуальны и сейчас?

Западноевропейская философия второй половины XIX - XX вв.

Неокантианство

Марбургская школа

Эрнст Кассирер (1874–1945) – немецкий философ, педагог и писатель, ученик Г. Когена, представитель марбургской школы неокантианства.

116. «Человек сумел открыть новый способ приспособления к окружению. У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом измерении реальности. Существует несомненное различие между органическими реакциями человека и человеческими ответами. В первом случае на внешний стимул дается прямой и непосредственный ответ; во втором ответ задерживается. Он прерывается и запаздывает из-за медленного и сложного процесса мышления... Человек живет отныне не только в физическом, но и символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно... Физическая

реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека. Вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифологические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет скорее среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез... В связи с этим вопреки всем усилиям современного иррационализма определение человека как рационального животного ничуть не утратило своей силы. Рациональность – черта, действительно внутренне присущая всем видам человеческой деятельности... Часто язык отождествляют с разумом или с подлинным источником разума. Такое определение... предлагает нам часть вместо целого. Ведь наряду с концептуальным языком существует эмоциональный язык, наряду с логическим или научным языком существует язык поэтического воображения. Первоначально язык выражал не мысли и идеи, а чувства и аффекты... Разум – очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Но все эти формы суть символические формы. Вместо того, чтобы определить человека как животное рациональное, мы должны определить его как животное, творящее символы. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие, а тем самым понять новый путь, открытый человеку, – путь цивилизации».

(Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 28–30).

Вопросы: В чем специфическое отличие человека от животных? Связь человека с реальностью носит непосредственный или опосредованный характер? Правильно ли то, что «физическая реальность отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека»? Можно ли рассматривать человека как «животное рациональное»? Можно ли определять человека как «животное, творящее символы»? Разнообразные сферы культуры, обозначаемые как «символические формы» (язык, миф, религия, искусство, наука, история), рассматриваются Э. Кассирером как самостоятельные, несводимые друг к другу образования. Так ли это?

Психоанализ

Зигмунд Фрейд (1856–1939) – австрийский врач-невропатолог, психиатр, психолог, создатель теории психоанализа.

117. «...Чего люди требуют от жизни и чего стремятся в ней достичь?.. Люди стремятся к счастью, они хотят стать и пребывать счастливыми. Это стремление имеет две стороны, положительную и отрицательную: отсутствие боли и неудовольствия, с одной стороны, переживание сильных чувств наслаждения – с другой. В узком смысле слова под «счастьем» подразумевается только последнее. Сообразно этой двойственной цели человеческая деятельность протекает в двух направлениях, в зависимости от того, какую из целей – преимущественно или даже исключительно – она стремится осуществить. Таким образом, жизненная цель просто определяется программой принципа наслаждения. Этот принцип главенствует в деятельности душевного аппарата с самого начала... В то же время эта программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром. Такая программа неосуществима... В плане «творения» отсутствует намерение сделать человека «счастливым»... Значительно менее трудно испытать несчастье. Страдания угрожают нам с трех сторон: со стороны нашего собственного тела, судьба которого – упадок и разложение; со стороны внешнего мира, который может обрушиться на нас могущественные и неумолимые силы разрушения, и, наконец, со стороны наших взаимоотношений с другими людьми. Страдания, проистекающие из этого последнего источника, мы, может быть, воспринимаем более болезненно, чем другие... Под давлением угрожающих людям страданий, их требования счастья становятся более умеренными, и сам принцип наслаждения трансформируется под влиянием внешнего мира в более скромный принцип реальности, так и человек считает себя уже счастливым, когда ему удастся избежать несчастья, превозмочь страдания, когда вообще задача уклонения от страданий оттесняет на второй план задачу получения наслаждения... Неограниченное удовлетворение всех потребностей рисуется нам как самый заманчивый образ жизни, но это значит пренебречь осторожностью ради наслаждения, что уже быстро влечет за собой соответствующую кару... Сознательный уход от людей, одиночество – самый обычный способ защиты от страданий, возникающих от общения с людьми. Разумеется, счастье, обретаемое таким путем, это счастье покоя. Если задача ставится в индивидуальном плане, от опасностей внешнего мира можно защищаться, лишь тем или иным способом уходя из него. Конечно, имеется иной и лучший путь – в качестве члена человеческого общества перейти в наступление на природу и подчинить ее человеческой воле при помощи науки и создаваемой ею техники... Существуют еще и методы освобождения от страданий, которыми человек пытается воздействовать на собственный организм. Ведь в конечном счете всякое страдание есть лишь ощущение и существует постольку, поскольку мы его испытываем, а мы его испытываем только в силу

определенного устройства нашего организма. Самым грубым, но и самым эффективным способом является химическое воздействие, т. е. интоксикация. Чуждые организму вещества приносят нам чувство облегчения (лекарства), наслаждения (наркотики), меняют условия нашей эмоциональной жизни... Наркотики ценятся некоторыми людьми не только за то, что они увеличивают непосредственное наслаждение, но и за то, что они позволяют достичь столь вожделенной степени независимости от внешнего мира... Но именно это свойство наркотиков обуславливает их вред и опасность. На них лежит вина за то, что большие запасы энергии, которые могли бы быть использованы для улучшения человеческой участи, растрачиваются зря... Другая методика защиты против страданий пользуется доступными нашему душевному аппарату смещениями либидо... изменением направленности наших первичных позывов, чтобы они не пострадали от лишений, встречаемых во внешнем мире. Этому способствует сублимация первичных позывов... Удовлетворения такого рода, как радость художника от процесса творчества при воплощении образов его фантазии, как радость исследователя при решении проблем и познания истины, имеют особое качество... Эти удовлетворения кажутся нам более «тонкими и возвышенными»... Слабая сторона этого способа заключается в том, что он непригоден для универсального использования, а доступен лишь немногим людям. Он предполагает наличие особенных, не так уж часто встречающихся способностей и дарований должного уровня. Но и этот способ для немногих не дает им брони, непроницаемой для стрел судьбы... Существует и методика житейского искусства... Она направлена на обретение независимости от судьбы; с этой целью она переносит удовлетворение на внутренние душевные процессы, используя при этом свойство перемещаемости либидо не в сторону от мира, а, наоборот, крепко цепляется за объекты этого мира и обретает счастье путем установления эмоционального взаимоотношения с ним. Но очевидна и слабая сторона этой житейской методики... Мы никогда не бываем более беззащитными по отношению к страданиям, чем когда любим, и никогда не бываем более безнадежно несчастными, чем когда мы потеряли любимое существо или его любовь... Нужно упомянуть и о том, что жизненное счастье имеется преимущественно в наслаждении прекрасным, где бы оно ни предстало перед нашим чувственным или рассудочным взором – в области ли человеческих форм и жестов, в области ли творений природы, в области ли художественного или даже научного творчества. Такое эстетическое отношение к жизненной цели не дает достаточной защиты от грозящих нам страданий, но может нас во многом компенсировать. Наслаждение прекрасным носит особый, слегка дурманный эмоциональный характер... Программа того, как сделаться счастливым, к осуществлению которой нас принуждает принцип наслаждения, не может быть реализована, и тем не менее мы не должны – нет, вернее, мы не можем – прекратить усилия для того, чтобы каким-то образом приблизиться к ее реализации. При этом можно выбирать самые различные пути, отдавая предпочтение либо стремлению к положительной цели – к наслаждению, либо стремлению к ее негативному содержанию – к предотвращению

неудовольствия. Ни на одном из этих путей мы не можем достичь того, чего желаем... Нельзя дать пригодного для всех совета – каждый сам должен пытаться стать счастливым на свой собственный лад... Дело зависит от того, насколько велико реальное удовлетворение, которого ждет человек от внешнего мира, и в какой мере он хочет стать от него зависимым; наконец, на какие собственные силы он рассчитывает, чтобы изменить этот мир согласно своим желаниям. И уже поэтому, помимо внешних обстоятельств, решающую роль будет играть психическая структура личности. Человек преимущественно эротический поставит на первое место эмоциональные отношения с другими людьми. Человек скорее самоудовлетворенного, нарцисстического характера будет искать удовлетворение в основном в своих внутренних душевных процессах; человек действия не оставит внешний мир, на арене которого он может испытывать свои силы и т. д. Успех зависит от сочетания многих факторов и, вероятно, ни от одного из них не зависит в той мере, как от способности психической структуры приспосабливаться к окружающему миру и извлекать из него наслаждения... Религия затрудняет эту проблему выбора и приспособления тем, что она всем одинаково навязывает свой путь... Она не может выполнить свои обещания... Опыт показывает, что мы можем, если не все, то хотя бы некоторые страдания устранить, а другие смягчить. Иначе мы относимся к третьему, социальному источнику наших страданий... И тут мы наталкиваемся на одно утверждение, которое гласит, что большую долю вины за наши несчастья несет так называемая культура: мы были бы гораздо счастливее, если бы от нее отказались и восстановили первобытные условия... Я нахожу это утверждение поразительным, так как, что бы мы ни подразумевали под понятием культуры, несомненно одно: все то, чем мы пытаемся защищаться от грозящих нам источников страдания, принадлежит именно культуре. Какими путями многие люди пришли к этой точке зрения, к этой странной враждебности по отношению к культуре? Я полагаю, что давно существующее глубокое недовольство соответствующим состоянием культуры создало почву, на которой затем, в определенных исторических условиях, возникли поводы для ее осуждения... Дальнейший опыт внес поправки в некоторые суждения подобного рода. Во многих случаях известная доля жизненного облегчения была ошибочно приписана отсутствию запутанных требований культуры... Было обнаружено, что человек становится невротиком, потому что он не может вынести суммы ограничений, налагаемых на него обществом, преследующим свои культурные идеалы; из этого было сделано заключение, что можно было бы вернуть потерянные возможности счастья, если бы эти ограничения были сняты или значительно понижены... Можно, пожалуй, утверждать, что в нашей современной культуре мы чувствуем себя плохо, хотя очень трудно вынести суждение по поводу того, чувствовали ли себя счастливее, и насколько, люди прежних времен и какую роль при этом играли условия их культуры...» (Трактат «Неудовлетворенность культурой»).

(Цит. по: Мир философии. М., 1991. Т. 2. С. 267–279).

Вопросы: В чем смысл и цели жизни? Какие две стороны, по мнению автора, имеет стремление к счастью? Каким принципом определяется жизненная цель человека, с точки зрения З. Фрейда? Какие виды страданий угрожают человеку? В какой принцип трансформируется принцип наслаждения? Какие последствия ждут человека, стремящегося к постоянному получению наслаждений? Какие существуют пути избегания страданий? Считаете ли Вы одиночество «обычным способом защиты от страданий, возникающих от общения с людьми»? Какие существуют способы обретения независимости от внешнего мира? Могут ли химические вещества, наркотики избавить человека от страданий, и не порождают ли они в некоторых случаях еще большие страдания? В чем проявляется негативное воздействие наркотиков на человека? Можно ли полностью избавиться себя от любых страданий? Что такое сублимация? Можно ли получать удовольствие от творческой деятельности? Прав ли З. Фрейд, утверждая, что дарования и таланты свойственны только избранным? В чем смысл «житейской методики» достижения счастья? В чем слабая сторона этой «житейской методики»? Можете ли Вы наслаждаться прекрасным? Согласны ли Вы с мнением, что нет единого пути достижения счастья? Влияние каких факторов должен учитывать человек, выбирающий свой путь к счастью? Может ли религия в этом отношении помочь человеку, по мнению автора? Как З. Фрейд относится к культуре? Не мешает ли культура наслаждаться жизнью? Согласны ли Вы с позицией З. Фрейда?

Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог и психиатр, основатель аналитической психологии. Развил собственное представление о бессознательном, не совпадающее с идеями З. Фрейда.

118. «Человек сегодняшнего дня представляет собой совершенно новый феномен... Скорее он представляет собой человека, стоящего на вершине или на самом краю мира, – с пропастью будущего перед ним, одними небесами над ним и всем человечеством, с исчезающей в первобытном тумане историей – под ним. Ведь существовать целиком в настоящем означает полностью осознавать свое существование, что требует максимальной интенсивности и экстенсивности сознания, минимума бессознательного... Простой факт жизни в настоящем не делает человека современным, ибо тогда любого ныне живущего можно было бы считать таковым. Современен лишь тот, кто полностью осознает настоящее. Достигший сознания настоящего человек одинок, ибо каждый шаг к более полной сознательности удалял его от изначального, чисто животного мистического отождествления со стадом, от погруженности во всеобщую бессознательность. Каждый шаг вперед означал освободительный прорыв от материнского лона бессознательного, в котором пребывает людская масса. Даже в цивилизованном обществе люди, образующие, с точки зрения психологии, низший слой, живут в состоянии

бессознательного, мало отличающемся от первобытного состояния... Только человек современный в этом смысле слова действительно живет настоящим: только он обладает сегодняшним сознанием, он один обнаружил, что пресытился жизнью на более ранних уровнях. Ценности и устремления этих миров прошлого если и интересуют его, то лишь с исторической точки зрения. Тем самым современный человек «неисторичен» в глубочайшем смысле слова и отчуждается от массы людей, живущих традицией. Конечно, современным во всей полноте он становится только, оставляя позади все ненужное, все, что перерос, признавая, что он стоит перед ничто, из которого может вырасти все. Честное исповедание современности означает добровольное признание самого себя банкротом, принятие обетов бедности и целомудрия в новом смысле и – что еще болезненнее – отказ от нимба святости, даруемого историей... Современный человек представляет собой продукт многовекового развития, но является и самым тяжким крушением надежд человечества. Современный человек осознает это... Он обязан быть в высшей степени умелым, ибо до тех пор, пока он не искупил разрыв с традицией своими творческими способностями, он просто не верен прошлому. Было бы пустейшим делом отрицать прошлое лишь для того, чтобы осознать настоящее. «Сегодня» стоит между «вчера» и «завтра», оно связует прошлое и будущее – лишь в этом его значение. Настоящее представляет собой процесс перехода; только человек, осознающий подобным образом настоящее, может называться современным...»

(Юнг К.-Г. Архетип и символ // Проблема души современного человека. М., 1991. С. 205–209).

Вопросы: Какой человек, по мнению К. Юнга, является современным? Почему человек, достигший осознания настоящего, одинок? В каком смысле современный человек «неисторичен»? Как надо относиться к прошлому? Что значит «полностью осознать настоящее»? Можно ли «отрицать прошлое лишь для того, чтобы осознать настоящее»? Какую функцию выполняет настоящее? Согласны ли Вы с позицией автора?

119. «Люди, пренебрегающие своим внутренним миром, исключают из жизни духовную мысль и заполняют свой ум мирскими делами и удовольствиями и мечтают гораздо реже, чем люди, уделяющие меньше внимания объективным предметам. Они ищут денег, общества или других внешних источников счастья и часто терпят разочарования, в то время как последние, беспристрастно оценивая преходящие желания, зависят только от внутреннего осознания того мира, который стоит за гранью всякого чувственного понимания. У человека есть физическое, или видимое, тело – атом физического, или видимого, мира. У него есть душа – невидимая и субъективная. Душа – это и есть сущность человека, это и есть истинный человек. Она есть внутренний неумирающий двойник, или отпечаток того, что проступило наружу. Все мысли, желания и поступки проникают через душу в объективное сознание. Душа человека – это

малый атом, родственный по сути духовному (астральному), или бесконечному сознанию Вселенной. Так же, как физическое солнце... старается направить свои светлые послания любви в темные расщелины земли, так и Великое Духовное (Астральное) Солнце, прототипом которого является первое, старается пролить свет Божественной Мудрости в каждую душу и разум человека, помогая ему осознать в себе присутствие духовного начала. Объективное сознание наиболее активно, когда тело бодрствует. Субъективные факторы наиболее активны, а часто и наполняют ум впечатлениями, когда физическое тело спит. Духовный интеллект может проявить себя, только когда воля человека ослаблена или пассивна к внешним воздействиям. Человек, живущий только в чувственном мире, будет черпать знания с помощью чувств, и не будет в этом состоянии воспринимать духовные впечатления или предостерегающие сны. Женщины видят сны чаще и более живо, чем мужчины, в силу особенностей их физической и психической организации. Во всех снах присутствует элемент предвидения, в одних больше, в других меньше... Существует три вида сновидений: субъективный, физический и духовный. Последний вид снов имеет пророческий характер, особенно когда оставляет яркое впечатление в сознании. Первый вид – также содержит элемент предостережения, однако его истинное значение скрыто в форме символов или аллегорий. Физические сны не заслуживают внимания, они порождаются бодрствующим сознанием и не имеют пророческого значения. Сны, вызываемые наркотиками, нездоровьем, попадают в этот класс... Духовные сны порождаются высшим «Я», проникающим в область души и отражающим приближающиеся события в бодрствующем сознании. Когда мы приводим наше животное сознание и душу к согласию с нашим высшим «Я», мы сливаемся в единое целое с ним, а тем самым и со всеобщим сознанием или волей, становясь частью его. Именно через высшее «Я» мы достигаем бесконечности, а через низшее «Я» низвергаемся в водоворот материального... Согласно тому же закону, по которому мысленные впечатления телеграфируются от одного ограниченного сознания к другому, человек может привести себя в состояние гармонии с бесконечным сознанием и таким путем воспринять истинные и полезные предупреждения о грядущих дурных или добрых событиях. Гомер, Аристотель не считали это невероятным. Должны ли мы отказываться от веры в бесконечное сознание потому, что не можем постигнуть его, и поэтому утверждать, что мы не являемся его частицей, ибо Бесконечности не существует?... Именно из бесконечности разума и исходят духовные сны. Они являются отражением истины в основном сознании и возникают реже, чем сны других видов... У спящего сознание не только сверхчувствительно по отношению к реальным внешним звукам и свету, но и часто предвидит на многие часы и дни дальше, чем бодрствующее сознание. Это вовсе не противоречит законам природы... Так, во сне человек видит будущее, интуитивно воспринимая его знаки. Тогда как, бодрствуя, он делает выводы о нем из причин и следствий. Первое, по-видимому, является законом духовного мира, второе же, вероятно, представляет собой закон материального

мира. Вкупе же они провозглашают мужской и женский принцип бытия, ведущий человека к гармоническому совершенству. На спящее сознание часто воздействует сознание бодрствующее. Когда бодрствующее сознание задерживается на каком-либо предмете, это воздействует на спящее сознание, и последнее часто помогает бодрствующему в решении трудных проблем. Личное будущее, воплощенное в активных состояниях универсального сознания, может воздействовать на спящее сознание, вызывая предчувствие каких-то событий. Но преходящие события нашей жизни могут способствовать нашему духовному развитию, а наше духовное знание может, в свою очередь, способствовать нашему преходящему благосостоянию. Без этого гармоничного взаимодействия двух великих сил в человеке не может быть подлинного воплощения судьбы человека. Для этого дом человека должен быть свободен от эгоистических страстей мира, он должен наполниться духовной любовью, мудростью, необходимыми для общего благоденствия и развития тела и души... Мысли исходят из видимого сознания, а сновидения – из невидимого сознания... «Все сущее на земле имеет своего двойника в эфире». Христос сказал: «Человек таков, как он мыслит». Индийская поговорка гласит: «Человек есть размышления; он становится тем, о чем размышляет». Метафизик говорит: «Наши мысли – реальная субстанция, и они наделяют нашу ауру красотой и уродством, в зависимости от наших намерений и целей в жизни». У каждой злой мысли есть свой преследующий фантом (признак), у каждой улыбки или доброго дела – свой путеводный ангел. Если мы учтем это, мы будем всегда настраивать себя только на хорошие мысли. Мысли – это субъективные творческие силы, созидающие действие. Действие – это объективный результат мысли; следовательно, характер наших сегодняшних мыслей определяет завтрашнюю неудачу или успех... Жизнь сна более наполнена значением и учением внутренней, или Божественной, жизни, чем внешняя жизнь человека. Сознание воспитывается, общаясь со сновидениями в большой сфере. Советуйтесь со всем вашим естеством, или сферой, прежде чем приступить к серьезному труду. Человек должен жить в своей субъективной сфере и больше изучать свои отношения с другими образованиями или сферами, оплодотворяя или украшая тем самым свой собственный мир путем общения... Сновидения – это явления, происходящие в мире подсознания, когда объективные ощущения отключены. В это время духовный человек живет в будущем или, опережая объективную жизнь, первым переживает будущее... Духовное тело всегда первым приходит в соприкосновение с приближающимся будущим; оно существует одновременно с ним, находясь в будущем по отношению к физическому телу. Но человек не развивает свое внутреннее зрение так, как свои внешние чувства. К сожалению, человек больше склонен к удовольствиям и скорбям материального мира, чуждаясь духовного начала».

(Юнг К.-Г. Некоторые мысли и высказывания о природе и значении сновидений // Миллер Г.Х. Толкование десяти тысяч слов, или Что происходит во сне. Ижевск, 1992. С. 8–27).

Вопросы: Какие люди «заполняют свой ум мирскими делами»? Что такое человеческая душа? Как, по мнению К. Юнга, связаны физическое тело человека и физический мир, душа человека и бесконечное сознание Вселенной? Какую роль в развитии человека играет бесконечное сознание Вселенной? Каким образом, по мнению автора, получает знания человек, живущий только чувственным миром, и человек, живущий в духовном мире? Когда проявляет активность объективное и субъективное сознание? Что такое сновидения? Какие три вида сновидений выделяет К. Юнг? Что такое духовные сны? Откуда они исходят и какую роль играют в жизни человека? Как взаимодействуют спящее и бодрствующее сознание? Почему необходимо настраивать себя на хорошие мысли? Согласны ли Вы с автором? Каким образом, с точки зрения К. Юнга, можно расширить свою собственную сферу, свой субъективный мир? Актуально ли это для Вас?

Эрих Фромм (1900–1980) – немецкий, американский философ и психолог, один из основателей и главный представитель неопрейдизма.

120. «Многие полагают, что люди – это овцы, другие считают их хищными волками. Каждая из сторон может аргументировать свою точку зрения... Кажется, что большинство людей, как дремлющие дети, легко поддаются влиянию и что они готовы безвольно следовать за любым, кто, угрожая или заискивая, достаточно упорно их уговаривает. Человек с сильными убеждениями, пренебрегающий противодействием толпы, является скорее исключением, чем правилом... Великие инквизиторы и диктаторы основывали свои системы как раз на посылке, что люди являются овцами. Именно мнение, согласно которому люди – овцы и потому нуждаются в вождях, принимающих за них решения, нередко придавало самим вождям твердую убежденность, что они выполняли вполне моральную, хотя и подчас трагическую обязанность: принимая на себя руководство и снимая с других груз ответственности и свободы, они давали людям то, что те хотели. Однако, если большинство людей – овцы, почему они ведут жизнь, которая этому полностью противоречит? История человечества написана кровью. Эта история никогда не прекращающегося насилия, поскольку люди почти всегда подчиняли себе подобных с помощью силы... Талаат-паша, Гитлер, Сталин... Эти люди были не одиноки, они располагали тысячами, которые умерщвляли и пытали для них и которые делали это не просто с желанием, но даже с удовольствием... Гоббс сделал вывод: человек человеку волк. И сегодня многие из нас приходят к заключению, что человек от природы является существом злым и деструктивным, что он напоминает убийцу, которого от любимого занятия может удержать только страх перед более сильным убийцей... В повседневной жизни часто есть возможность для жестокости и садизма, причем нередко их можно проявить, не опасаясь возмездия. Тем не менее многие на это не идут и,

напротив, реагируют с отвращением, когда сталкиваются с жестокостью и садизмом... Может быть, ответ прост и заключается в том, что меньшинство волков живет бок о бок с большинством овец? Волки хотят убивать, овцы хотят делать то, что им приказывают... Чтобы побудить большинство овец действовать как волки, убийцы должны придумать истории о правоте своего дела, о защите свободы, которая находится в опасности, о мести за детей, заколотых штыками, об изнасилованных женщинах и поруганной чести... Может быть, все же правда, что важным свойством человека является нечто волчье и что большинство просто не проявляет этого открыто? А может, речь вообще не должна идти об альтернативе? Может быть, человек – это одновременно и волк, и овца, или он – ни волк, ни овца? Вопрос о том, является ли человек волком или овцой, – это лишь заостренная формулировка вопроса, который в самом широком и общем смысле принадлежит к основополагающим проблемам теологического и философского мышления западного мира: является ли человек по существу злым и порочным, или он добр по своей сути и способен к самосовершенствованию?»

(Фромм Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу? // Человек и его ценности. М., 1988. С. 56–59).

Вопросы: Так, кто же человек: он – волк или овца, или он – ни волк и ни овца? Человек, в сущности, зол или добр? Какую позицию в этом вопросе Вы занимаете?

121. «Старый Завет не считает, что человек порочен в своей основе. Неповиновение Богу со стороны Адама и Евы не рассматривается как грех. Этот акт неповиновения... является первым шагом человека по пути к свободе. Кажется, это неповиновение было даже предусмотрено Божьим планом. Согласно пророкам, именно благодаря тому, что человек был изгнан из рая, он оказался в состоянии сам формировать свою историю, развивать свои человеческие силы и в качестве полностью развитого индивида достигнуть гармонии с другими людьми и природой. Эта гармония заступила на место прежней, в которой человек еще не был индивидом... Конечно, этим еще не сказано, что способность к добру обязательно побеждает... С точки зрения Старого Завета, человек способен и к хорошему, и к дурному, он должен выбирать между добром и злом, между благословением и проклятьем, между жизнью и смертью. Бог никогда не вмешивается в это решение. Он помогает, посылая своих посланцев, пророков, чтобы наставлять людей, каким образом они могут распознавать зло и осуществлять добро, чтобы предупреждать их и возражать им. Но после того, как это уже свершилось, человек остается наедине со своими «двумя инстинктами» – стремлением к добру и стремлением к злу, теперь он сам должен решать эту проблему. Христианское развитие шло иначе... Появилась точка зрения, что неповиновение Адама было грехом, причем настолько тяжким, что он погубил природу самого Адама и всех его

потомков... Позднее мыслители Просвещения утверждали, что все зло в человеке является лишь следствием внешних обстоятельств и потому у человека в действительности нет возможности выбора. Они полагали, что необходимо лишь изменить обстоятельства, из которых произрастает зло, тогда изначальное добро в человеке проявится почти автоматически. Эта точка зрения повлияла также на мышление Маркса и его последователей. Вера в принципиальную доброту человека возникла благодаря новому самосознанию, приобретенному в ходе неслыханного со времен Ренессанса экономического и политического прогресса. Моральное банкротство Запада, начавшееся с Первой мировой войной и приведшее через Гитлера и Сталина, через Ковентри и Хиросиму к нынешней подготовке всеобщего уничтожения, наоборот, повлияло на то, что снова стала сильнее подчеркивается склонность человека к дурному. По существу, это была здоровая реакция на недооценку врожденного потенциала человека к злу...»

(Фромм Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу // Человек и его ценности. М., 1988. С. 61–62).

Вопросы: Как вы относитесь к точке зрения Старого Завета по поводу сущности человека? Как вы относитесь к позиции христианства? Правы ли мыслители эпохи Просвещения? В какое время получила распространение вера в принципиальную доброту человека? Когда, в каких условиях стала снова подчеркиваться склонность человека к злу? Можно ли предположить, что человечество всегда шарахается из одной крайности в другую, прежде чем приблизится к истине?

122. «Главной опасностью для человечества является не изверг или садист, а нормальный человек, наделенный необычайной властью. Однако для того, чтобы миллионы поставили на карту свою жизнь и стали убийцами, им необходимо внушить такие чувства, как ненависть, возмущение, деструктивность и страх. Наряду с оружием эти чувства являются неременным условием для ведения войны, однако они не являются ее причиной, так же как пушки и бомбы сами по себе не являются причиной войн. Многие полагают, что атомная война в этом смысле отличается от войны традиционной. Тот, кто нажатием кнопки запускает атомные бомбы, каждая из которых способна унести сотни тысяч жизней, едва ли испытывает те же чувства, что и солдат, убивающий с помощью штыка или пулемета... Все же остается вопрос: не должны ли содержаться в более глубоких слоях его личности деструктивные импульсы или, по меньшей мере, глубокое безразличие по отношению к жизни для того, чтобы подобное действие вообще стало возможным? Я хотел бы остановиться на трех феноменах, которые, по моему мнению, лежат в основе наиболее вредной и опасной формы человеческого ориентирования: любовь к мертвому, закоренелый нарциссизм и симбиозно-инцестуальное фиксирование. Вместе взятые, эти три ориентации

образуют «синдром распада», который побуждает человека разрушать ради разрушения и ненавидеть ради ненависти. Я хотел бы также обсудить «синдром роста», который состоит из любви к живому, любви к человеку и независимости. Лишь у немногих людей получил полное развитие один из двух этих синдромов. Однако нет сомнения в том, что каждый человек движется в определенном избранном им направлении: в направлении к живому или мертвому, добру или злу».

(Фромм Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу // Человек и его ценности. М., 1988. С. 62).

Вопросы: Как действует на человека безграничная власть? Прав ли Фромм, заявляя, «чтобы миллионы стали убийцами, им необходимо внушить ненависть... страх, возмущение»? Есть ли в любом человеке, «в глубоких слоях его личности деструктивные импульсы», стремление к злу? Какие ориентации, по Фромму, образуют «синдром распада»? В чем выражается «синдром распада» и «синдром роста»? В чем проявляется противоречивая сущность человека? Существуют ли люди, у которых полное развитие получил только один из двух синдромов? Согласны ли Вы с позицией автора?

123. «Жизнь человека отличается от жизни всех остальных организмов: он находится в состоянии постоянной и неизбежной неуравновешенности. Жизнь не может быть «прожита» путем простого повторения модели своего вида. Человек должен жить сам... Человек – единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен решать и от которой он не может избавиться. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой. Он должен развивать свой разум, пока не станет господином над природой и самим собой... Человек «выпал» из природы и все же находится в ней. Он отчасти как бы Бог, отчасти – животное, отчасти бесконечен и отчасти конечен. Необходимость искать новые решения противоречий его существования, все более высокие формы единения с природой, окружающими людьми и самим собой выступают источником всех психических сил, которые побуждают человека к деятельности, а также являются источником всех его страстей, аффектов и страхов. Животное довольно, когда удовлетворены его естественные потребности – голод, жажда, сексуальная потребность. В той степени, в какой человек является животным, эти потребности властны и над ним и должны быть удовлетворены. Но поскольку он существо человеческое, удовлетворения этих инстинктивных потребностей недостаточно, чтобы сделать его счастливым. Их недостаточно даже для того, чтобы сделать его здоровым. «Архимедов пункт» специфически человеческой динамики находится в этой неповторимости человеческой ситуации. Понимание человеческой психики должно основываться на анализе тех потребностей человека, которые вытекают из условий его существования...

Человека можно определить как живое существо, которое может сказать «Я», может осознать себя самого как самостоятельную величину... Человек должен принимать решения, осознавать себя и окружающих его людей в качестве разных лиц, у него должна быть способность ощущать себя субъектом своих действий... В развитии человеческой расы степень осознания человеком самого себя как отдельного существа зависит от того, насколько он освободился от ощущения тождества клана и насколько далеко продвинулся процесс его индивидуализации... Западная культура развивалась таким образом, что создала основу для осуществления полного опыта индивидуальности. Посредством предоставления индивиду политической и экономической свободы, посредством его воспитания в духе самостоятельности мышления и освобождения от любой формы авторитарного давления предполагалось дать возможность каждому человеку чувствовать себя в качестве «Я» в том смысле, чтобы он был центром и активным субъектом своих сил и чувствовал себя таковым. Но лишь меньшинство достигло такого опыта «Я»... Часто человеку не удавалось достичь индивидуального самоотождествления. Предпринимались попытки найти некоторые суррогаты подлинно индивидуального самоотождествления. Поставщиками этого рода самоотождественности служат нация, религия, класс и профессия. «Я – американец», «я – предприниматель»... Вместо доиндивидуалистического тождества-клана сейчас развивается новое тождество-стадо, в котором самоотождествление покоится на чувстве несомненной принадлежности к стаду... Здесь униформизм и конформизм скрываются за иллюзией индивидуальности... Поскольку я не могу оставаться душевно здоровым без «чувства Я», я пытаюсь сделать все, чтобы добиться данного ощущения. За страстным стремлением к статусу и конформизму скрывается та же потребность, и иногда она даже сильнее, чем потребность в физическом выживании. Явное тому доказательство – готовность людей рисковать своей жизнью, жертвовать своей любовью, отказаться от своей свободы и собственного мышления только ради того, чтобы быть членом стада, идти с ним в ногу и достичь таким образом самоотождествления, даже если оно иллюзорно...»

(Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 445–446, 477–480).

Вопросы: Чем отличается жизнь человека от жизни других существ? Что побуждает человека к деятельности? Какую роль играют естественные потребности в жизни человека? Как определяет человека Э. Фромм? Какую роль в жизни человека играет «чувство Я»? Каждому ли человеку удастся достичь самоотождествления? Какие суррогаты индивидуального самоотождествления были найдены? Что такое конформизм? Как Вы оцениваете следующее рассуждение: «до тех пор пока я не отклоняюсь от нормы, пока я являюсь таким же, как другие, я признан в качестве «одного из нас», я могу чувствовать себя как «Я»? Как осуществляется

самоотождествление в распространившемся сейчас тождестве-стаде? Почему такая форма самоотождествления иллюзорна? Насколько сильно у человека стремление к самоотождествлению? Как далеко продвинулся процесс Вашей «индивидуализации»? Удалось ли Вам достичь индивидуального самоотождествления? Свойственно ли Вам стремление к «статусу и конформизму»?

Вильгельм Райх (1897–1957) – австро-американский врач и психолог, Пытаясь соединить фрейдизм с марксизмом, выступал с проповедью сексуальной революции и требованием отмены «репрессивной» морали. Книга В. Райха «Психология масс и фашизм» была написана в Германии (1930–1933), впоследствии была запрещена фашистами.

124. «Вместо того чтобы немедленно извлечь из войны уроки и приступить к построению нового мира, принятие важных решений откладывается... Если кто-либо, подобно мне, станет свидетелем такого откладывания решения существенных проблем и услышит те же самые аргументы... и если он увидит, что новая катастрофа содержит все особенности старой катастрофы, тогда он вынужден будет, как бы ему этого не хотелось, признать, что после первой катастрофы не произошло никаких существенных изменений (если не считать существенными изменениями повышение качества средств уничтожения и широкое распространение садизма среди людей). В таком человеке медленно и верно формируется убежденность в том, что по какой-то странной причине народные массы не хотят понять тайну войны. Они боятся истин, способных принести им болезненное исцеление. Люди склонны смотреть на войну как на «социальную грозу». Утверждают, что война «очищает» атмосферу; она имеет свои достоинства – «закаляет молодежь» и делает ее отважной. Говорят, что войны всегда существовали и будут существовать. Они биологически мотивированы. По мнению Дарвина, «борьба за существование» составляет закон жизни. Тогда зачем проводить мирные конференции? Я никогда не слышал, чтобы медведи или слоны разделялись на два лагеря и уничтожали друг друга. В животном царстве не существует войн в пределах одного вида. Война с себе подобными, как и садизм, относится к приобретениям «цивилизованного человека». По какой-то причине человек не решается указать причины войны. Несомненно, существуют лучшие, чем война, способы сделать молодежь здоровой и работоспособной, а именно: насыщенная здоровой любовью жизнь, постоянная, доставляющая удовольствие работа, физическая культура, а также отсутствие злобных сплетен старых дев... В результате тысячелетнего извращения в области воспитания и общественной жизни, народные массы приобрели биологическую жестокость и утратили способность к свободе. Они не способны к мирному сосуществованию... Каждый честный человек знает правду. В основе власти всех диктаторов лежала социальная безответственность народных масс. Они без колебаний использовали социальную безответственность народных масс в своих целях. На протяжении

многих лет половина цивилизованных немцев выслушивала утверждение о том, что из масс извергается только то, что в них вложили. Они отнеслись к этому с рабской покорностью, они сами виноваты в том, что оказались в таком унижительном положении. Нелепо утверждать, что психопатический генерал способен самостоятельно угнетать семидесятимиллионный народ... Подлинная социальная свобода не является достоянием отдельных групп. Направление развития общества определяется только подавляющим большинством трудящихся мужчин и женщин, независимо от того, покорно они относятся к тирании или оказывают ей активную поддержку. Способны ли массы самостоятельно управлять обществом без политиканов и партий, которые говорят им, что и как они должны делать? Безусловно, они способны пользоваться предоставленной свободой, выполнять указанную работу, выступать против войны и в защиту мира. Тем не менее до сих пор они не были способны защитить труд от злоупотребления, регулировать его через организации, способствовать его развитию, предотвращать войны, преодолеть свой иррационализм и т. д. Массы не способны выполнять эти действия, потому что до нашего времени у них не было возможности приобрести и реализовать эту способность. Справиться с войной можно только на основе осуществления массами общественного самоуправления и управления производством и потреблением через свои организации. Тот, кто серьезно относится к массам, требует, чтобы они несли полную ответственность, так как только массы отличаются миролюбием. Теперь к миролюбию необходимо присоединить ответственность и способность быть свободным. Как это ни ужасно, все же факт остается фактом: в основе фашизма всех стран лежит безответственность народных масс. Фашизм возникает в результате тысячелетней деформации личности. Он мог бы возникнуть в любой стране и у любого народа. Он не составляет характерную особенность немцев или итальянцев. Фашизм проявляется в каждом индивидууме во всех странах мира... Ответственность лежит на самом человеке, а не на «исторических событиях». Тем не менее события последних двадцати лет требуют возложить ответственность на трудящиеся массы. Если под «свободой» мы будем в первую очередь понимать ответственность каждого индивидуума за рациональное формирование личной, профессиональной и общественной жизни, тогда можно сказать, что не существует большего страха, чем страх перед общей свободой. Для решения этой проблемы понадобится затратить больше усилий, больше вдумчивости, порядочности и честности, больше экономических, воспитательных и социальных преобразований в общественной жизни народных масс, чем все усилия, затраченные на ведение прошлых войн и осуществление послевоенных программ по восстановлению хозяйства... Если страдание неизбежно, тогда «кровь, пот и слезы» необходимо проливать ради достижения разумной цели, т. е. ради ответственности трудящихся масс за общественную жизнь».

(Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 307–310).

Вопросы: Нужно ли людям учитывать опыт прошлых катастрофических событий и войн? Справедливо ли выражение: «История повторяется»? Верны ли утверждения, что война «очищает» атмосферу, что она имеет свои достоинства – «закаляет молодежь» и делает ее отважной? Можно ли войну объяснить действием биологического закона – закона «борьбы за существование»? Не является ли эта позиция биологизаторской? Какие качества приобрел «цивилизованный» человек? Какие способы воспитания молодежи выделяет В. Райх? Какие особенности народных масс используют диктаторы? Как отвечает В. Райх на вопрос: «Способны ли массы самостоятельно управлять обществом без политиканов и партий, которые говорят им, что и как они должны делать»? Что нужно сделать для этого? Какую роль в преодолении иррациональности масс, по мнению автора, играет «общественное самоуправление и управление производством и потреблением через организации» масс? Прав ли В. Райх, утверждая, что социальная свобода не должна быть «достоянием отдельных групп» общества? Согласны ли Вы с мыслью, что трудящаяся масса должна быть свободной, миролюбивой и ответственной за то, что происходит в обществе? В чем В. Райх видит причины возникновения фашизма? Можно ли согласиться с позицией В. Райха, критиковавшего концепцию, согласно которой фашизм представляет результат деятельности отдельного человека, народа, какой-либо этнической или политической группы, и утверждавшего, что фашизм служит выражением иррациональности характерологической структуры обычного человека, первичные биологические потребности которого подавлялись на протяжении многих тысячелетий (роль авторитарной семьи и церкви)? Проанализируйте мысли В. Райха: «Тоталитарное государство подавляет естественные, прежде всего сексуальные, влечения человека, вытесняя их в бессознательное и превращая человека в существо, неспособное к сопротивлению и готовое выполнить любой приказ «фюрера»... В результате тысячелетнего извращения в области воспитания и общественной жизни народные массы приобрели биологическую жестокость и утратили способность к свободе». Не кажется ли Вам, что В. Райх преувеличил значение подавления сексуальных влечений в формировании «рабской» психологии масс? Способствовала ли сексуальная революция, о которой писал В. Райх, преодолению «рабской психологии» трудящихся масс? Может быть, более значительную роль в изменении характерологической структуры представителей существующих поколений должны играть экономический, политический, духовный факторы при несомненном учете их психологических особенностей?

Гуманистическая психология (логотерапия)

Виктор Франкл (1905–1997) – австрийский философ и психолог, всемирно известный специалист по вопросам психологии личности и психотерапии. Его теория логотерапии и экзистенциального анализа представляет собой сложную систему философских, психологических и медицинских воззрений на природу и сущность человека. Во время Второй мировой войны попал в фашистский концлагерь, где помогал своим товарищам выжить и сохранить человеческое достоинство.

125. «Бессрочность существования в концлагере приводит к переживанию утраты будущего... Без фиксированной точки отсчета в будущем человек, собственно, просто не может существовать. Обычно все настоящее структурируется, исходя из нее, ориентируется на нее, как металлические опилки в магнитном поле на полюс магнита. И, наоборот, с утратой человеком «своего будущего» утрачивает всю свою структуру его внутренний план, переживание им времени. Возникает бездумное наличное существование... Или же возникает такое ощущение жизни – ощущение внутренней пустоты и бессмысленности существования, – которое владеет многими безработными, у которых также имеет место распад структуры переживания времени... В тот момент, когда человек не в состоянии предвидеть конец временного состояния в его жизни, он не в состоянии и ставить перед собой какие-либо цели, задачи. Жизнь неизбежно теряет в его глазах всякое содержание и смысл. Напротив, видение конца и нацеленность на какой-то момент в будущем образуют ту духовную опору, которая так нужна заключенным, поскольку только эта духовная опора в состоянии защитить человека от разрушительного действия сил социального окружения, изменяющих характер, удержать его от падения... Тот, кто не может привязаться к какому-либо моменту в будущем, подвержен опасности внутреннего падения. Душевный упадок при отсутствии духовной опоры, тотальная апатия были для обитателей лагеря и хорошо известным, и пугающим явлением, которое случалось часто так стремительно, что за несколько дней приводило к катастрофе. Люди лежали весь день в бараке, не заботились о получении пищи, никакие наказания их не пугали... Это состояние полной апатии приводило к снижению жизненного тонуса, иммунитета, сопротивляемости организма, что чрезвычайно ускоряло развитие дремавшей в нем инфекции. В конечном счете получалось, что телесно-душевный упадок зависел от духовной установки, но в этой духовной установке человек был свободен! Можно было отнять у человека все вплоть до очков и ремня, но у него оставалась эта свобода, и она оставалась у него буквально до последнего вздоха. Это была свобода настроиться так или иначе, и все время были те, которым удавалось подавить в себе возбужденность и превозмочь апатию. Не может быть и речи о том, что в концлагере человек необходимым и принудительным образом подчиняется давлению окружающих условий, формирующих его характер. Благодаря тому, что я назвал

«упрямством духа», у него сохраняется и принципиальная возможность оградить себя от влияния этой среды. Коэн соглашается: «Действительно. Были заключенные, не охваченные полностью эгоизмом, у которых еще оставалось место для альтруистических чувств и переживаний и которые сострадали своим товарищам. По-видимому, условия обитания в концлагере не смогли оказать на них такое влияние, как на других заключенных». Г. Адлер подчеркивает, что «нельзя рассматривать изменение характера как перемену образа мыслей или падение устоявшейся морали. Обычно внезапно пропадала, как будто ее и не было, лишь внешняя воспитанность... Чтобы сохранить себя в этом душевном вакууме без большого ущерба, требовалось нечто исключительное». Конечно, они были немногочисленны – эти люди, которые выбрали для себя возможность сохранить свою человечность: «все прекрасное так же трудно, как и «редко» (Б. Спиноза). Такие люди подавали другим пример, и этот пример вызывал цепную реакцию. Они никогда не рассматривали лагерную жизнь как простой эпизод – для них она была скорее испытанием, которое стало кульминацией их жизни. Об этих людях нельзя говорить, что они испытали регрессию; наоборот, в моральном отношении они испытали прогрессию, претерпели эволюцию – в моральном и религиозном отношении. Ведь у очень многих заключенных именно в заключении и благодаря ему проявилась подсознательная, т. е. вытесненная, обращенность к Богу... Возможности психотерапии были, естественно, в лагере крайне ограничены. Нам приходилось заботиться о предотвращении самоубийств. Мы организовали службу информации... Любая попытка вновь поднять дух людей в концлагере предполагала, что нам удастся направить их на какую-либо цель в будущем. Тот же, кто уже не мог больше верить в будущее, в свое будущее, был потерян. Вместе с будущим он утрачивал и духовный стержень, внутренне ломался и деградировал как телесно, так и душевно. Чаще всего это случалось довольно внезапно, в виде своеобразного кризиса... Знаменем психотерапевтической помощи заключенным была апелляция к воле к жизни, к продолжению жизни, к выживанию в лагере. Однако мужество жить и соответственно усталость от жизни оказывались всякий раз зависящими единственно лишь от того, имел ли человек веру в смысл жизни, его жизни. Девизом всей психотерапевтической работы в концлагере могли бы служить слова Ницше: «У кого есть Зачем жить, может вынести любое Как». «Зачем» – это содержание жизни, а «Как» – это были те условия жизни, которые делали жизнь в лагере столь тяжелой, что ее можно было выдержать, лишь принимая во внимание ее «Зачем». Нужно было довести до сознания заключенных это «Зачем» их жизни, их жизненную цель. Тем самым удавалось внутренне поднять их вровень с ужасающим «Как» их нынешнего существования, с кошмарами лагерной жизни и помочь им выстоять перед ними. В любой психотерапии, к которой приходилось обращаться в лагере, играло роль то, что я называл «стремлением к смыслу»... Мы говорили о безусловном смысле жизни... который не был общим и расплывчатым, скорее, наоборот, это был наиконкретнейший смысл их личного существования... Что можно сказать им? Но здесь обнаруживалось, что в

сознании каждого незримо присутствует кто-то, кого, может быть, уже давно нет в живых, но каким-то образом присутствует здесь как интимнейший собеседник. Для многих это – Бог... И каждый знал, что этот кто-то видит его и требует от него, чтобы он «был достоин своих мучений», как однажды сказал Достоевский, и кто ожидает, что он «умрет своей смертью»... Своей – значит осмысленной, хотя и по-разному: ведь смысл смерти, как и смысл жизни, у каждого свой, глубоко личный. Тем самым «наша» смерть задана нам, и мы несем ответственность по отношению к этой задаче так же, как и по отношению к задаче жизни. Ответственность – перед кем? В конечном счете каждый решает для себя сам. Один ощущал эту ответственность перед своей совестью, другой – перед Богом, третий – перед человеком, который далеко, и т. д. В конечном счете было важно именно отношение к страданию и смерти, с которым человек был готов страдать и умереть... Чувствительные люди, с детства привыкшие к активному духовному существованию, переживали тяжелую внешнюю ситуацию лагерной жизни хоть и болезненно, но, несмотря на их относительно мягкий душевный нрав, она не оказывала такого разрушительного действия на их духовное бытие. Ведь для них как раз был открыт путь ухода из ужасающей действительности в царство духовной свободы и внутреннего богатства. Только так можно понять тот парадокс, что иногда люди хрупкой телесной организации лучше переносили лагерную жизнь, чем физически сильные натуры. Я сам все время старался прибегать к средствам, позволяющим мне дистанцироваться от всего страдания, которое меня окружало. Я пытался объективировать его. Идя на работу, чувствуя холод, голод и боль во всем теле, я представлял себе, что стою на кафедре в красивом конференц-зале и читаю лекцию... С помощью этого приема мне удалось как-то подняться над ситуацией, над настоящим и над страданиями и увидеть их так, как будто они уже в прошлом... Концлагерь был не чем иным, как микрокосмическим отражением мира людей вообще. Жизнь в концлагере раскрыла самые бездонные глубины человеческой души. Должно ли нас удивлять, что в этих глубинах вновь обнаружилось все человеческое? Человеческое как оно есть – как сплав добра и зла! Трещина, которая проходит через всю человеческую природу, разделяя добро и зло, достигает и этих, самых глубоких, глубин и отчетливо видна как раз на фоне той бездны, которую представляет собой концлагерь... Жизнь в концентрационном лагере оказывается микрокосмом – «моделью», выражаясь словами Адлера, который описывает лагерную психологию в Терезиенштадте «вне резкого черно-белого противопоставления безвинных жертв и виновных преследователей», поскольку «едва ли найдется место, в котором ход истории был бы так спрессован. Лагерь в его становлении, проявлении и исчезновении содержит в себе, как в образце, в концентрированном виде всю сумму зла и страданий, которые во всех других местах существуют более распыленно и менее зримо, однако действуют столь же нешуточно. В лагере все ложное, опасное, глупое и низкое, что произрастает в человеке и человеческих институтах, смело выступает в своей зловещей и неумолимой обнаженности. Здесь мы видим

перед собой дьявольскую карикатуру на в принципе возможную, может быть, даже реально существующую систему управления, недостойное человека существование в псевдоколлективном омассовлении, в кабале или рабстве»... В этом проявлялся человек. Человек сохранился. В огне страданий, в котором он плавился, обнажилась его суть. Если мы спросим себя о самом главном опыте, который дали нам концентрационные лагеря, эта жизнь в бездне, то из всего пережитого нами можно выделить такую квинтэссенцию: мы узнали человека, как, может быть, не знало его ни одно из предшествующих поколений. Что же такое человек? Это существо, постоянно принимающее решения, что оно такое. Это существо, которое изобрело газовые камеры, но это и существо, которое шло в эти газовые камеры с гордо поднятой головой и с молитвой на устах».

(Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М., 1990. С.141–144, 150–155).

Вопросы: Что происходило с человеком, который уже не мог верить в свое будущее? Что удерживает человека от «опасности внутреннего падения»? Все ли заключенные одинаково реагировали на бесчеловечные условия жизни в концлагере? Что такое «упрямство духа», по мнению автора? Какую роль оно играет в жизни человека? Были ли в концлагере люди, которые сохранили свою человечность? Как они вели себя по отношению к другим заключенным? Какую психотерапевтическую помощь заключенным оказывал В. Франкл в концлагере? В чем был смысл этой помощи? Как Вы относитесь к словам Ф. Ницше: «У кого есть Зачем жить, может вынести любое Как»? Какую роль в жизни человека играет его вера в смысл своей жизни? Как переносили тяжелую внешнюю ситуацию в концлагере люди, привыкшие к активному духовному существованию? Каким приемом пользовался В. Франкл, чтобы «дистанцироваться от всяких страданий»? Почему концлагерь – это «микrokосмическое отражение мира людей вообще»? Какой жизненный опыт получил В. Франкл в концлагере? Кто же такой человек, по его мнению? Если вера в смысл своей жизни у человека отсутствует, то как складывается его судьба? Как уродует человека бессмысленность его жизни? Сохраняется ли вера в смысл своей жизни у наркоманов, алкоголиков и у других людей с различными видами зависимости?

126. Проанализируйте следующие мысли В. Франкла:

«Когда мы подавляем в себе ангела, он превращается в дьявола...»

«Песмотря на нашу веру в человеческий потенциал человека, мы не должны закрывать глаза на то, что человеческие люди являются и, быть может, всегда будут оставаться меньшинством. Но именно поэтому каждый из нас чувствует вызов присоединиться к этому меньшинству. Дела плохи. Но они станут еще хуже, если мы не будем делать все, что в наших силах, чтобы улучшить их».

Учение о смысле жизни учит, что «смысл в принципе доступен любому человеку, независимо от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды и ... религиозных убеждений».

Признавая очевидную детерминированность человеческого поведения, В. Франкл тем не менее утверждал: «Необходимость и свобода локализованы не на одном уровне; свобода возвышается, надстроена над любой необходимостью».

«Человек решает за себя; любое решение есть решение за себя, а решение за себя – всегда формирование себя».

«Я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю».

«Человек – это больше, чем психика: человек – это дух».

«Я убежден в том, что страдание, вина и смерть – названные мною «трагическим триединством человеческого существования» – ни в коей мере не умаляют смысла жизни, но, наоборот, в принципе всегда могут трансформироваться во что-то положительное».

Основные тезисы учения В. Франкла о смысле жизни

Основной тезис о стремлении к смыслу: человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным.

Основной тезис о смысле жизни: жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден.

Основной тезис о свободе воли: человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными обстоятельствами.

(Франкл В. Человек в поисках смысла /пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М., 1990. С. 8, 10–17, 20).

Вопросы: Какие мысли В. Франкла Вам понравились? Может, не надо убивать в себе ангела и становиться дьяволом? Может, надо присоединиться к «человечным людям», чтобы многое изменить и улучшить в нашей жизни? Согласны ли Вы с мнением автора, что мы можем лишь выбрать призвание, в котором обретем смысл? Верно ли утверждение, что свобода по отношению к влечениям проявляется в возможности сказать им «нет», принять их или отвергнуть? Как Вы считаете: определяется ли поведение человека его системой ценностей, его особенностями? Почему человек больше, чем его психика? Какие ценности являются очень важными для Вас: ценности творчества, ценности переживания, ценности отношения? Как бы жили люди, если бы в их жизни отсутствовали страдания, вина, смерть? Согласны ли Вы с тремя основными тезисами учения В. Франкла о смысле жизни человека?

Экзистенциализм

Жан-Поль Сартр (1905–1980) – французский философ, писатель, представитель атеистического экзистенциализма, политический деятель, в последние годы жизни бесспорный лидер интеллектуального Парижа. «В истории интеллектуальной жизни послевоенного мира фигура Жан-Поля Сартра занимает центральное место. Философ, драматург, политический теоретик, возмутитель спокойствия, Сартр больше, чем кто-либо еще, сделал для формирования современного мышления. Можно сказать, что вопросы, которые он поднял, оказались важнее, чем ответы, которые пытались на них дать». Newsweek, октябрь 1964 г. В 1964 году он отказался от присужденной ему Нобелевской премии, считая официальное признание слишком буржуазным.

127. «Человек есть не что иное, как проекция своих свободных решений... Нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода, человек обречен на свободу... Чтобы быть, человек должен сам себя выбрать, ни изнутри, ни извне к нему не приходит ничего такого, чтобы ему оставалось только принять. Человек полностью и неотвратно обречен на нестерпимую необходимость создания своего собственного существования вплоть до мельчайших деталей».

(Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 324, 327).

128. «... Свобода человека предшествует его сущности, она лишь условие, благодаря которому последняя становится возможной, сущность бытия человека подвешена к его свободе. Итак, то, что мы называем свободой, неотлично от бытия «человеческой реальности». О человеке нельзя сказать, что он сначала есть, а затем – свободен; между бытием человека и его «свободобытием» нет разницы».

(Сартр Ж.П. Бытие и ничто (Извлечения) // Человек и его ценности. Ч. I. М., 1988. С. 99) .

Вопросы: Как определяет человека Сартр? Как связаны, по его мнению, человек и свобода? Есть ли рациональные зерна в его высказываниях? Выбрали ли Вы «самих себя»? Прав ли Сартр, когда он утверждает, что «между бытием человека и его «свободобытием» нет разницы»?

129. В романе «Тошнота» (1938) намечаются основные темы творчества Ж.-П. Сартра: одиночество, поиск абсолютной свободы, попытка человека противостоять абсурду существования. Этот роман о нескольких днях жизни Антуана Рокантена, написанный в форме дневниковых записей, пронизан

острым ощущением абсурдности жизни. «Вскакиваю рывком – если бы только я мог перестать думать, мне стало бы легче... Мысли – вот отчего особенно мучительно... Они еще хуже, чем плоть. Тянутся, тянутся без конца... Это хуже всего – потому что тут я виновник и соучастник. К примеру, эта мучительная жвачка-мысль: «я существую», ведь пережевываю ее я. Я сам. Тело, однажды, начав жить, живет само по себе. Но мысль – нет; это я продолжаю, развиваю ее. Я существую. Я мыслю о том, что я существую! Если бы я мог перестать мыслить! Не хочу мыслить... Я мыслю о том, что я не хочу мыслить. Потому что это тоже мысль. Неужто этому никогда не будет конца? Моя мысль – это я: вот почему я не могу перестать мыслить. Я существую, потому что мыслю, и я не могу помешать себе мыслить... Вот даже в эту минуту... я существую потому, что меня приводит в ужас, что я существую. Это я, я сам извлекаю себя из небытия, к которому стремлюсь: моя ненависть, мое отвращение к существованию – это разные способы принудить меня существовать, ввергнуть меня в существование... Я окидываю взглядом зал... Все эти люди с серьезным видом восседают на своих местах и едят... Вот если бы я владел искусством убеждать, я бы объяснил этому человеку, что такое существование... Мне становится смешно, я представляю себе, каким бы стало его лицо при этом. – Вам весело, мсье, – осторожно замечает Самоучка. – Просто, – говорю я ему, смеясь, – я думаю, что все мы, какие мы ни на есть, едим и пьем, чтобы сохранить свое драгоценное существование, а между тем в существовании нет никакого, ну ни малейшего смысла. Самоучка посерьезнел, он тщится меня понять... Он медленно повторяет: – В существовании нет никакого смысла... Вы, конечно, хотите сказать, мсье, что жизнь не имеет цели? Кажется, это и называется пессимизмом, не так ли? Подумав немного, он мягко добавляет: – Несколько лет назад я читал книгу одного американского автора, она называлась «Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?» Не правда ли, вы задаете себе именно этот вопрос? – Ясное дело, нет, я задаю себе совершенно другой вопрос. Но я не собираюсь пускаться в объяснения. – Автор в своих выводах склоняется к сознательному оптимизму, – тоном утешителя говорит Самоучка. – Жизнь приобретает смысл, если мы сами придаем его ей. Сначала надо начать действовать, за что-нибудь взяться. А когда потом станешь размышлять, отступать поздно – ты уже занят делом. А вы что думаете на этот счет, мсье? – Ничего, – отвечаю я. Вернее, я думаю, что это и есть та самая ложь, которой себя постоянно тешат различные люди. Самоучка улыбается чуть плутовато и весьма торжественно. – Вот и я вовсе так не считаю. Я думаю: в поисках смысла жизни незачем ходить так далеко. – Вот как? – Цель у жизни есть, мсье, цель есть... есть люди... Верно, я совсем забыл, что он гуманист... Было время, я встречался с гуманистами-парижанами, они тоже сотни раз твердили мне: «Есть люди»... Потупив глаза, Самоучка говорит: – В бога я не верю. Его существование опровергнуто Наукой. Но в концентрационном лагере я научился верить в людей... Как-то раз – нас еще только начинали запираť в сарай – теснота в нем была такая, что я чуть не задохнулся, и вдруг меня захлестнула невероятная радость, я едва не упал в обморок – я почувствовал,

что люблю этих людей, как братьев, я хотел их всех обнять. С тех пор каждый раз, оказавшись в этом сарае, я испытывал такую же радость. Этот сарай стал в моих глазах святилищем... Самоучка замолк... Должно быть, я болен. Иначе невозможно объяснить охватившую меня вдруг неистовую ярость. Да-да... И все только потому, что принесенный цыпленок оказался холодным. Впрочем, и я сам оставался холодным, и это было самым мучительным; я хочу сказать, что внутри я оставался таким, каким я был последние полтора суток – совершенно холодным, оледенелым... Моя ярость бушевала на поверхности, у меня было мучительное ощущение, что я охваченная пламенем глыба льда...»

«...Через два часа я уезжаю в Париж, поэтому пришел попрощаться с хозяйкой... Мадлена, которая хочет доставить мне удовольствие, кричит издали, показывая на пластинку: – Ваша пластинка, мсье Антуан, та, что вы любите, хотите послушать последний разок? – Пожалуйста, если вам нетрудно... Но вот зазвучал голос саксофона. И мне стало стыдно. Родилось маленькое победоносное страдание, страдание-образец. Четыре ноты саксофона. Они повторяются снова и снова и будто говорят: «Делайте как мы, страдайте соразмерно». Ну да! Само собой, я хотел страдать именно так, страдать соразмерно, без снисхождения, без жалости к себе, с такой выжженной чистотой... Но я лишний... Я тоже хотел быть. Собственно, ничего дурного я не хотел – вот она, разгадка моей жизни; в недрах всех моих начинаний, которые кажутся хаотичными, я обнаруживаю одну неизменную цель: изгнать из себя существование, избавить каждую секунду от жировых наслоений, высушить, самому очиститься, отвердеть, чтобы издать наконец четкий и точный звук ноты саксофона... Я думаю о том парне, который в жарких потемках своей комнаты сочинил эту мелодию... Негритянка поет... Ну вот, впервые за много лет кто-то меня растрогал... Я чувствую, как что-то робко касается меня, и боюсь шевельнуться, чтобы это не спугнуть. Что-то, что мне незнакомо уже давно, – что-то похожее на радость. Негритянка поет. Стало быть, можно оправдать свое существование? Оправдать хотя бы чуть-чуть? Я страшно оробел... Не потому, что я так уж сильно надеюсь. Но я похож на человека, который после долгих странствий в снегах превратился в сосульку и вдруг оказался в теплой комнате... Не могу ли я попробовать?... Само собой, речь не о мелодии... но разве я не могу в другой области? Это была бы книга – ничего другого я не умею. Но не исторический труд: история трактует о том, что существовало, а ни один существующий никогда не может оправдать существование другого. В том-то и была моя ошибка, что я пытался воскресить маркиза де Рольбона. Нет, книга должна быть в другом роде. В каком, я еще точно не знаю – но надо, чтобы за ее напечатанными словами, за ее страницами угадывалось то, что было бы не подвластно существованию, было бы над ним. Скажем, история, какая не может случиться, например, сказка. Она должна быть прекрасной и твердой как сталь, такой, чтобы люди устыдились своего существования. Я ухожу, все во мне зыбко. Я не осмеливаюсь принять решение. Если бы я был уверен в своем таланте... Но я никогда – никогда не писал ничего в таком роде. Статьи на исторические темы, да, а впрочем...

Книгу. Роман. И найдутся люди, которые прочтут роман и скажут: «Его написал Антуан Рокаnten, рыжий парень, который слонялся из одного кафе в другое», и будут думать о моей жизни, как я думаю о жизни Негритянки – как о чем-то драгоценном, почти легендарном. Книгу. Конечно, вначале работа будет скучная, изнурительная, она не избавит меня ни от существования, ни от сознания того, что я существую. Но наступит минута, когда книга будет написана, она окажется позади, и тогда, я надеюсь, мое прошлое чуть-чуть просветлеет. И быть может, сквозь этот просвет я смогу вспоминать свою жизнь без отвращения. Быть может, однажды, вспомнив именно этот час, хмурый час, когда я, сгорбившись, жду, чтобы подали поезд, я скажу себе: «В этот день, в этот час все и началось» – и сердце мое забьется быстрее... И в прошлом – только в прошлом – я смогу примириться с собой».

(Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман / пер. с фр. Ю. Яхниной. СПб., 2006. С. 145, 162–166, 249–255).

Вопросы: Чем объясняет герой романа «Тошнота» свое существование? С чем он отождествляет себя? Как он относится к своему существованию? Видит ли он смысл в своем существовании? По его мнению, жизнь абсурдна? В чем видит цель жизни Самоучка? Где научился Самоучка верить в людей? Как среагировал Антуан на рассказ Самоучки? Как Вы думаете, почему? Как музыка и пение Негритянки подействовала на Антуана? Какие мысли возникли у него? На что он хочет решиться? Какой замысел возник в его голове? Чем можно оправдать свое существование? Что важнее: быть или существовать? Может ли искусство стимулировать творческую деятельность других людей? Может ли искусство заставить некоторых людей стыдиться своего существования? Что имеет в виду Антуан, заявляя, что «и в прошлом – только в прошлом – я смогу примириться с собой»?

Карл Теодор Ясперс (1883–1939) – немецкий философ и психиатр, один из создателей экзистенциализма.

130. «Путь мыслящего человека – это жизнь в философствовании. Поэтому философствование присуще человеку как таковому. Человек – единственное существо в мире, которому в его наличном бытии открывается бытие. Он не может выразить себя в наличном бытии как таковом, не может удовлетвориться наслаждением наличным бытием. Он порывает всю как будто завершенную в мире действительность наличного бытия... Принимая свое наличное бытие, он все же настойчиво стремится к бытию. Ибо он не может понять себя в мире просто как результат мирового процесса. Поэтому он преступает пределы своего наличного бытия и мира, достигая его основ, стремясь туда, где он становится уверенным в своих истоках, как бы соучаствуя в творении. Он не защищен в истоках и не достигает цели. Он ищет в своей жизни вечное между

истоками и целью... В философствовании происходит то, чего не замечают все ее противники: с философствованием человек обретает свои истоки... Философии не может не быть, пока живут люди. Философия содержит притязание: обрести смысл жизни поверх всех целей в мире – явить смысл, охватывающий эти цели, – осуществить, как бы пересекая жизнь, этот смысл в настоящем – служить посредством настоящего одновременно и будущему – никогда не низводить какого-либо человека или человека вообще до средств. Постоянная задача философствования такова: стать подлинным человеком посредством понимания бытия; или, что то же самое, стать самим собой, благодаря тому, что мы достигаем уверенности в Боге. Выполнение этой задачи определяется неизменными чертами: всегда и сегодня необходимо совершать работу философского ремесла: развертывать категории и методы, структурировать наше основное знание – ориентироваться в космосе наук – усваивать философию истории – упражняться в спекулятивном мышлении метафизики, в просветляющем мышлении экзистенциальной философии. Целью всегда остается обрести независимость единичного человека. Он обретает ее посредством отношения к подлинному бытию... Задача всегда состоит в напряжении: обрести независимость в стороне от мира, в отказе от него и в одиночестве – или в самом мире, через мир, действуя в нем, не подчиняясь ему. Тогда о философе, приемлющем свободу лишь вместе со свободой других, свою жизнь – лишь в коммуникации с другими, можно сказать то, что глупец прокричал вслед Конфуцию: «Вот человек, который знает, что ему ничего не удастся, и все-таки продолжает действовать»; это – истина конечного знания, абсолютизирующего свою видимость, но истина, которая оставляет более глубокую истину философской веры незатронутой. Философия обращается к отдельному человеку. В каждом мире, в каждом положении в философствовании происходит отбрасывание человека к самому себе. Ибо только тот, кто есть он сам, и способен подтвердить это в одиночестве – может истинно вступить в коммуникацию... Можно ли, формулируя таким образом неизменные задачи философии, сказать что-либо о ее современной задаче? Мы слышали, что вере в разум пришел конец. Важным шагом в XX веке было отпадение от идеи мирового порядка... Этот шаг имеет свое оправдание в том, что он разрушил самоуверенность рассудка, оставленного разумом, показал иллюзорность мировой гармонии, уничтожил доверие к правовому состоянию и законам самим по себе. Это была позиция, которая казалась великолепной на словах, но за которой скрывалась низость жизни, разоблаченная психоанализом, обладавшим своей частичной истиной в противостоянии изолгавшейся эпохе и в зависимости от нее. Когда все дерево срублено, обнажаются корни. Корни – это истоки, из которых мы вышли и которые мы забыли в переплетении мнений, привычек, схем постижения. Сегодня перед нами стоит задача вновь обосновать подлинный разум в самой экзистенции. Это – самое непреложное требование в определенной Кьеркегором и Ницше, Паскалем и Достоевским духовной ситуации... Неверие приводит человека к тому, что он теряет силы, пребывая в каких-либо условиях

жизни среди других, к подчинению познаваемой необходимости и неизбежности, к пессимизму, вызванному приближением конца, слабеющим сознанием. Человек задыхается в мнимом качественно определенном бытии. Философская вера есть вера человека в свои возможности, в ней дышит его свобода».

(Ясперс К. Смысл и назначение истории . М., 1994. С. 500–503).

Вопросы: Что характерно для мыслящего человека? Куда он стремится? Что обретает человек «с философствованием»? Какова точка зрения К. Ясперса на роль философии в жизни человека? В чем «постоянная задача философствования»? Что необходимо для выполнения этой задачи, по мнению автора? Возможны ли без философии процесс самопознания, поиск и обретение человеком самого себя, выявление смысла своей жизни? Разделяете ли Вы мысль К. Ясперса, что подлинная коммуникация, общение возможны лишь для человека, который является самим собой? Какую современную задачу, стоящую перед философией, выделяет автор? Справедлива ли мысль К. Ясперса, что вера человека в свои возможности, т. е. философская вера, ведет к его свободе?

Философская герменевтика

Ханс-Георг Гадамер (1900–2002) – немецкий философ, ученик Хайдеггера, один из классических представителей философской герменевтики.

131. «Отношение человека к миру в противоположность всем другим живым существам характеризуется свободой от окружающего мира. Эта свобода включает в себя языковое строение мира. Противостоять натиску встречающихся в мире вещей, возвыситься над ними – значит иметь язык и иметь мир... Везде, где есть язык и есть человек, человек этот не только возвышается или уже возвысился над натиском мира, – но эта свобода от окружающего мира есть вместе с тем свобода по отношению к именам, которыми мы наделяем вещи, о чем и говорится в Книге Бытия, сообщающей, что Адам получил от Бога власть давать имена вещам... Возвышение человека над окружающим миром является для человека возвышением к миру; он не покидает окружающий мир, но становится к нему в другую позицию, в свободное, дистанционное отношение, осуществление которого всегда является языковым... Язык в его употреблении есть свободная и вариативная возможность человека... Язык человека вариативен, поскольку предоставляет человеку различные возможности для высказывания одного и того же... Возможности взаимного объяснения у животных не знают такой вариативности... Хотя они и объясняются друг с другом, но отнюдь не по поводу самих вещей и обстоятельств, совокупность которых и есть мир. Это со

всей ясностью видел уже Аристотель: если крик зверя лишь призывает сородичей к определенному поведению, то языковое взаимопонимание с помощью логоса раскрывает само сущее...».

(Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988. С. 513–515).

Вопросы: Чем характеризуется отношение человека к миру? В чем проявляется «свобода человека от окружающего мира»? Какую роль играет язык в жизни человека? Какую власть получил Адам от Бога? Что означает: «язык человека вариативен»? Чем отличается язык человека от языка животных?

Андре Моруа (наст. имя Эмиль Эрзог) (1885–1967) – французский писатель. Романы «Превратности судьбы», «Семейный круг», романтизированные биографии («Три Дюма» и др.).

132. О жизненных правилах.

«Во-первых, нельзя жить для себя. Думая только о себе, человек всегда найдет тысячу причин чувствовать себя несчастным. Никогда он не делал всего того, что хотел и должен был делать, никогда не получал всего того, чего, по его мнению, заслуживал, редко был любим так, как мечтал быть любимым. Без конца пережевывая свое прошлое, он будет испытывать одни сожаления да угрызения совести, меж тем и то и другое бессмысленно. Зачеркнуть прошлое все равно невозможно, попытайтесь лучше создать настоящее, которым вы впоследствии сможете гордиться. Разлад с самим собой – худшее из зол. Всякий, кто живет ради других – ради своей страны, ради женщины, ради творчества, ради голодающих или гонимых, – словно по волшебству забывает свою тоску и мелкие житейские неурядицы. Второе правило – надо действовать. Вместо того чтобы жаловаться на абсурдность мира, постараемся преобразить тот уголок, куда забросила нас судьба. Мы не в силах изменить вселенную, да и не стремимся к этому. Наши цели ближе и проще: заниматься своим делом – правильно выбрать его, глубоко изучить и достичь в нем мастерства. У каждого свое поле деятельности: я пишу книги, инженер делает расчеты и т. д. Если человек в совершенстве овладел каким-нибудь ремеслом, работа приносит ему счастье... Третье правило – надо верить в силу воли. Неверно, что будущее целиком и полностью предопределено. Великий человек может изменить ход истории. Тот, у кого достанет смелости захотеть, может изменить свое будущее. Безусловно, никто из нас не всемогущ; человеческая свобода имеет свои пределы. Я не в силах выиграть битву, но я в силах быть храбрым солдатом и исполнить свой долг. И поскольку «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнем», нужно, не задумываясь об их ограниченности, быть всегда в форме. Давая себе поблажки, человек ленится и трусит; усилием воли он заставляет себя трудиться на совесть и совершать геройские поступки. Быть может, воля и есть царица добродетелей. Не менее

важно и четвертое правило – надо хранить верность. Верность слову, обязательствам, другим, самому себе. Надо быть из тех людей, которые никогда не подводят. Верность – добродетель не из легких. Человека ждет тысяча искушений. Вы скажете: «...Если я избрал профессию, а потом разочаровался в ней, я не могу ее сменить? Если я вступил в организацию и вижу, что она состоит сплошь из ничтожеств и алчных проходимцев, я не могу перейти в другую, удостоверившись, что она состоит из более достойных людей?» Нет. Верность не должна быть слепой. Однако не забывайте, что часто в основе неверности лежит не столько неудачный выбор, сколько обыкновенная привередливость. Наверно, эти жизненные правила покажутся вам и слишком строгими, и слишком общими. Я прекрасно это понимаю, но других предложить не могу. Я не требую от вас, чтобы вы прожили жизнь суровым стойком. Развивайте в себе чувство юмора. Будьте способны улыбнуться своим – и моим – словам и поступкам. Если вы не можете побороть свои слабости, смиритесь с ними, но не забывайте, в чем ваша сила. Всякое общество, где граждане думают только о почестях и удовольствиях, всякое общество, которое допускает насилие и несправедливость, всякое общество, где люди не испытывают ни малейшего доверия друг другу, всякое общество, члены которого ни к чему не стремятся, – обречено. Пока Рим был Римом героев, он процветал; стоило ему перестать чтить ценности, которые его породили, и он погиб. Технический прогресс изменяет виды деятельности, но значимость деяния и потребность в нем остаются неизменными. Так было прежде и так будет всегда».

(Моруа А. Открытое письмо молодому человеку о науке жить // Сенека. Честерфильд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 309–311).

Вопросы: Проанализируйте жизненные правила, предлагаемые автором. Какие из этих правил Вы готовы принять и следовать им в своей жизни? С какими мыслями А. Моруа Вы не согласны?

Ричард Бах (р. 1936) – американский писатель. По профессии летчик. Широкую известность получила его повесть «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

133. «Внутри нас право выбора и сила согласия с тем, что нами избрано. Избрав же здоровье, мы соглашаемся жить во здравии, и согласием нашим выбор силу обретает. Избрав же быть больным, таковыми делаемся мы силою согласия своего. Ибо сами себе избираем благополучие и нищету, свободу и рабство. Никто другой, но мы сами делаем выбор, и соглашаемся мы, и сами становимся у руля».

(Бах Р. Избранное: в 2 т. /пер. с англ. Киев, 1993. Т. 1. С. 362–363).

Вопросы: Прав ли автор? Определяется ли жизнь человека только нашим выбором? Проанализируйте отрывок под углом зрения взаимосвязи бессознательного, подсознательного и сознательного. Можно ли применить мысли автора для собственной жизни? Что Вы хотите выбрать для себя?

134. «Памятка для возвысившейся души».

«Ваша единственная обязанность в любой из данных вам жизней – быть верным самому себе.

Ты учишь лучше всему тому, чему тебе самому больше всего нужно научиться...

Живи так, чтобы никогда не было стыдно, если что-то, что ты делаешь или говоришь, станет известно всему свету – даже если то, что будет обнародовано, будет неправдой.

Твои друзья с первой минуты вашего знакомства будут знать тебя лучше, чем все прочие могли бы узнать тебя через тысячу лет.

Не отворачивайся от возможностей будущего, пока ты не уверен, что там нет ничего, чему ты можешь у них научиться. Ты всегда волен передумать и выбрать другое будущее или другое прошлое...

Не существует такой проблемы, в которой не был бы заключен дар для тебя. Ты ищешь проблемы, потому что тебе нужны их дары...

Узы, которые связывают твою истинную семью, не есть узы крови, но узы уважения и радости к жизни друг друга. Редко члены одной семьи вырастают под одной крышей...

Утверждая, что ты чего-то не можешь, ты лишаешь себя Всемогущества...

Небо знает, куда и зачем плывут облака и какая картина ими пишется, и ты тоже узнаешь, когда поднимешься достаточно высоко, чтобы видеть за горизонтом...

Каждое желание дается тебе вместе с силами, необходимыми для его осуществления. Возможно, однако, для этого тебе придется потрудиться...

Мир – это твоя ученическая тетрадь, на страницах которой ты решаешь свои задачки. Это не есть реальность, хотя ты можешь отразить реальность там, если захочешь. Ты также волен написать чепуху или ложь или разорвать страницы...

Если ты какое-то время попрактикуешься, живя как вымышленный персонаж, то ты поймешь, что вымышленные характеры иногда более реальны, чем люди с телом и сердцем...

Твоя совесть есть мера честности твоего эгоизма. Прислушайся к ней внимательно...

Каждый человек появляется в твоей жизни, все события случаются с тобой потому, что ты притянул их сюда. Как ты выберешь поступить с ними, зависит от тебя...

Истина, которую ты изрекаешь, не имеет ни прошлого, ни будущего. Она есть и это всё, что ей нужно...

Вот тест, чтобы узнать, закончена ли твоя миссия на земле: если ты жив, – она продолжается...

Не приходи в уныние при расставаниях. Прощание необходимо, чтобы встретиться снова. А новая встреча, спустя мгновение или жизнь, несомненно будет – для настоящих друзей...

Признаком твоего невежества служит глубина твоего верования в несправедливость и трагедию. То, что гусеница называет концом света, Учитель называет бабочкой».

Бах Р. Избранное: в 2 т. /пер. с англ. Киев, 1993. Т. 1. С. 391–394, 398, 405, 413, 425–426, 429, 434–435, 439, 444, 447, 455, 457.

Вопросы: Проанализируйте эти высказывания. Найдите в них «зерна истины». Какие из данных высказываний соответствуют Вашему духовному миру и весьма актуальны для Вас сейчас?

135. Подумайте над следующими суждениями.

«Малое изменение сегодня приводит нас к драматически другому завтра...

Большая награда ждет того, кто выбирает трудные пути, но награды спрятаны за годами.

Каждый выбор делается в обстановке равнодушной слепоты безо всяких гарантий со стороны окружающего нас мира...

Единственным способом избежать пугающих выборов остается бегство из общества, чтобы стать отшельником. Но это и есть пугающий выбор...

Никто не может решить проблемы вместо другого, чьей проблемой является нежелание разрешать проблемы!

Не имеет значения, насколько мы квалифицированы или заслуженны, мы никогда не достигнем лучшей жизни, пока не сможем представить ее себе и позволить себе ее иметь!

Овеществление – это выражение мысли и выбора. Оглядишься: всё, что ты видишь и чего касаешься, когда-то было невидимой мыслью, пока кто-нибудь не выбрал ее для воплощения в реальность...

Плохое – это не худшее, что может с нами произойти. НИЧТО – вот худшее, что может случиться с нами!

Легкая жизнь ничему не учит нас. В конце концов, имеет значение только знание: чему мы научились и как мы выросли...

У нас могут быть оправдания, у нас могут быть здоровье, любовь, долговечность, понимание, приключения, деньги, счастье. Мы проектируем наши жизни силой наших выборов. Мы чувствуем себя бесконечно несчастными, когда совершаем выбор по умолчанию, когда не сами создаем свои жизни...

Каждому из нас при рождении дается блок необработанного материала и инструмент, чтобы высечь из него скульптуру...

Мы можем тащить его нетронутым, мы можем погрузить его в могилу, мы можем сформировать из него величие...

Нам оставлены примеры из каждой следующей жизни для наблюдения, завершённые и незавершённые жизни, ведущие и предупреждающие...

У самого финиша наша скульптура почти закончена, мы можем сгладить и отполировать начатое годы назад. Мы можем значительно продвинуться в этот период, но, делая это, мы вынуждены смотреть на все сквозь призму возраста... Мы генерируем свое собственное окружение. Мы получаем именно то, что заслуживаем. Как можем мы возмущаться жизнью, которую мы сами создали? Кого обвинять, кому доверять, кроме нас самих? Кто, кроме нас, может изменить это в любое время, как только пожелает?

Любая мощная идея абсолютно восхитительна и абсолютно бесполезна, пока мы не выберем ее для использования...

Не бывает несчастья, которое не могло бы превратиться в благо, и не бывает блага, не могущего принести несчастья».

(Бах Р. Избранное: в 2 т. / пер. с англ. Киев, 1993. Т. 1. С. 419–426).

Вопросы: Выбираем ли мы свою судьбу? Можно ли в какой-то степени прогнозировать свою жизнь? Согласны ли Вы с автором, утверждающим, что «легкая жизнь ничему не учит нас», а тот, кто выбирает трудный путь, будет вознагражден? Несем ли мы ответственность за сделанный нами выбор? Может ли кто-нибудь решить за Вас Ваши проблемы, если Вы не хотите их решать? Как складывается жизнь человека, «чьей проблемой является нежелание разрешать свои проблемы»? Достигнем ли мы лучшей жизни, если «позволим себе ее иметь»? То, как складывается жизнь человека, зависит только от его желаний или еще от каких-то других факторов? Начали ли Вы проектировать свою жизнь? Всегда ли «мы получаем именно то, что заслуживаем»? Можем ли мы в любое время изменить свою жизнь? Идея изменения своей жизни без ее реализации абсолютно бесполезна или нет? Стараетесь ли Вы изменить свой внутренний мир и свою жизнь?

II. Русская философия

Русская философия 50–70-х гг. XIX века

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) – великий русский писатель, религиозный мыслитель, философ-моралист.

136. «Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такой, зачем живу и зачем живут окружающие все меня люди? и главный, самый волнительный вопрос, так ли я живу и все окружающие меня люди? Верьте себе и тогда, когда все ответы,

которые представляются вам на эти вопросы, будут не согласны с теми, которые внушены вам в детстве, будут не согласны и с той жизнью, в которой вы найдете себя живущими вместе с остальными людьми, окружающими вас. Не бойтесь этого разногласия; напротив, знайте, что в этом разногласии выразилось самое лучшее, что есть в вас, – то божественное начало, проявление которого в жизни составляет не только главный, но единственный смысл нашего существования... Не верьте тогда людям, которые со снисходительной улыбкой скажут вам, что и они когда-то искали ответов на эти вопросы, но не нашли, потому что нельзя найти иных, кроме тех, которые приняты всеми. Не верьте этому, а верьте только себе и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на ваших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь... Не верьте людям, которые будут говорить вам, что ваши стремления только неисполнимые мечты молодости, что и они также мечтали и стремились, но жизнь скоро показала им, что она имеет свои требования, что надо не фантазировать о том, какая бы могла быть ваша жизнь, а стараться наилучшим образом согласовать свои поступки с жизнью существующего в обществе и стараться только о том, чтобы быть полезным членом этого общества. Не верьте и тому, особенно усиливающемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека – это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому, эта цель ничтожна перед целью проявления в себе того Божественного начала, которое заложено в душе вашей... Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличиться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни (такие желания часто подменяют желания добра), а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, поскольку в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот Бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас, подобное ему, начало жить по божьи, как говорят мужики. Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете все, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира... Да, верьте себе в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет сознания своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом одном, в разгорании этого света – единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека».

(«Верьте себе (обращение к юношеству)»).

(Толстой Л.Н. Путь к жизни. М., 1993. С. 492–494).

Вопросы: Проанализируйте советы, которые дает Л.Н. Толстой молодежи. В чем видит автор смысл человеческого существования? Согласны ли Вы с его утверждением, что смысл существования человека выражается в проявлении в нем божественного начала? Какую философскую позицию отстаивает Л.Н. Толстой? Нужно ли молодым людям бояться несогласия со взглядами окружающих людей? Надо ли, по мнению Л.Н. Толстого, быть «полезным членом общества» и содействовать его переустройству, «употребляя для этого всевозможные средства»? Согласны ли Вы с ним? «Проявление в себе Бога», с точки зрения автора, означает ли то, что человек становится более нравственным и духовно богатым? Чем отличается стремление «быть лучше», как это понимает Л.Н. Толстой, от стремления к самосовершенствованию? Прав ли Л.Н. Толстой, утверждая, что человек должен стремиться «быть лучше», а не заниматься самосовершенствованием, ибо в последнем «есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию»? Когда стремление к самосовершенствованию дает позитивные, а когда негативные социальные результаты? Может ли стремление к самосовершенствованию неверующего человека быть благоприятным для него и для общества?

137. «Цель жизни есть проникновение всех ее явлений любовью, есть медленное, постепенное претворение злой жизни в добрую, есть творчество истинной жизни, потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная, есть рождение истинной, т. е. любовной жизни... То ли ты делал, что нужно делать, – получает огромную важность, потому что единственный смысл жизни твоей только в том, то ли ты делаешь в этот короткий, данный тебе срок жизни, чего хочет от тебя тот, кто послал тебя в жизнь. То ли ты делаешь?.. Когда что-либо тебя огорчает и мучает, подумай: 1) как много худшее могло бы с тобою случиться и случается с другими людьми; 2) вспомни, как в прежнее время огорчали и мучили тебя такие события или обстоятельства, о которых теперь ты вспоминаешь спокойно и совершенно равнодушно, и 3) главное, подумай о том, что то, что огорчает и мучит тебя, есть только испытание, на котором ты можешь проявить твою веру и укрепить ее... Есть три двигателя жизни человеческой: а) чувство, вытекающее из различных общений человека с другими существами, б) подражание, внушение, гипноз и в) вывод разума. На миллион поступков, совершающихся вследствие первых двух двигателей, едва ли один совершается на основании доводов разума. Распределение это происходит и в каждом человеке (т. е. человек из миллионов поступков совершает один по разуму), и в различных людях... Жизнь есть то, что открывается через сознание, и она всегда и везде есть. Наше заблуждение в том, что то, что закрывает от нас жизнь, мы признаем жизнью... Жизнь как отдельного человека, так и всего человечества есть непрестанная борьба плоти и духа. В борьбе этой дух всегда остается победителем, но победа эта

никогда не окончательная, борьба эта бесконечна, она-то и составляет сущность жизни... Бог дал дух свой, любовь, разум, чтобы служить ему; а мы этот дух употребляем на служение себе, – употребляем топор на то, чтобы строгать топорнице... Как ужасен был бы мир, если бы не рождались постоянно дети, несущие с собой невинность и возможность всякого совершенства... Доброе дело совершается всегда с усилием, но когда усилие повторено несколько раз, то то же дело становится привычкой... Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не обличила его... Всякая истина имеет своим началом Бога. Когда она проявляется в человеке, то это не показывает того, чтобы она исходила из человека, но только то, что человек имеет свойство такой прозрачности, что может проявлять ее... Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь – следствие, а не причина. Причина любви – сознание в себе божеского, духовного начала. Это сознание требует любви, производит любовь... Любовь и разум суть те две стороны, с которыми мы можем созерцать Бога... Покаяние только тогда действительно, когда человек воздержался от того, в чем каялся... Человек есть дробь. Числитель это – сравнительно с другими – достоинства человека; знаменатель – это оценка человеком самого себя. Увеличить свой числитель – свои достоинства, не во власти человека, но всякий может уменьшить свой знаменатель – свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству.... Действительно только то, что невидимо, неосознано, что духовно и что мы сознаем в себе и собою. Все же видимое, осознано есть произведение наших чувств и потому только кажущееся...»

(Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2013. С. 57, 59, 66, 71, 74, 87, 114, 152, 157–158, 170, 177, 188–189, 195).

Вопросы: В чем цель жизни человека, по мнению Л.Н. Толстого? Что, с точки зрения автора, «есть творчество истинной жизни»? Какую роль, по мнению Л.Н. Толстого, играет любовь в жизни человека? Задайте себе вопрос: «То ли ты делаешь»? Как поступать, «когда что-либо тебя огорчает и мучает»? Какие три двигателя человеческой жизни выделяет автор? Что же определяет поведение человека, с точки зрения Л. Толстого, – разум или бессознательная сфера нашей психики? Согласны ли Вы с позицией автора? Прав ли Л.Н. Толстой, утверждая, что «жизнь есть непрерывающаяся борьба плоти и духа»? Кто побеждает в этой борьбе? Что составляет сущность жизни? Почему иногда человек начинает бояться истины? Как он воспринимает людей, несущих истину? Как считает Л. Толстой: истина исходит от человека или от Бога? Что такое любовь, по мнению автора? Что такое «покаяние»? Как понимать слова Л.Н. Толстого, что «человек есть дробь»? Что является числителем, а что знаменателем этой дроби? Какие из приведенных мудрых мыслей Л. Толстого Вам нравятся?

Русская философия всеединства

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – русский философ, создавший всеобъемлющую философскую систему, публицист и богослов.

138. «В самом деле, если в наших словах и жестах мы должны различать их содержание, т. е. то, что ими выражается, от их механизма, т.е. от материальных орудий и способов этого выражения, то точно такое же различие необходимо является и относительно наших мыслей, для которых вибрирующие мозговые частицы представляют такой же механизм, каким являются голосовые органы для нашей речи (которая и есть только мысль, переведенная из мозгового аппарата в голосовой). Таким образом, допуская необходимую материальную связь между мозгом и мыслью, допуская, что движение мозговых частиц суть материальная причина мысли, мы нисколько не устраняем очевидного формального различия и даже несоизмеримости между внешним механизмом мозговых движений и собственным содержанием мысли, которое этим механизмом осуществляется... Механизм какого бы то ни было процесса и социальное (точнее, идейное) содержание, в нем реализуемое при каких бы то ни было отношениях, при какой бы то ни было материальной связи, во всяком случае представляют нечто формально различное и несоизмеримое между собою, вследствие чего прямое заключение от свойств одного к свойствам другого, например, от условности механического процесса к условности самого его содержания, является логически невозможным».

(Соловьев В.С. Чтение о богочеловечестве // Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 27–28).

Вопросы: Можно ли отождествлять мысль и «механизм мозговых движений»? Представители какого направления в философии их отождествляют? Существуют ли в наше время подобные тенденции? В чем это выражается? Прав ли Соловьев, утверждая, что «механизм какого бы то ни было процесса и социальное содержание, в нем реализуемое, представляют нечто формально различное и несоизмеримое между собою»?

139. «Какое может быть безусловное содержание у жизни, когда она есть необходимый естественный процесс, со всех сторон обусловленный, материально зависимый, совершенно относительный? Без сомнения, жизнь есть естественный, материально обусловленный процесс, подлежащий законам физической необходимости... Как скоро мы допустим, что жизнь мира и человечества не есть случайность без смысла и цели... а представляет определенный, цельный процесс, так сейчас же потребует признать содержание, осуществляемое этим процессом, – содержание, к которому все материальные условия процесса, весь его механизм, относились бы как

средства к цели, как способы выражения к выражаемому... Вся механическая сторона всемирной жизни, вся совокупность природных сил и движений может иметь значение только как материал и как орудие для внешнего осуществления всеобщего содержания, которое независимо само в себе ото всех этих материальных условий, которое таким образом безусловно. Такое содержание вообще называется идеей. Да, жизнь человека и мира есть природный процесс... смена явлений, игра естественных сил, но эта игра предполагает играющих и то, что играется, – предполагает безусловную личность и безусловное содержание или идею жизни... Должно заметить, что содержание или идея различается не только от внешней, но и от внутренней природы: не только внешние физические силы должны служить средством, орудием или материальным условием для осуществления известного содержания, но точно так же и духовные силы: воля, разум, чувство – имеют значение лишь как способы или средства осуществления определенного содержания, а не сами составляют это содержание... Как механический процесс физических движений есть только материальная почва для идеального содержания, так точно и механический процесс душевных явлений, связанных между собой по психологическим законам, столь же общим и необходимым, как законы физические, может иметь значение только как способ выражения или реализации определенного содержания... Вследствие способности к сознательному размышлению, к рефлексии человек подвергает суждению и оценке все фактические данные своей внутренней и внешней жизни: он не может остановиться на том, чтобы хотеть только потому, что хочется, чтобы мыслить только потому, что мыслится, или чувствовать только потому, что чувствуется, – он требует, чтобы предмет его воли... был объективно-желательным или был его объективным благом, точно так же он требует, чтобы предмет и содержание его мысли были объективно-истинны и предмет его чувства был объективно-прекрасен, т. е. не для него только, но для всех безусловно... От человека и человечества требуется не только, чтобы оно жило, но чтобы оно жило хорошо. Чем определяется доброе качество воли, как не ее соответствием с тем, что признается объективно-желательным или признается само по себе благом? Всякому ясно, что хорошая воля, направленная на ложные цели, может производить только зло... Тривиальное различение добра и зла, истинного и ложного, прекрасного и безобразного – это различение уже предполагает признание объективного и безусловного начала в этих трех сферах духовной жизни... При этом различении человек утверждает, что и в нравственной деятельности, и в знании, и в чувстве, и в художественном творчестве, исходящем из чувства, есть нечто нормальное, и это нечто должно быть, потому что оно само в себе хорошо, истинно и прекрасно, другими словами, что оно есть безусловное благо, истина и красота. Итак, безусловное начало требуется и умственным, и нравственным, и эстетическим интересам человека. Эти три интереса в их единстве составляют интерес религиозный, ибо как воля, разум и чувства суть силы единого духа, так и соответствующие им предметы

суть лишь различные виды (идеи) единого безусловного начала, которое в своей действительности и есть собственный предмет религии».

(Соловьев В.С. Чтение о богочеловечестве // Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 27–32).

Вопросы: Отождествляет ли В. Соловьев «жизнь мира и человечества» как природный, естественный процесс и «содержание, осуществляемое этим процессом»? Что является главным, по мнению автора, идея (содержание) или материальный механизм ее выражения? Как Вы поняли: воля, разум и чувство «имеют значение лишь как средства осуществления определенного содержания» или сами составляют это содержание? Чем определяется доброе качество воли? Чем должен руководствоваться человек в нравственной, художественной и научной сферах духовной жизни? Что такое единое безусловное начало? Связаны ли воля, разум и чувство человека с единым безусловным началом? Что является собственным предметом религии? Согласны ли Вы с автором?

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – русский ученый-математик, философ, богослов, искусствовед, поэт-символист, инженер, лингвист. «Универсальный гений», «Паскаль нашего времени», «русский Лейбниц», «Леонардо да Винчи XX века», «один из величайших интеллектуалов всех времен» и «самый светоносный представитель Русской духовной жизни» – так называли Павла Флоренского.

140. «Сон – вот первая и простейшая, т. е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом. Пусть эта ступень есть низшая, по крайней мере чаще бывает низшей; но и сон, даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, – восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью. И мы знаем: на пороге сна и бодрствования, при прохождении промежуточной между ними области, этой границы их соприкосновения, душа наша обступается сновидениями. Нет нужды доказывать, что глубокий сон не сопровождается сновидениями, и лишь полусонное-полубодрственное состояние, именно граница между сном и бодрствованием, есть время, точнее время-среда возникновения сновидческих образов... Сновидения и суть те образы, которые отделяют мир видимый от мира невидимого, отделяют и вместе с тем соединяют эти миры. Этим пограничным местом сновидческих образов устанавливается отношение их как к миру этому, так и к миру тому. В отношении обычных образов зримого мира, в отношении того, что называем мы «действительностью», сновидение есть «только сон», ничто, но, однако, видимое, созерцаемое и тем сближающееся с образами этой «действительности». Но время его, а значит, и его основная характеристика построена обратно тому, чем стоит мир видимый. И потому,

хотя и видимое, сновидение насквозь телеологично, или символично. Оно насыщено смыслом иного мира, незримый, невещественный, непреходящий, хотя и являемый видимо и как бы вещественно. Оно – почти чистый смысл, заключенный в оболочку тончайшую, и потому почти всецело оно есть явление иного мира, того мира. Сновидение есть общий предел ряда состояний дольных и ряда переживаний горних, границы утончения здешнего и оплотнения – тамошнего. При погружении в сон – в сновидении и сновидением символизируются самые нижние переживания горного мира и самые верхние дольного: последние всплески переживаний иной действительности, хотя уже предназначаются впечатления действительности здешней. Вот почему сновидения вечерние, перед засыпанием, имеют преимущественно значение психофизиологическое, как проявление того, что скопилось в душе из дневных впечатлений, тогда как сновидения предутренние по преимуществу мистичны, ибо душа, наполненная ночным сознанием и опытом ночи, наиболее очищена и омыта ото всего эмпирического, – насколько она, эта индивидуальная душа, вообще способна в данном ее состоянии быть свободной от пристрастий чувственного мира. Сновидение есть означенное переходом от одной сферы в другую и символ. – Чего? – Из горного – символ дольного и из дольного – символ горного. Теперь понятно, что сновидение способно возникать, когда одновременно даны сознанию оба берега жизни, хотя и с разной степенью ясности. Это бывает, вообще говоря, при переправе от берега к берегу; а может быть, еще и тогда, когда сознание держится близ границы перехода и не совсем чуждо восприятию двойственному, т. е. в состоянии поверхностного сна или дремотного бодрствования. Все знаменательное в большинстве случаев бывает или через сновидение, или «в некоем тонком сне», или, наконец, – во внезапно находящихся отрывах от сознания внешней действительности. Правда, возможны и иные явления мира невидимого, но для них требуется мощный удар по нашему существу, внезапно исторгающий нас из самих себя, или же – расшатанность, «сумеречность» сознания, всегда блуждающего у границы миров, но не владеющего умением и силою самостоятельно углубиться в тот или другой. То, что сказано о сне, должно быть повторено с небольшими изменениями о всяком переходе из сферы в сферу. Так, в художественном творчестве душа восторгается из дольного мира и всходит в мир горний. Там, без образов она питается созерцанием сущности горного мира, осязает вечные ноумены вещей и, напившись, обремененная ведением, нисходит вновь в мир дольный. И тут, при этом пути вниз, на границе вхождения в дольное, ее духовное стяжание облекается в символические образы – те самые, которые, будучи закреплены, дают художественное произведение, ибо художество есть плотневшее сновидение. Но тут, в художественном отрыве от дневного сознания, есть два момента, как есть два рода образов: переход через границу миров, соответствующий восхождению, или вхождению в горнее, и переход нисхождения долу. Образы же первого – это отброшенные одежды дневной суеты, накипь души, которой нет места в ином мире, вообще – духовно неустроенные элементы нашего существа; тогда как образы нисхождения – это

выкристаллизовавшийся на границе миров опыт мистической жизни. Заблуждается и вводит в заблуждение, когда под видом художества художник дает нам все то, что возникает в нем при подымающем его вдохновении, – раз только это образы восхождения: нам нужно предутренние сны его, приносящие прохладу вечной глазури, а то, другое, есть психологизм и сырье, как бы ни действовали они сильно и как бы ни было искусно разработаны. Вдумавшись же нетрудно различить и те, и другие по признаку времени: художество нисхождения, как бы оно ни было несвязно мотивировано, очень телеологично – кристалл времени во мнимом пространстве; напротив, при большой даже связности мотивировок художество восхождения построено механически, в соответствии со временем, от которого оно отправлялось. Идя от действительности в мнимое, натурализм дает мнимый образ действительного, пустое подобие повседневной жизни; художество же обратное – символизм – воплощает в действительных образах иной опыт и тем даваемое им делается высшею реальностью».

(Флоренский П. Иконостас. СПб., 2014. С. 6, 17–20).

Вопросы: Что возникает «на пороге сна и бодрствования»? Какие два мира выделяет автор? Что, по мнению П. Флоренского, связывает видимый и невидимый миры? Чем отличается сновидение от действительности? Что отражается в вечерних и предутренних сновидениях? Через какие явления обнаруживается невидимый мир? Как понимать слова автора, утверждающего, что «в художественном творчестве душа восторгается из дольного мира и всходит в мир горний», а затем, «напившись, обремененная ведением, нисходит вновь в мир дольный»? Когда (на пути вверх или вниз) возникают символические образы, которые и дают художественное произведение? Чем отличаются «образы восхождения» от «образов нисхождения»? Что имеет в виду П. Флоренский, выделяя «художество восхождения» и «художество нисхождения», и какому из них он отдает предпочтение? Какое из них связано с натурализмом, а какое – с символизмом? Почему натурализм дает «мнимый образ действительности, пустое подобие повседневной жизни», а символизм в действительных образах воплощает «иной опыт и тем даваемое им делается высшей реальностью»?

Семен Людвигович Франк (1877–1950) – выдающийся представитель русской религиозной философии Серебряного века. Развивал идеи «всеединства» в духе В. Соловьева.

141. «Существует ли прогресс в морали? Не радует нас больше и прогресс науки и связанное с ним развитие техники. Путешествия по воздуху, о котором человечество мечтало веками, стали уже будничным, обычным способом передвижения. Но для чего это нужно, если не знаешь, куда и зачем лететь,

если на всем свете царит та же скука, безысходная духовная слабость и бессодержательность? А когда подумаешь, что единственным реальным результатом этого развития воздушных сообщений является возможность превратить войну в быстрое и беспощадное убийство населения целых стран, в кошмарно-апокалиптическое истребление европейского человечества огнем с неба, то трудно духовно увлечься его успехами и разве только в припадке безумного отчаяния можно злорадно усмехнуться сатанинской мечте о самоуничтожении гибнущей Европы. Общее развитие промышленной техники, накопление богатства, усовершенствование внешних условий жизни – все это вещи неплохие и, конечно, нужные, но нет ли во всем этом какой-то безнадежности работы над сизифовым камнем, раз неудержимое влечение к промышленно-торговому развитию привело через войну к всеобщему разорению и обнищанию? Возможно ли сейчас еще та юная, наивная вера, с которой работали над накоплением богатства и развитием производства целые поколения людей, видевшие в этом средство к достижению какой-то радостной, последней цели? И нужно ли, в самом деле, для человеческого счастья это безграничное накопление, это превращение человека в раба вещей, машин, телефонов и всяческих иных мертвых средств его собственной деятельности? У нас нет ответа на эти вопросы; но у нас есть сомнения и неверие, которых мы прежде не знали. А духовные ценности европейской культуры, чистые и самодовлеющие блага искусства, науки и нравственной жизни? Но и на все это мы невольно смотрим теперь иным, скептическим взором. Здесь достаточно сказать, что мы как-то за это время утратили веру именно в самое наличие нравственной жизни, нравственных устоев культурного человечества; все это именно и оказалось неизмеримо более шатким, двусмысленным, призрачным, чем оно казалось ранее. Мы потеряли веру в «прогресс» и считаем прогресс понятием ложным, туманным и произвольным. Человечество вообще и европейское человечество в частности вовсе не непрерывно совершенствуется, не идет неуклонно по какому-то ровному и прямому пути к осуществлению добра и правды. Напротив, оно блуждает без предуказанного пути, подымаясь на высоты и снова падая с них в бездны, и каждая эпоха живет какой-то верой, ложностью или односторонностью которой потом изобличается. И, в частности, тот переход от «средневековья» к нашему времени, то «новое время», которое тянется уже несколько веков и которое раньше представлялось в особой мере бесспорным совершенствованием человечества, освобождением его от интеллектуальной, моральной и общедуховной тьмы и узости прошлого, расширением внешнего и внутреннего кругозора его жизни, увеличением его могущества, освобождением личности, накоплением не только материальных, но и духовных богатств и ценностей, повышением нравственного уровня его жизни, – это «новое время» изобличено теперь в нашем сознании как эпоха, которая через ряд внешних блестящих успехов завела человечество в какой-то тупик и совершила в его душе какое-то непоправимое опустошение и ожесточение. И в результате этого яркого и импонирующего развития культуры, просвещения, свободы и права человечество пришло на наших

глазах к состоянию нового варварства. «Прогресса» не существует. Нет такого заранее предуказанного пути, по которому бы шло человечество и который достаточно было бы объективно констатировать, научно познать, чтобы тем уже найти цель и смысл своей собственной жизни. Чтобы знать, для чего жить и куда идти, каждому нужно в какой-то совсем иной инстанции, в глубине своего собственного духа, найти себе абсолютную опору; нужно искать вех своего пути не на земле, где плывешь в безграничном океане, по которому бессмысленно движутся волны и сталкиваются разные течения, – нужно искать, на свой страх и ответственность, путеводной звезды в каких-то духовных небесах и идти к ней независимо от всяких течений и, может быть, вопреки им». Мы видим духовное варварство народов утонченной умственной культуры, черствую жестокость при господстве гуманитарных принципов, душевную грязь и порочность при внешней чистоте и благопристойности, внутреннее бессилие внешнего могущества. От туманного, расползающегося на части, противоречивого и призрачного понятия культуры мы возвращаемся к более коренному, простому понятию жизни и ее вечных духовных нужд и потребностей».

(Франк С.Л. Крушение кумиров // Сочинения. М., 1990. С. 139–143).

Вопросы: Признает ли С. Франк прогресс в области науки и техники? Почему научно-технические достижения человечества его не радуют? Как использовались научно-технические достижения человечества во время Второй мировой войны? В чем проявляются негативные и позитивные последствия научно-технического прогресса? Сопровождается ли прогресс в науке и технике прогрессом и в сфере морали? Верит ли автор в нравственный прогресс? Можно ли представлять нравственный прогресс в виде «ровного и прямого пути к осуществлению добра и правды»? Как на этот вопрос отвечает С. Франк? К какому выводу он приходит? Разве процесс развития морали во время Второй мировой войны не сопровождался одновременно и нравственной деградацией фашистов, и бессмертным героизмом советских людей? Согласитесь ли Вы с точкой зрения, отличающейся от позиции С. Франка: нравственный прогресс существует, носит противоречивый характер и темпы развития нравственности не совпадают с темпами научно-технического прогресса? Какую роль в определении цели и смысла жизни человека, по мнению С. Франка, играют духовные ценности? Согласны ли Вы с ним? К чему приводит «духовное варварство народов утонченной умственной культуры»? Кого автор имеет в виду? Как эти народы ведут себя по отношению к другим народам? Актуальны ли мысли С. Франка в наше время?

Русская религиозная философия XIX – XX веков.

Иван Александрович Ильин (1883–1954) – известный русский философ, правовед и политолог, писатель и блестящий публицист, теоретик и историк религии и культуры.

142. «Когда я наблюдаю современную жизнь, то мне часто кажется, что люди придают чрезмерное значение всякому имуществу и богатству, как будто большое состояние равносильно большому счастью. А это совсем не верно. Кто так думает и чувствует, тот, наверное, проживет несчастливую жизнь. И этому я научился у моего покойного прадеда...» Он объяснял мне так: «Есть особое искусство владеть вещами; и в нем секрет земного счастья. Тут главное в том, чтобы не зависеть от своего имущества, не присягать ему. Имущество должно служить нам и повиноваться. Оно не смеет забирать верх и господствовать над нами. Одно из двух – или ты им владеешь, или оно на тебе поедет. Только заметит, что ты ему служишь, так и начнет подминать тебя и высасывать. И тогда уж держись: проглотит тебя с душой и телом. И тогда тебе конец: оно займет твое место и станет твоим господином... Оно станет главным в жизни... Вот самое важное: человек должен быть свободен; да не только от гнета людей, но и от гнета имущества. Какая же это свобода: от людей независим, а имуществу своему раб? Свободный человек должен быть свободным и в богатстве. Я распоряжаюсь; мое имущество покоряется. Тогда я им действительно владею, ибо власть в моих руках. Тут нельзя бояться и трепетать. Кто боится за свое богатство, тот трепещет перед ним: как бы оно не ушло от него, как бы оно не повергло его в бедность. Тогда имущество, как ночной упырь, начнет высасывать человека, унижать его и все-таки однажды, хотя бы в час смерти, покинет его навсегда... Имущество дается нам не для того, чтобы поглощать нашу любовь и истощать наше сердце. Напротив. Оно призвано служить нашему сердцу и выражать нашу любовь. Иначе оно станет бременем, идолом, каторгой... Кто верует в Бога, тот не может веровать в богатство, а кто раз преклонился перед чужим или перед своим богатством, тот сам не заметит, как начнет служить дьяволу... Дело не в том, чтобы отменить или запретить всякое имущество; это было бы глупо, противоестественно и вредно. Дело в том, чтобы, не отменяя имущество, победить его и стать свободным. Эта свобода не может прийти от других людей; ее нужно взять самому, освободить свою душу. Если мне легко думать о своем имуществе, то я свободен. Я определяю судьбу каждой вещи и делаю это с легкостью; а они слушаются. Мое достоинство не определяется моим имуществом; моя судьба не зависит от моего владения. Я не ночной сторож; я не побирушка, выпрашивающий копейку у каждого жизненного обстоятельства и прячущий ее потихоньку в чулок – стыдно дрожать над своими вещами, еще стыднее завидовать более богатым. Надо жить совсем иначе: где нужно, там легко списывать со счета; где сердце заговорит – с радостью дарить; снабжать, где у другого нужда; с радостью жертвовать, не жалея; не требовать возврата, если

другому не вмогугу; и братски забывать о процентах. Главное – никогда не трепетать за свое имущество: «Бог дал, Бог взял, да будет благословенна воля Его». Кто трясется за свое богатство, тот унижается, теряет свое достоинство, а низкому человеку с низкими мыслями лучше вообще не иметь богатства... Считают, что имущество есть накопленный труд, а по-моему, и труд, и имущество от духа и для духа. А дух есть прежде всего любовь. Поэтому у настоящего человека имущество есть запас сердца и орудие любви. Богатому человеку нужно много сердца; тогда можно считать, что он заслужил свое богатство. Много денег и мало сердца – значит, тяжелая судьба и дурной конец». И все это он навсегда врезал мне в душу... Эх, сколько свободы и доброты в русском человеке!.. И кажется мне, что прадед мой думал и жил как настоящий мудрец...»

(Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., 2013. С. 100–101, 103–107).

Вопросы: Прав ли автор, утверждая, что «люди придают чрезмерное значение всякому имуществу и богатству»? Приводит ли большое богатство к большому счастью? Как владеть вещами? Как человек должен относиться к имуществу и богатству? Нужно ли впадать в зависимость от них? Согласны ли Вы с мыслью, что надо быть «свободным в богатстве»? Что это значит? Что является истинным «имуществом» человека? Актуальны ли эти мысли?

143. «О России. Разве можно говорить о ней? Она – как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая ее, блюсти ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать... Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине. И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем вся она, – наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному, и потому властен все выразить, изобразить и передать. В нем гудение далеких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нем ласковые шорохи и хрусты. В нем травяные шелесты и вздохи. В нем клекот, и грай, свист, и щебет птичий. В нем громы небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие, и плески чуть слышные. В нем вся, поющая русская душа: эхо мира, и стон человеческий, и зеркало божественных видений... Пока звучит он, в своей неопишуемой музыкальности, в своей открытой четкой, честной простоте, в своей скромности, в коей затаилась великая власть, в своем целомудрии, в своей кованости и

ритмической гибкости, – кажется, что это звучат сами именуемые предметы, знаменуя о самих себе и о том большем, что скрыто за ними. А когда смолкают его звуки, столь властные и столь нежные, – то водворяется молчание, насыщенное высказанными несказанностями... Это язык острой, режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов. Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовет его – его язык... Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его, – в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме, и в ризах его органически выросшего правописания. Не любить его, не блюсти его, – значит не любить и не блюсти нашу Родину. А что есть человек без Родины? Чем были бы мы, если бы кому-нибудь удалось оторвать нас от нашей Родины? Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся увидеть и постигнуть Россию, когда они познают нашу речь. А до тех пор Россия будет им непонятна и недоступна; до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни политического пути. Пусть мир познает наш язык и через него впервые коснется нашей Родины. Ибо тогда, и только тогда он услышит не о Ней, а Ее. А о Ней – говорить нельзя. Она как живая тайна: Ею можно жить, о Ней можно вздыхать, Ей можно молиться; и, не постигая Ее, блюсти Ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать».

(Ильин И. Три речи о России // О России... Три речи: «Российский архив». Чехов, 1995).

Вопросы: Какую роль играет Родина в жизни человека? Что значит любить Родину? Как к ней надо относиться? Что есть человек без Родины? Что такое ностальгия? Любите ли Вы свой родной русский язык? Чем он отличается от других языков? В чем Вы видите красоту, богатство, многогранность и уникальность русского языка? Связан ли язык с душой народа? Можно ли познать особенности того или иного народа без знания языка этого народа?

144. «Французская революция XVIII века провозгласила и распространила вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и будто вследствие этого со всеми людьми надо обходиться «одинаково»... Этот предрассудок естественного равенства является главным препятствием для разрешения проблемы справедливости. Ибо сущность справедливости состоит именно в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми. Если бы люди были действительно равны, т. е. одинаковы телом, душой и духом, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко... На самом деле люди неравны от природы и неодинаковы ни телом, ни душой, ни духом.. Они рождаются существами различного пола; они имеют

неодинаковый возраст, неравную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей. От разных родителей рожденные, разной крови и наследственности, в разных странах выросшие, по-разному воспитанные, неодинаково образованные, с разными привычками и талантами, люди творят неодинаково и создают неодинаковое и неравноценное. Они духовно не одинаковы: все они различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим правосознанием. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ. Нельзя возлагать на них одинаковые обязанности. Нельзя давать им одинаковые права: дети, сумасшедшие и преступники не участвуют в политических голосованиях. Нельзя взыскивать со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше; есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. Раз люди неравны в разных отношениях, то справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми; напротив, она требует неравенства для неравных, но такого неравенства, которое соответствовало бы действительному неравенству людей... Но как «воздать каждому свое»? Итак, справедливость совсем не требует равенства. Она требует предметно-обоснованного неравенства. Ребенка надо охранять и беречь; это дает ему целый ряд справедливых привилегий. Слабого надо щадить. Безвольному надо больше строгости, честному надо больше доверять. С болтливым нужна осторожность. С одаренного человека справедливо взыскивать больше, герою подобают почести. И так во всем и всегда. Поэтому справедливость есть искусство неравенства. В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. Но в основе ее лежит также живая совесть и живая любовь к человеку. Есть особый дар справедливости, который присущ далеко не всем людям. Этот дар предполагает в человеке доброе, любящее сердце, живую наблюдательность, обостренную чуткость к человеческому своеобразию, способность вчувствоваться в других. Справедливые люди отвергают механическое трактование людей по отвлеченным признакам. Они созерцательны, интуитивны. Они хотят рассматривать человека индивидуально и постигают скрытую глубину его души... Вот почему справедливость есть начало художественное: она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие каждого человека, старается оценить его верно и обойтись с ним предметно. Она «внимательна», «справедлива», «бережна»; она сохраняет чувство меры, склонна к состраданию, к деликатному снисхождению и прощению. Она имеет много общего с «тактом». Она тесно связана с чувством ответственности. Она по существу своему любовна: она рождается от сердца и есть живое проявление любви. Безумно искать справедливость, исходя из ненависти, ибо ненависть завистлива, она ведет не к справедливости, а к всеобщему уравниванию... Она не чтит «высших способностей» (Достоевский). А справедливость сама по себе

одна из высших способностей человека, и призвание ее состоит в том, чтобы узнавать и беречь высшие способности... Справедливость не следует представлять себе по схемам «раз навсегда», «для всех людей», «повсюду». Ибо она именно не «раз навсегда», а живой поток индивидуальных отступлений. Она не «для всех людей», а для каждого в особенности. Она не «повсюду», а живет исключениями. Справедливость нельзя найти ни в виде общих правил, ни в виде государственных учреждений. Она не «система», а жизнь. Ее нужно представлять себе в виде потока живой и предметной любви к людям. Только такая любовь может разрешить задачу: она будет творить жизненную справедливость, создавать в жизни и в отношениях людей все новое и новое предметное неравенство. Вот почему в жизни важнее всего не «найденная раз навсегда» справедливость: это иллюзия, химера, вредная и неумная утопия. В жизни важнее всего живое сердце, искренне желающее творческой справедливости; и еще – всеобщая уверенность, что люди действительно искренне хотят творческой справедливости и честно ищут ее. И если это есть, тогда люди будут легко мириться с неизбежными несправедливостями жизни, условными, временными или случайными, и будут охотно покрывать их жертвенным настроением. Ибо каждый будет знать, что впереди его ждет истинная, т. е. художественно-любовная справедливость».

(Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., 2013. С. 18–26).

Вопросы: Как Вы относитесь к идее «естественного равенства» людей? Может ли идея «естественного равенства» способствовать социальной справедливости в обществе? В чем, по мнению автора, проявляется неравенство людей? Требуется ли справедливость равенства, с точки зрения И. Ильина? Прав ли автор, утверждая, что «справедливость есть искусство неравенства»? Какими качествами должны обладать справедливые люди? Все ли люди могут быть справедливыми? Все ли люди хотят этой справедливости? Что такое «творческая», «истинная», «художественно-любовная» справедливость, по мнению И. Ильина? Как Вы оцениваете позицию автора? Может быть, подлинная справедливость должна учитывать не только неравенство людей, как это делает И. Ильин, но и то общее, что есть между людьми, т. е. их равенство как представителей человеческого рода, определенной эпохи, страны, нации?

Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954) – религиозный философ, политолог, правовед, историк мировой и отечественной этической мысли.

145. «Закон есть прежде всего норма внешнего поведения, получившая религиозное значение; все это лишь «заповеди и учение человеческое», «закон заповеди плотской», в спасительность которого могут верить лишь на плоть

надеющиеся... «Закону» апостол Павел противопоставляет «веру» как непосредственное отношение между Богом и человеком, не через посредство приказов и запретов, а в интимно-сердечном соприкосновении любви; с нею связано ответное воздействие Божества, дарующего радость, «благодать» и утешение Духа Св., творящего Царство Божие при со-творчестве, при «кооперации» человека. Таким образом, закону можно противопоставлять веру, благодать, стяжание Духа Св., любовь, Царство Божие. Система этих понятий, переходящих одно в другое, выражает новую систему ценностей. «Закон» преграждает путь в Царство Божие, он есть преграда между людьми и преграда между Богом и человеком. На путях закона невозможно то интимно-сердечное взаимоотношение любви, взаимоотношение Богосыновства, которое спасает, преображает, «обоживает» человека и создает Царство Божие сначала «внутри нас», а затем и везде. Оно невозможно потому, что Закон есть «покрывало, лежащее на сердце». Бог закрыт для сердца человека, отделен завесой Закона. Нет отношений дружбы и сыновства, а есть отношение Законодателя и подданного, Владыки и раба. Раб боится взирать на Господина и лишь слышит его голос в императивах Закона. Покрывало закона снимается с сердца Христом. Сердце начинает жить в Духе и дышать духом свободы: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода»... Всякий закон касается всех сфер человеческой деятельности – религиозной, моральной и правовой. В нем есть важное и неважное, ценное и неценное, божественное и небожественное. Самое ценное в нем – это борьба со злом и запрещение преступления («не убий», «не укради» и т. д.). Однако и в этой борьбе закон постоянно терпит неудачу. Радикальное преодоление зла с христианской точки зрения достигается не внешним пресечением зла, не обратным злом, а положительным созиданием добра. Но закон не высшая творческая сила. Высшая творческая сила есть любовь. Более того любовь есть высшая ценность и святость, венец достижений, ибо «Бог есть любовь». «Любовь от чистого сердца и доброй совести, и нелицемерной веры». Вот чего Закон принципиально достигнуть не может, ибо в этих сферах Закон не действует, нельзя приказать или запретить любить; нельзя приказать или запретить «нелицемерно верить», ибо вынудить можно только лицемерие. Императивы закона касаются только внешних поступков и деяний... Что значит жить духовно? Это значит обладать тем «совершенством совести», тем преображением сердца, которое нельзя приказать законом, нельзя вынудить никакими императивами: «плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание». Если этих даров духа нет – их нельзя вынудить никаким законом; если они есть – закон не нужен; «на таковых нет закона». В законе, как сказано, есть важное и не важное, есть правда и неправда. Абсолютное соблюдение закона может в конкретном случае превратить «высший закон в высшее беззаконие». Христос показал, что оно может противоречить любви (например, соблюдение субботы как абсолютного запрета что-либо делать и, следовательно, делать добро). Христос утверждал, что «не человек для субботы, а суббота для человека». Конечно, эти нарушения закона являются

нарушениями не ради «беззакония», а во имя любви. Но для того чтобы решать, когда в конкретном случае нужно исполнить закон и когда нарушить – нужна высшая инстанция, совершенно независимая от закона и стоящая выше закона. Такой инстанцией является вера, как предвосхищение идеалов Царствия Божия, и любовь, связанная с нею, любовь, как непосредственная интуиция Богосыновства. В этом смысле человек выше закона и должен оставаться господином закона. Закон как заповедь человеческая может быть нарушен, если конкретное творчество любви разрывает формальные рамки нормы как общего правила, не могущего предусмотреть всего богатства конкретных ситуаций жизни. В этом случае закон может оказаться «мертвой буквой», убивающей жизнь. Но есть и другое, более полное отрицание нормы закона, когда сама норма отныне признается дурной и несправедливой. В законе есть божественное и небожественное. Дело в том, что Закон никогда не есть непосредственное единство человеческой и божественной воли. Закон всегда дается через посредника, через законодателя. Воля Божия проходит через призму человеческой природы; и притом через двойную призму: через природу дающего закон и через природу принимающего закон. Ибо закон должен быть приспособлен к духу народа, иначе он не будет принят! В силу этого если в законе есть элемент божественного, то в нем еще непременно есть элемент небожественного. Закон должен быть установлен людьми и принят людьми, хотя они старались бы выразить в нем идею божественной справедливости. И это есть творческий акт человеческой природы, которая всегда погрешает. Закон всегда подменяет заповедь Божию «заповедями человеческими»... Какая норма и в каком случае может быть нарушена, какая установлена и какая отменена? Нужна высшая инстанция, стоящая над законом. Полнота жизни не охватывается и не создается законом. Творчество истории неповторимо в каждой исторической ситуации. История творится верою, а не законом. Вера ведет людей во всех творческих начинаниях: «ожидание города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог». А закон творчески бессилен, ибо никогда не указывает конкретного деяния, а лишь ставит границы и запрещения. Но если закон не созидает жизни и веры, то вера, жизнь, история созидают закон. Нужно поклонение не закону, а поклонение Отцу в духе и истине; и оно прямо противоположно первому... Чтобы жить для Бога, надо умереть для закона. Закон разделяет людей, создает вражду. Христос «разрушает» эту преграду закона: закон есть «заповедь, отменяющаяся по причине ее немощи и бесполезности»... Каждая великая система ценностей имеет своих поклонников. Служители «закона» всегда гнали и будут гнать поклонников свободы и духа: пророков и мудрецов. Закон через своих служителей гонит пророческий дух, свободу и благодать. Так всегда было и будет, в этом есть вечный трагизм: всякий, кто захочет освободить от «проклятия закона», подвергнется сам проклятию закона».

(Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 18–19, 20–30).

Вопросы: Что противопоставляет закону апостол Павел? Какие отношения между Богом и человеком предполагает вера? Какое влияние оказывает закон на отношения Бога и человека? В чем проявляется противоречивость закона? Что ценного есть в законе? Почему закон «постоянно терпит неудачу», по мнению Б. Вышеславцева? В каких сферах закон не действует, и в чем проявляется его ограниченность? Почему, «если есть дары духа, то закон не нужен? Когда «высший закон» может превратиться «в высшее беззаконие»? Во имя чего возможно нарушение закона? Какая высшая инстанция решает, когда в конкретном случае нужно исполнить и когда нарушить закон? Прав ли Б. Вышеславцев, утверждая, что «человек выше закона», что «он должен оставаться господином закона»? В каких случаях закон может быть припят народом? В чем выражается элемент божественного и небожественного в законе? Является ли закон заповедью Бога? Чем «творится история человечества» – верою или законом, по мнению автора? О каких двух системах ценностей, противоположных друг другу, пишет Б. Вышеславцев? Какую систему ценностей принимает автор?

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – русский религиозный мыслитель, ведущий представитель христианского экзистенциализма, публицист.

146. «Наше понимание человека вообще, и каждого конкретного человека, очень запутывается тем, что человек имеет сложный состав и не так легко привести этот сложный состав к единству. Личность в человеке есть результат борьбы... В человеке, несомненно, есть двойное «Я», истинное, реальное, глубокое, и «Я», созданное воображением и страстями, фиктивное, тянущее вниз. Личность вырабатывается длительным процессом, выбором, вытеснением того, что во мне не есть мое «Я». Душа есть творческий процесс, активность. Человеческий дух всегда должен трансцендировать, подниматься к тому, что выше человека. И тогда лишь человек не теряется и не исчезает, а реализует себя. Человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве. Поэтому жертва есть путь реализации личности... Существует несколько «Я», но есть «Я» глубинное. Человек поставлен перед многими мирами в соответствии с разными формами активности: миром обыденной жизни, религиозным, миром научным, художественным, политическим или хозяйственным и т. д. И эти разные миры кладут печать на формирование личности, на восприятие мира. Наше восприятие мира всегда есть выбор, ограничение, многое выходит из поля нашего сознания. Таков всякий наш акт, например, чтение книги... каждый понимает лишь то, что находит в себе. Человек и очень ограничен, и бесконечен, и мало вместителен, и может вместить вселенную. Он потенциально заключает в себе всё и актуализирует лишь немного. Он есть живое противоречие, совмещение конечного и бесконечного... Человек совмещает высоту и низость... Раздельное состояние эмоций, волнений,

интеллектуально-познавательных процессов существует лишь в абстрактном мышлении, в конкретной действительности все предполагает всю душевную жизнь. Синтезирующий творческий акт создает образ человека, и без него было бы сочетание и смешение кусков и осколков. Ослабление духовности в человеке, утрата центра, и ведет к распадению на куски и осколки. Это есть процесс разложения, диссоциации личности. Но жизнь эмоциональная есть основной факт и фон человеческой жизни, без эмоциональности невозможно и познание. Карус, антрополог и психолог романтической эпохи, думал, что сознательное индивидуально, бессознательное же сверхиндивидуально. Это верно лишь в том смысле, что в глубине бессознательного человек выходит за границы сознания и приобщается к космическим стихиям. Но ядро индивидуальности лежит глубже сознания. С горечью нужно признать, что естественно, чтобы люди ненавидели и убивали друг друга, но сверхъестественно, духовно, чтобы они любили друг друга. Поэтому нужно было бы утверждать не естественное право, не естественную мораль и разум, а духовное право, духовную мораль, духовный разум. Ошибочно было бы относить целостность и свободу человека к примитивному, натуральному... в то время как отнесено это может быть лишь к духу... Все определяется актом духа, возвышающимся над естественным круговоротом...» (Трактат «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»).

(Цит. по: Мир философии. Человек. Общество. Культура. М., 1991. С. 48–49).

Вопросы: Почему «человек есть живое противоречие»? Какую роль играет духовность в человеке? К чему ведет ослабление духовности? Как творчество влияет на становление человека? Когда человек, по мнению Н. Бердяева, реализует себя? Почему «жертва есть путь реализации личности»? Какую роль играет эмоциональная сфера в жизни человека? Как влияет на человека сужение эмоциональной сферы в эпоху компьютеризации? Может ли бессознательное способствовать творческой деятельности человека? Чем отличаются «естественные» право, мораль, разум от «духовного» права, «духовной» морали, «духовного» разума? Каких философских позиций придерживается Н. Бердяев?

147. «Мучительность и драматизм человеческого существования в значительной степени зависит от закрытости людей друг от друга, от слабости той синтезирующей духовности, которая ведет к внутреннему единству и единению человека с человеком. Эротическое соединение в сущности оставляет страшную разобщенность и даже вражду... Существует единство человечества, но это есть единство духовное, единство судьбы. Когда пытаются решить вопрос о совершенной человеческой жизни, погружаясь в путь индивидуального нравственного и религиозного совершенствования, то видят, что необходим путь социального изменения и совершенствования. Когда

решают вопрос, погружаясь в путь социального изменения и совершенствования, то чувствуют необходимость внутреннего совершенствования людей». (Трактат «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»).

(Цит. по: Мир философии. Человек. Общество. Культура. М., 1991. С. 49).

Вопросы: Чем Н. Бердяев объясняет драматизм человеческого существования? О каком единстве человека с человеком он пишет? Всегда ли «эротическое соединение в сущности оставляет страшную разобщенность и даже вражду»? Прав ли Н. Бердяев? Что необходимо для «социального изменения и совершенствования», по мнению автора?

148. «...Человечность есть основа должного, желанного общества. Мы должны бороться за новое общество, которое признает высшей ценностью человека, а не государство, общество, нацию. Человеческой массой управляли и продолжают управлять, бросая хлеб и давая зрелища, управлять посредством мифов, пышных религиозных обрядов и праздников, через гипноз и пропаганду и всего более кровавым насилием. Это человеческое, слишком человеческое, но не человеческое. В политике огромную роль играет ложь и мало места принадлежит правде. На лжи воздвигались государства, и на лжи они разрушались... Без лжи все погребло бы в этом мире и наступила бы полная анархия... И не было еще революции, которая была бы сделана против неограниченной власти политики во имя человека и человечности. Человек не должен выносить надругательства над человеческим достоинством, насилия и рабства. В этом моральное оправдание революции. Но не все средства, практикуемые революцией, могут быть оправданы. Революция сама может совершать надругательства над человеческим достоинством, насиловать и порабощать. Меняются одежды, но человек остается старым. И человечность не торжествует. Человечность требует более глубокой духовной революции. Слишком часто понимали несение своего креста, как покорность злым, смирение перед злом... Но очищенный смысл христианского смирения совсем иной. Он означает внутренний духовный акт преодоления эгоцентризма, а не рабскую покорность. Люди постоянно совершают мифотворческие акты, чтобы тешить свой эгоцентризм. Они создают мифы о себе, своих предках, своей партии, о своем деле, чтобы повысить свое положение... Вот тут нужны внутренние акты смирения. Но их как раз менее всего требуют». (Трактат «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»).

(Цит. по: Мир философии. Человек. Общество. Культура. М., 1991. С. 51).

Вопросы: Чем отличается у Н. Бердяева человечность от человеческого? Как соотносятся понятия «человечность», «духовность» и «человеческое»? Справедливы ли рассуждения Бердяева о революции? В

чем «моральное оправдание революции»? Что означают слова Н. Бердяева: «человечность требует более глубокой, духовной революции»? Что такое эгоцентризм? Как он понимает «смысл христианского смирения»? Как понимает Н. Бердяев слова: «нести свой крест»? Найдите среди предполагаемых суждений позицию Н. Бердяева: 1. Это означает рабскую покорность; 2. Отказ от всякой свободы; 3. Смирение перед злом; 4. Духовный акт преодоления эгоцентризма. В каком суждении проявляется наиболее высокий уровень духовности и человечности?

149. «Мировая и социальная среда не только влияет на человека, но она и проецируется человеком изнутри... Человек прежде всего должен быть свободен, и это гораздо глубже, чем право человека на свободу. Из рабских душ нельзя создать свободного общества. Общество само по себе не может сделать человека свободным, человек должен сделать свободным общество, потому что он свободное духовное существо. Происходят колебания между старым режимом, тоталитаризмом, навязывающим обязательные верования, отсутствием свободы, подчинением личности обществу и государству и легкостью, поверхностью демократий, безверием и скептицизмом режимов либеральных. Правда в третьем, в творческом трудовом обществе. Человек творческое существо не только в космическом, но и теогоническом смысле... Происходит гуманизация не только самого человека, т. е. раскрытие его человечности, но и гуманизация природной и социальной среды... Человечность есть раскрытие полноты человеческой природы, т. е. раскрытие творческой природы человека. Эта творческая природа человека должна обнаружить себя и в человеческом отношении человека к человеку... Человечность связана с духовностью... Завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни. Но духовность надо понимать шире, чем обыкновенно ее понимают. Духовность нужна и для борьбы, которую ведет человек в мире. Без духовности нельзя нести жертвы и совершать подвиги... Дух есть не только иная реальность, чем реальность природного мира, но и реальность в другом смысле. Дух есть свобода и свободная энергия, прорывающаяся в природный и исторический мир. Дух есть свобода, а не природа. Дух есть не составная часть человеческой природы, а есть высшая качественная ценность. Духовная качественность и духовная ценность человека определяются не какой-то природой, а сочетанием свободы и благодати. Дух революционен в отношении к миру природному и историческому, он есть прорыв из иного мира в этот мир, и он опрокидывает принудительный порядок этого мира. Основной факт мировой жизни – освобождение от рабства... Свобода идет от духа. Дух есть не только свобода, но и смысл. Смысл мира духовен... Дух и духовность перерабатывают, преобразуют, просветляют природный и исторический мир, вносят в него свободу и смысл... Нельзя верить в прогрессирующее торжество, в развитие духа и духовности в истории, как верил Гегель... В истории мира мы видим объективизацию духа. Но

объективизация духа есть его умаление. Объективизация противоположна трансцендированию, т. е. движению к Богу. Но ошибочно было бы считать процесс объективации духовности, который выражается в эволюции цивилизации, лишь отрицательным. Он имеет и положительное значение. Происходит преодоление дикой, варварской природы человека, подлинно возрастает его сознание. Но это элементарный процесс, и им не достигаются вершины духовности... Трудно определить, где обнаруживается подлинная духовность, она может обнаружиться совсем не на вершинах цивилизации... Духовность совсем не противопоставляется душе и телу, она овладевает и преобразует их. Дух есть прежде всего освобождающая и преобразующая сила. Человек с сильно выраженной духовностью – это человек, пребывающий в мировой и исторической жизни и активный в ней, но свободный от ее власти и преобразующий ее... Человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своих близких, но и за судьбу своего народа и мира и гордо пребывать на духовных вершинах. Опасность гордыни подстерегает на духовном пути... Стремиться надо к человеческой духовности, которая и есть богочеловеческая духовность...» (Трактат «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»).

(Цит. по: Мир философии. Человек. Общество. Культура. М., 1991. С. 52, 54).

Вопросы: Прав ли Бердяев, говоря, что «общество само по себе не может сделать человека свободным, человек должен сделать свободным общество»? Что такое «творческое трудовое общество»? Что Н. Бердяев считает «главной задачей человеческой жизни»? Как связаны «человечность» и «духовность»? Каковы функции духа, по мнению Н. Бердяева? Что понимает Бердяев под объективацией духа? В чем он видит положительные и отрицательные стороны этой объективации? Какое суждение соответствует взглядам Бердяева: 1. Цивилизованность означает духовность; 2. Вершины цивилизации не характеризуются духовностью; 3. Духовность противоположна цивилизации? Что представляет из себя, с нашей точки зрения, цивилизованное общество? Есть ли различие между позицией Н. Бердяева относительно цивилизационного общества и современной позицией? Чем характеризуется «человек с сильно выраженной духовностью»? Как этот человек должен относиться к народу и каковы его социальные функции? Согласны ли Вы с этим? Как соотносятся «человеческая духовность» и «богочеловеческая духовность»?

150. «Глубинное «Я» человека связано с духовностью. Дух есть начало синтезирующее, поддерживающее единство личности. Человек должен все время совершать творческий акт в отношении к самому себе. В этом творческом акте происходит самосозидание личности. Это есть постоянная

борьба с множественностью ложных «Я» в человеке. Каждая страсть, которой одержим человек, может создавать «Я», которое не есть настоящее «Я». В борьбе за личность, за подлинное, глубинное «Я» происходит процесс распада – это есть вечно подстерегающая опасность – и процесс синтеза, интеграции. Человек нуждается в психосинтезе более, чем в психоанализе, который сам по себе может привести к распаду и разложению личности. Духовность, идущая из глубины, и есть сила, образующая и поддерживающая личность в человеке. Кровь, наследственность, раса имеют лишь феноменальное значение, как и вообще биологический индивидуум. Дух, свобода, личность имеют ноуменальное значение. Социологи утверждают, что личность формируется обществом, социальными отношениями, что организованное общество есть источник высшей нравственности. Но извне идущее социальное воздействие на человека требует приспособления... к требованиям государства, нации, установившимся правам. Это ввергает человека в атмосферу полезной лжи, охраняющей и обеспечивающей. Пафос истины и правды ведет человека к конфликту с обществом. Наиболее духовно значительное в человеке идет совсем не от социальных влияний, не от социальной среды, идет изнутри, а не извне. Примат общества, господство общества над человеком ведет к превращению религии в орудие государства и к отрицанию свободы духа... Всякая система социального монизма враждебна свободе духа. Конфликт духа и организованного общества с его законничеством есть вечный конфликт. Но ошибочно было бы понять это как индивидуализм и асоциальность. Наоборот, нужно настаивать на том, что есть внутренняя социальность, что человек есть социальное существо и что реализовать себя вполне он может лишь в обществе. Но лучшее, более справедливое общество может быть создано из духовной социальности человека, из экзистенциального источника, а не из объективации. Общество обоготворенное есть в метафизическом смысле реакционное начало. Возможен прорыв духовности в социальную жизнь, и все лучшее в ней исходит из этого источника. Духовность несет в себе освобождение, оно несет в себе человечность. Господство же объективированного общества несет с собой порабощение. Нужно оставить совершенно ложную идею второй половины XIX века, что человек есть создание социальной среды. Наоборот, социальная среда есть создание человека. Это не значит, что социальная среда не действует на человека, она действует. Но рабья социальная среда, порабощающая человека, есть порождение рабьего состояния человека, рабьих душ. Если нет Бога, то я раб мира. Существование Бога есть существование моей независимости от мира, от общества, от государства. Достоевский говорит, что человек иногда верит в Бога из гордости. Это выражение парадоксально, но социальный смысл его в том, что человек не соглашается поклоняться миру, обществу, людям и поклоняется Богу как единственному источнику своей независимости и свободы от власти мира... Духовность, которая всегда связана с Богом, есть обретение внутренней силы, сопротивляемость власти мира и общества над человеком. Безумие думать, что я становлюсь беден от того, что

существует Бог, что Бог есть отчуждение моего собственного богатства (Фейербах). Нет, я становлюсь безмерно богат от того, что существует Бог. Я очень беден, если существую только я сам, и нет ничего выше меня, больше, чем я». (Трактат «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»).

(Цит. по: Мир философии. Человек. Общество. Культура. М., 1991. С. 54–56).

Вопросы: С чем связано глубинное «Я» человека? Какую роль, по мнению Н. Бердяева, играет дух в самосозидании личности? С какой целью, по мнению автора, «человек должен все время совершать творческий акт в отношении к самому себе»? Как влияет общество на человека, с точки зрения Н. Бердяева? Прав ли Н. Бердяев, говоря, что «духовное в человеке идет не от социальной среды, не извне, а изнутри»? Чем отличается внутренняя социальность от внешней социальности? Можно ли сказать, что внутренняя социальность есть духовная социальность человека? Прав ли Бердяев, утверждая, что «конфликт духа и организованного общества с его законничеством есть вечный конфликт»? Может религия мешать «свободе духа»? Найдите элементы истины в следующих суждениях: 1. Всякая социальная система враждебна свободе духа. 2. Более человеческое и свободное общество может быть создано свободным человеком. 3. Именно общество делает человека свободным. 4. Общество и способствует свободе духа человека, и мешает этому. 5. Общество и зависит от человека, и не зависит от него. Найдите «рациональные зерна» в утверждении Бердяева: «рабья социальная среда есть порождение рабьего состояния человека, рабьих душ». Почему, по Бердяеву, «если нет Бога, то я раб мира»?

Рассмотрите следующие суждения: 1. Духовность, связанная с Богом, обогащает человека, делает его сильным и независимым от общества. 2. Духовность, связанная с Богом, делает человека беднее и ничтожнее. 3. Духовность, связанная с Богом, ничего не дает человеку. Какое из них Вы считаете верным? Если в каждом «зерна истины»? Кто прав: Н. Бердяев или Л. Фейербах?

151. «Проблема человека есть основная проблема философии. Разгадка бытия в человеке скрыта в человеке. В познании бытия человека есть совсем особая реальность, не стоящая в ряду других реальностей. Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира. Тот факт, что человек как предмет познания есть вместе с тем и познающий, имеет не только гносеологическое, но и антропологическое значение... Человек есть существо, недовольное собою и способное себя перерастать... Как существо, принадлежащее к двум мирам и способное преодолевать себя, человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные

противоположности... Человек есть не только порождение природного мира и природных процессов, вместе с ним он живет в природном мире и участвует в природных процессах. Он зависит от природной среды, вместе с тем, он гуманизирует эту среду, вносит в нее принципиально новое начало. Творческий акт человека в природе имеет космогоническое значение и означает новую стадию в жизни космической. Человек есть принципиальная новизна в природе... Динамизм человеческой природы совсем не есть революция. Этот динамизм связан со свободой, а не с необходимостью...» (Трактат «О назначении человека»).

(Цит. по: Мир философии. Человек. Общество. Культура. М., 1991. С. 56–57).

Вопросы: В чем проявляется «противоречивость и парадоксальность» человека? В чем заключается «принципиальная новизна» человека в природе? Как человек гуманизирует природную среду? Почему деятельность человека имеет космогоническое значение?

152. «Русская мысль, русские искания начала XIX в. и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа. Русский народ – религиозный по своему типу и по своей душевной структуре. Религиозное беспокойство свойственно и неверующим. Русский атеизм, нигилизм, материализм приобретали религиозную окраску. Русские люди из народного, трудового слоя, даже когда они ушли от православия, продолжали искать Бога и Божьей правды, искать смысла жизни. Русским чужд рафинированный скептицизм французов, они – верующие и тогда, когда исповедуют материалистический коммунизм. Даже у тех русских, которые не только не имеют православной веры, но даже воздвигают гонение на Православную церковь, остается в глубине души слой, сформированный православием. Русская идея – эсхатологическая, обращенная к концу. Отсюда русский максимализм. Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления к всеобщему спасению. Русские люди любовь ставят выше справедливости. Русская религиозность носит соборный характер. Христиане Запада не знают такой коммюнитарности, которая свойственна русским. Все это черты, находящие свое выражение не только в религиозных течениях, но и в течениях социальных. Известно, что главный праздник русского православия есть праздник Пасхи. Христианство понимается прежде всего как религия Воскресения. Если брать православие не в его официальной, казенной, извращенной форме, то в нем больше свободы, больше чувства братства людей, больше доброты, больше истинного смирения, меньше властолюбия, чем в христианстве западном. За внешним иерархическим строем русские в последней глубине всегда были антииерархичны, почти анархичны. У русского народа нет той любви к историческому величию, которым так пленены народы

Запада. Народ, обладающий величайшим в мире государством, не любит государства и власти и устремлен к иному. Немцы давно уже построили теорию, что русский народ – народ женственный и душевный в противоположность мужественному и духовному немецкому народу. Мужественный дух немецкого народа должен овладеть женственной душой русского народа. С этой теорией связывалась и соответственная практика. Вся теория построена для оправдания германского империализма и германской воли к могуществу. В действительности русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности, и он это докажет и доказал уже германскому народу. В нем было богатырское начало. Русские искания носят не душевный, а духовный характер. Всякий народ должен быть муже-женственным, в нем должно быть соединение двух начал. Верно, что в германском народе есть преобладание мужественного начала, но это скорее уродство, чем качество, и это до добра не доводит. Эти суждения имеют, конечно, ограничительное значение. В эпоху немецкого романтизма проявилось и женское начало. Но верно, что германская и русская идеи – противоположны. Германская идея есть идея господства, преобладания, могущества; русская же идея есть идея коммюнитарности и братства людей и народов. В Германии всегда был резкий дуализм между ее государством и завоевательным духом и ее духовной культурой, огромной свободой ее мысли. Русские очень много получили от германской духовной культуры, особенно от ее великой философии, но германское государство есть исторический враг России. В самой германской мысли есть элемент нам враждебный, особенно в Гегеле, в Ницше и, как это ни странно, в Марксе. Мы должны желать братских отношений с германским народом, который сотворил много великого, но при условии его отказа от воли к могуществу. Воле к могуществу и господству должна быть противопоставлена мужественная сила защиты. У русских моральное сознание очень отличается от морального сознания западных людей, это сознание более христианское. Русские моральные оценки определяются по отношению к человеку, а не к отвлеченным началам собственности, государства, не к отвлеченному добру. У русских иное отношение к греху и преступлению, есть жалость к падшим, униженным, есть нелюбовь к величию. Русские менее семейственны, чем западные люди, но безмерно более коммюнитарны. Они ищут не столько организованного общества, сколько общности, и они малопедагогичны. Русский парадокс заключается в том, что русский народ гораздо менее социализирован, чем народы Запада, но и гораздо более коммюнитарен, более открыт для общения. Возможна мутация и резкие изменения под влиянием революции. Это возможно и в результате русской революции. Но Божий замысел о народе остается тот же, и дело усилий свободы человека – оставаться верным этому замыслу. Есть какая-то индетерминированность в жизни русского человека, которая мало понятна более рационально детерминированной жизни западного человека. Но эта индетерминированность открывает много возможностей. У русских нет таких делений, классификаций, группировок по разным сферам, как у западных

людей, есть большая цельность. Но это же и создает трудности, возможность смещений. Нужно помнить, что природа русского человека очень поляризованная. С одной стороны – смирение, отречение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны – сострадательность, жалостливость; с другой – возможность жестокости; с одной стороны – любовь к свободе, с другой – склонность к рабству. У русских – иное чувство земли, и самая земля иная, чем у Запада. Русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли. Русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлен к Граду Грядущему, к Новому Иерусалиму, но Новый Иерусалим не оторван от огромной русской земли, он с ней связан, и она в него войдет. Для Нового Иерусалима необходима коммюнитарность, братство людей, и для этого необходимо еще пережить эпоху Духа Св., в которой будет новое откровение об обществе. В России это подготовлялось».

(Бердяев Н. Русская идея. СПб., 2013. С. 297–300).

Вопросы: Существует ли, по мнению автора, русская идея? Какие особенности присущи русскому народу? Является ли русский народ религиозным по своей душевной структуре? Чем отличаются русские люди от людей Запада? Чем отличается менталитет русского народа от менталитета немцев, русская идея от германской идеи? Что характерно для русского морального сознания? В чем проявляется противоречивость морального сознания русского народа? Согласны ли Вы с Н. Бердяевым? К чему, с точки зрения Н. Бердяева, стремится русский народ?

Русский революционный материализм XIX - начала XX вв.

Максим Алексеевич Антонович (1835–1918) – русский философ-материалист, публицист, демократ.

153. «...Человек стоит в середине между двумя противоположными бесконечностями, бесконечностью в великом и бесконечностью в малом. Он есть средоточие обоих миров – великого и малого, он первенец и венец природы... Человек существует для того, чтобы существовать, живет для того, чтобы жить... Все человеческие свойства, силы, инстинкты, стремления, словом, вся его природа имеет целью и задачей поддержание его жизни; его существование есть результат или свод всех его естественных деятельностей и отправлений... Вне жизни нет и не может быть для человека ничего, а в жизни все. Если он дурно провел жизнь, то для него все потеряно. Если он стремился к чему-нибудь вне жизни, то он гонялся за мечтой, напрасно тратил время, свои силы, шел против себя и природы. Строго говоря, это и невозможно, потому что природа не допускает нарушения ее законов и не примет ничего, что не гармонирует с жизнью – целью и функцией человеческого организма... Всякую

естественность и исполнение ее предписаний она награждает приятностью, удовольствием, укреплением и продлением жизни и, наоборот, накажет за неестественную жизнь страданиями, сокращением самой жизни... Цель человеческого существования есть жизнь полная, разумная, приятная, словом, естественная жизнь... Однако под хорошей жизнью обыкновенно разумеют роскошь, возможность не стесняться в нелепых желаниях; под удовольствиями разумеются кутеж, обжорство, пьянство, сладострастие и т. п.; все это вместе называется «благами жизни». Для приобретения средств для такой жизни считается дозволительным все: подлости, мошенничества, всякого рода бесчестные дела, раболепство, торговля телом и душой, измена, предательство и т. д.; так что если вы спросите какого-нибудь негодяя, почему он никогда не знает ни чести, ни совести, он скажет вам: потому что он возлюбил блага жизни; по его понятиям, честь и совесть вовсе не относятся к благам жизни. Такой хорошей жизни противопоставляется неприятная нравственно-разумная жизнь, далекая от удовольствий, полная лишений, самоотречения и вся составляющая насилие природе; поэтому она не жизнь, а тягость, наказание. Обыкновенно предполагается, что на каждое доброе и честное дело, вообще на добродетель, человек должен принуждать себя... что добродетель есть нечто отталкивающее, неприятное для человека, что она вовсе не есть стремление, потребность или результат природы человека, не есть удовлетворение его естественным инстинктам, потому-то она и не сопровождается приятностью и удовольствием... Добродетель есть нечто приказываемое и навязываемое человеку извне, есть какой-то «категорический императив», который деспотически властвует над человеком, насильно заставляет его быть нравственным; потому-то добродетель и неприятна, как всякое противоестественное насилие... Если бы предоставить человека самому себе, его естественным стремлениям, то он постоянно предавался бы только роскоши, обжорству, пьянству, истощающему сладострастию и для приобретения этих благ жизни делал бы бесчестные подлости и пошлости и никогда бы не подумал ни о чем разумном и добром. Поэтому человеку не нужно давать воли, а следует держать его в страхе и подчинении. Ужели в самом деле разумная добродетель не только не составляет естественной потребности человеческой природы, но даже не гармонирует с нею? Нет, добродетель есть жизнь, одна из потребностей и сторон жизни; она имеет основание в самой природе человека. Если человек стремится к разумной добродетели, то для того чтобы сделать свою жизнь полнее, приятнее, богаче удовольствиями, словом, естественнее. Удовольствие, ощущаемое при этом человеком, именно доказывает, что разумно-добродетельною деятельностью удовлетворяется один из естественных инстинктов его природы... Разумный человек поступает честно и самоотверженно, потому что этого требуют его ум, его понятия или, лучше сказать, его убеждения, его чувства, словом, вся его нравственная природа, получающая высокое наслаждение от удовлетворения; иначе действовать он не может, потому что в противном случае он ощущал бы ад внутри себя, неумолимые укоры совести, терпел бы боль и страдания от

неудовлетворения своей нравственной природы. Источник удовольствия для честного и нравственного человека в нем самом, тогда как для бесчестного богача он вне, в случайных, преходящих обстоятельствах, а внутри он, может быть, терпит целый ад, и его мучит совесть, голос которой он не может заесть обжорством, запить пьянством и заглушить всевозможными чувственными наслаждениями. Таким образом, даже такое бескорыстнейшее и, по-видимому, столь далекое и даже противоположное ей стремление и действие человека, как самоотверженная добродетель, имеет в виду жизнь, служит жизни, делая ее полнее и приятнее, доставляя человеку удовольствия, нисколько не зависящие от случайных обстоятельств, каковы материальные средства, богатство, власть и пр.

(Антонович М.А. Единство физического и нравственного космоса // Избранные философские сочинения. М., 1945. С. 287–305).

Вопросы: Какова цель человеческого существования, по мнению автора? Что понимает М.А. Антонович под «разумной, приятной и естественной жизнью»? Как природа реагирует на естественную и неестественную жизнь человека? Что обычно понимают под «хорошей жизнью», «удовольствиями», «благами жизни»? Как автор понимает добродетель? Составляет ли разумная добродетель естественную потребность человека? Имеет ли добродетель основание в самой природе человека? Где находится, по мнению М.А. Антоновича, источник удовольствия для честного и нравственного человека: в нем самом или вне его? Рациональна ли добродетель? Может ли развитие духовности помочь человеку выжить в современной социальной реальности? Как бы на этот вопрос ответил М.А. Антонович? Актуальны ли его взгляды сейчас? Где находится для Вас источник удовольствия: в самом себе или вне себя?

Марксистская философия в России (1883–1924)

Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870–1924) – русский мыслитель, теоретик марксизма, профессиональный революционер, вождь социалистической революции в России, создатель Советского государства.

154. «Законы внешнего мира, природы... суть основы целесообразной деятельности человека... Если мы рассматриваем понятие свободы как абстрактную противоположность необходимости, то это только рассудочное понятие свободы; истинное же понятие свободы содержит внутри себя необходимость как снятую... Необходимость не исчезает, становясь свободой».

Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 146, 163, 169).

Вопросы: Что мы понимаем под необходимостью? Как связана свобода и необходимость? Какая трактовка свободы последует при условии отрыва свободы от необходимости? Существует ли абсолютная свобода?

155. «Ваши речи об абсолютной свободе – одно лицемерие... Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики... Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

(Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т.12. С. 103–104).

Вопросы: Может ли человек быть свободным от общества? Согласны ли Вы с позицией В.И. Ленина? Наблюдается ли нечто подобное в нашем обществе?

156. «Искусство принадлежит народу, оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их».

(Ленин о культуре и искусстве: сб. М., 1956. С. 520).

Вопросы: Согласны ли Вы с точкой зрения В.И. Ленина? О каком искусстве говорил В.И. Ленин – народном, элитарном, массовом? Какие функции выполняет искусство? Как Вы относитесь к современному массовому искусству? Всегда ли оно возвышает человека? Связано ли народное искусство с элитарным?

157. «Люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов».

(Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47).

Вопросы: Остается ли актуальным данное высказывание В.И. Ленина в современную эпоху?

158. «Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило «все за одного и один за всех»... Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскорузлые привычки».

(Ленин В.И. От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маевке // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 108–109).

Вопросы: Как Вы относитесь к правилу «все за одного и один за всех»? Какое воспитательное значение имели субботники? Как Вы считаете: субботники навсегда канули в прошлое или нет? Какая мораль Вам больше импонирует: коллективистская или индивидуалистическая? Какая мораль насаждалась у нас в 90-е годы XX века? К чему ведет оголтелый индивидуализм и эгоцентризм?

159. «... К воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать. К этому коммунизм идет, должен идти и придет, но только через долгий ряд лет».

(Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 33).

Вопросы: Как Вы относитесь к идее всестороннего развития личности? Нужно ли сейчас стремиться к всестороннему развитию каждого человека? Есть ли в этом необходимость? Как реализация этой идеи повлияет на развитие общества?

Теория эмпириомонизма и философия «организационных форм».

Александр Александрович Богданов (1873–1928) – политический деятель, врач, философ, экономист. Выдвинул идею создания науки об общих принципах организации – тектологии, предвосхитил некоторые положения кибернетики.

160. «Постепенно систематизируется весь коллективный опыт в объединяющие формы познания, доступные психике отдельного человека. Знание общих методов заменяет знакомство с бесконечными деталями. Неспециалист тогда в любой специальной области перестает чувствовать себя чуждым: ему, конечно, многие частности и мелочи неизвестны, но все в общем для него понятно, и с каждой из частных и мелочей он может легко познакомиться, как только пожелает. Специалист же остается таким лишь в сфере деталей; а в сфере методов, т. е. во всей активной стороне своего специального опыта, он уже – человек... Таким образом, если человек владеет выработанными общими

методами познания и практики, то стоит ему «подойти» с этими методами к любому вопросу, к любой жизненной задаче, и он разрешит этот вопрос, эту задачу, хотя они вне его «специальности». А при старой специализации человек «подойти» не в силах, общих методов не имеется, – для разрешения частного вопроса, частной задачи надо владеть целой новой специальностью, что может потребовать всей жизни человека... Специалист прежнего типа становится не только уродливой, но и бесполезной фигурой, он не в силах ничего создать в своей области, потому что приемы его стереотипны, а психика узка и бедна. В лучшем случае он годится еще для собирания фактов; но и тут зачастую приносит вред вместо пользы, не умея разобраться в этих фактах, без толку их нагромождая, или даже бессознательно их искажая соответственно своей отжившей точке зрения. Когда же он вступает в область широких обобщений, то оказывается прямо реакционером: в биологии он – виталист, в философии – метафизик, повсюду схоластик. Тут он еще вреден, но для развивающегося познания уже не страшен; его величественная мина вызывает только веселый смех молодой критики. На смену старому специалисту приходит новый тип ученого: широко образованный, монистически мыслящий, социально-живущий. Лучшим, почти идеальным воплощением этого типа был тот, кто первый дал монистическое понимание общественной жизни и развития – великий философ-боец Карл Маркс.... Противники товарищеских отношений в процессе деятельности утверждают, что сами по себе эти отношения застойны, именно потому, что гармоничны. Только борьба между людьми, в виде войн, конкуренции, группового антагонизма, наконец, хотя бы ослабленного психического отражения этой борьбы – соревнования, – только она, по их мнению, вызывает развитие и гарантирует его непрерывность. Где есть гармония, там некуда и незачем идти дальше. Так ли это? Разве жизненная борьба прекращается с прекращением борьбы между людьми? Разве стихийная природа заключает мир с человеческим сознанием? Разве страдания, смерть, непознанное нашего мира и неизвестное других, отдаленных миров перестает окружать человека? Борьба человека против человека – это только дорогая цена, которою покупается стихийное развитие. Масса сил бесплодно растрачивается на эту борьбу, и только небольшая часть их идет прямо на то, чтобы сделать человека сильнее и совершеннее. С прекращением такой растраты сил начинается эпоха сознательного развития. Там, где опыт каждого непрерывно получает новое и новое содержание из опыта всех, где из взаимного общения людей для каждого непрерывно возникают новые и новые вопросы и задачи, где гармоническое объединение коллективных сил дает каждому возможность вступить в общую борьбу против стихийной природы с уверенностью в победе, – там не может быть вопроса о стимулах развития... Кто считает борьбу между людьми необходимым условием их развития, тот просто обобщает свой узкий опыт, грубо перенося прошлое в будущее. Нередко человек, воспитанный на розге, считает невозможным без ее помощи научить детей чему-нибудь. Это та же логика. Идет смена одного развития другим: дисгармонического развития человечества раздробленного – гармоническим

развитием объединенного человечества... одностороннего, противоречиво развивающегося человека наших времен – гармоничным, разносторонним человеком, который его сменит».

(Богданов А.А. Новый мир. М., 1920. С. 31–32, 35, 37–38).

Вопросы: Что может помочь «неспециалисту в любой специальной области знания перестать чувствовать себя чужаком», по мнению автора? Что человеку дает овладение общими методами познания и практики? Чем же у автора отличается специалист от неспециалиста? Кто из них обладает знанием деталей и методами своего специального опыта? Какими недостатками обладает «специалист прежнего типа», с точки зрения А. Богданова? Какими качествами должен обладать новый специалист, ученый нового типа? Нужно ли использовать в своей деятельности коллективный опыт прошлых поколений и опыт современных людей? Как Вы относитесь к взглядам А. Богданова, выраженным в работе «Новый мир»: «Новое воспитание должно давать общие знания и общие методы труда, которые и создаются на этой ступени развития; в этом новое «общее образование» отличается от прежнего, которое сводилось к собранию обрывков из специальных областей знания и специальных методов... Специальное обучение здесь не занимает такого огромного места в жизни человека, как это было раньше, отступая перед общим воспитанием, и не ограничивается одной специальностью для каждого человека. В этих условиях оно не суживает психику, а дополняет и расширяет общее воспитание, являясь его частным, практическим развитием в ту или другую сторону». Можно ли ограничиться в современную эпоху только общим или только специальным образованием? Согласны ли Вы с утверждениями противников А. Богданова, что «только борьба между людьми в виде войн, конкуренции, группового антагонизма», является основой непрерывного общественного прогресса, а «товарищеские отношения», наоборот, ведут – к застою? Может быть, прав А. Богданов, считающий, что такая борьба растрчивает силы человека, а для общественного прогресса, для изменений отношений между человеком и природой необходимо «гармоническое объединение коллективных сил»?

Философия в Советской России

Алексей Федорович Лосев (1893–1988) – последний философ и филолог - классик Серебряного века русской культуры.

161. «Личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя

соотносит со всем окружающим... Личность есть тождество субъекта и объекта или носитель субъекта и объекта... Личность существует только тогда, когда есть другие личности, от которых она чем-то отличается и с которыми она связана определенными отношениями... Но соотношение личностей есть общество, и притом не как простая их совокупность, но опять-таки как специфический носитель всех указанных соотношений. А общество не существует без истории, которая, таким образом, и есть не что иное, как становление разных носителей общественно-личных отношений. Значит, жизнь личности есть становление такой связи внутреннего и внешнего, или субъективного и объективного, когда жизнь определяется как результат и сгусток социально-исторических соотношений. Каждый из нас должен поступать так, чтобы его поведение по крайней мере не противоречило всеобщему и свободному человеческому благоденствию, а лучше, если бы еще и поддерживало и осуществляло его... Человеческая личность погружена в конкретные природные, общественные и исторические условия. Эти условия часто оказываются благоприятными для личности, но чаще бывают враждебны к ней. Поэтому интеллигентность существует только там, где есть вооруженность против всякого рода природных, общественных и исторических несовершенств... Быть интеллигентом – значит постоянно и неустанно трудиться. И притом интеллигентность не есть просто вооруженность, но и готовность вступить в бой. А чтобы вступить в бой, надо ориентироваться в общественно-исторической обстановке. Но так как подобная ориентация требует уже критического подхода к действительности, то интеллигентность свойственна только такому человеку, который является критически мыслящим общественником. Интеллигент, который не является критически мыслящим общественником, глуп, не умеет проявить свою интеллигентность, т. е. перестает быть интеллигентом. При этом вступать в бой для интеллигента часто даже и нецелесообразно. Еще надо знать, когда вступать в бой, а когда не вступать... Для интеллигентного человека труд есть праздник вечной молодости и радостного служения общественному счастью... Подлинная интеллигентность всегда есть подвиг, всегда есть готовность забывать насущные потребности эгоистического существования; не обязательно бой, но ежеминутная готовность к бою и духовная, творческая вооруженность для него. И нет другого слова, которое могло бы более ярко выразить такую сущность интеллигентности, чем слово «подвиг». Интеллигентность – это ежедневное и ежечасное несение подвига, хотя часто только потенциальное».

(Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 277–278, 281–282, 317–319).

Вопросы: Как определяет личность А. Лосев? Как связаны личность и общество? Что значит «быть интеллигентом»? Нужно ли интеллигенту быть «критически мыслящим общественником»? Как интеллигентный человек относится к труду? Может ли настоящий интеллигент быть

эгоистом и эгоцентристом? Согласны ли Вы с позицией А. Лосева, утверждающего, что «подлинная интеллигентность всегда есть подвиг»? Как власть и интеллигенция относятся друг к другу? Способствует ли интеллигентность самосохранению и выживаемости в современной социальной реальности? Как соотносятся интеллигентность и духовность? Свойственно ли интеллигенту стремление к самопознанию и самосовершенствованию? Интеллигентность и образованность – одно и то же? Хотите ли Вы стать интеллигентом?

Василий Васильевич Налимов (1910–1997) – русский математик, философ, лингвист. Предложил концепцию «семантической вселенной» и вероятностную модель личности.

162. «С давних пор звучит эсхатологическое отчаяние – человечество предчувствовало возможность мировой катастрофы, но не знало, когда и откуда она придет. Теперь мы знаем, что наша культура находится на изломе. Она должна будет радикально трансформироваться, иначе живой покров нашей гостиницы – Земли – иссякнет вместе с нашей гибелью... Забота о продлении жизни на Земле требует иного мироощущения, мирочувствования. Человек теперь должен обрести смыслы, которые бы позволили ему стать гражданином Земли, ее патриотом... Однако новые смыслы должны не только прийти, но и быть восприняты свободно... Чтобы сделать свободный выбор, надо иметь достаточный набор смыслов, способных увлечь человека, смыслов, достигающих запредельности. Итак, мы приходим к неожиданному выводу: глубинная экология замыкается на проблему смысла... Философская мысль расплескалась не только по всем разделам науки, но и почти по всем сусекам нашей культуры. Мы сейчас слишком много знаем и задаем слишком много вопросов. Обсуждение этих тем может обрести смысл только тогда, когда мы сможем сформулировать достаточно отчетливые представления о нашем мироздании и нашем бытии в нем, как-то осмысливая при этом и запредельность нашего бытия. А если не сможем? Тогда наша культура неизбежно погибнет. Человек не может существовать, активно действуя, если культура не дает путеводной нити широкого мировоззренческого характера. Об этом говорит нам история, и особенно гибель Великой империи – Рима. Нам нужны новые смыслы или, точнее, нужно радикальное переосмысление прежних смыслов. Трагичность состоит в том, что теперь процесс переосмысления должен идти в очень широком, невиданном доселе ракурсе... Мы приходим к выводу – нам нужна всеохватывающая, целостная философская мысль. Такой мы видим философию XXI века... Пространство может быть одномерным, многомерным, не только с гомогенной, но и с гетерогенной метрикой, с какой-то нетривиальной топологией, когда особым образом меняется ситуация в окрестности точки. Или можно мыслить пространство, в котором каждая точка является в свою очередь пространством. Это удивительные образы, через которые мы можем воспринимать мир и описывать

его. Так мы устроены... Так как пространство, время, число – это только метафоры, можно допустить существование других миров, наблюдатели которых устроены иначе. В мифах Земли мы встречаем таких наблюдателей (ангелы, архангелы, херувимы, серафимы). Я ввожу понятие семантического пространства, исходя из платоновского положения о том, что изначальный смысл нам дан в непроявленном состоянии. Все эти смыслы (это уже не Платон) упорядочены на числовой оси, упакованы так, как упакованы действительные числа на прямой. Тогда возникает образ семантического пространства. Можно говорить об одномерном или многомерном пространстве. С введением многомерности расширяются наши представления о сознании. И, наверное, эволюция человека должна будет заключаться в том, что он будет становиться многомерным. И тогда возможной станет терпимость, которой так недостает сегодня... Очевидно, многомерность сознания есть будущее развитие человечества. Пока же мы как минимум двумерны, поэтому-то мы ведем постоянно диалог с самим собой, ведь если бы у нас была одна система ценностных представлений, было бы бессмысленно вести диалог, ибо мы бы неизменно давали бы одни и те же ответы на возникающие у нас вопросы».

(Налимов В.В. В поисках смыслов. М., 1993, С. 49–52; 79– 80).

Вопросы: Что должен сделать человек, чтобы продлить жизнь на Земле? Как Вы понимаете мысль В.В. Налимова о том, что «глубинная экология замыкается на проблему смысла»? Справедливо ли утверждение, что дальнейшая эволюция человека связана с расширением горизонта его сознания, с его многомерностью? Что может способствовать становлению «многомерного сознания»? Какую роль должна сыграть философия XXI века?

163. «Наука рациональна в том смысле, что она не признает Тайны мироздания – верит в существование всеобщей закономерности, поддающейся логическому раскрытию; требует, чтобы коммуникация между учеными была логически безупречна; готова к тому, чтобы признать за компьютером возможность стать аналогом человеческого интеллекта. Наука иррациональна в том смысле, что она опирается на озарение – творческие вспышки, осуществляющиеся на дологическом уровне мышления; в своем глубинном мышлении опирается на образы – образами могут становиться абстрактные математические структуры; открывает возможность видеть мир через научно раскрывающееся незнание и таким образом снова возвращать нас к созерцанию Тайны мироздания. Научная деятельность является столь же человеческой деятельностью, как и всякая другая деятельность человека. В ней рациональное неотделимо от иррационального – может быть только асимметрия, перекося в ту или иную сторону. И как и всякая другая деятельность, она может заводить человека в тупик или даже приводить человечество к катастрофе... За преимущественное доминирование науки в течение трех последних столетий

было заплачено незнанием собственно человека, непониманием того, что есть живое. Здесь речь идет не о научно обоснованном незнании, а о незнании – невежестве. За три столетия в науке не появилось новых, существенно интересных гипотез о человеке. Они и не могли появиться. Наука, чтобы овладеть природой, должна объявить, что Мир устроен чисто механически. В результате возник барьер, отделяющий от научной мысли все живое и тем более – мыслящее. Он может быть охарактеризован следующими словами: 1. Был объявлен запрет на представление о том, что в Мире действует спонтанность (не закон); 2. Исключенной оказалась возможность существования в Мире смыслов как некой самостоятельной реальности; 3. Запрещенной оказалась возможность изучать свойственные живому отдельные, неповторимые события; таким образом из поля внимания выпала не только нетривиальная творческая по своей сути деятельность человека, но и Мир живого в целом, существующий также в своей неповторимой изменчивости».

(Налимов В.В. В поисках смыслов. М., 1993, С. 28– 29).

Вопросы: В каком смысле наука рациональна? В каком смысле она иррациональна? Какими проблемами не занималась наука три последние десятилетия? Как Вы думаете: чем отличается научно обоснованное незнание от незнания-невежества? Какое представление о Мире доминировало в науке? В чем В.В. Налимов усматривает ограниченность чисто логического, рационального подхода к познанию Мира? Согласны ли Вы с точкой зрения, что жизнь всего живого и творчество человека пронизано спонтанностью? Исключают ли друг друга спонтанность и закономерность? Какие выводы могут следовать из признания смыслов, смысловой (семантической) реальности в качестве самостоятельной?

Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979) – российский философ, публицист. Известная работа «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса».

164. «Личность не только существует, но впервые рождается именно как «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений, которые возникают между индивидами в процессе коллективной деятельности (труда) по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом. И мозг как орган, непосредственно реализующий личность, проявляет себя таковым лишь там, где он реально выполняет функцию управления «ансамблем» отношений человека к человеку, опосредованных через созданные человеком вещи, т. е. там, где он превращается в орган отношений человека к человеку, или, другими словами, человека к самому себе. Личность и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему «другому» – отношений «Я» к самому себе как некоторому «НЕ-Я». Поэтому «телом» ее является не отдельное тело особи

вида «гомо сапиенс», а по меньшей мере два таких тела – «Я» и «Ты», объединенных как бы в одно тело социально-человеческими узами, отношениями, взаимоотношениями... Личность вообще есть единичное выражение жизнедеятельности «ансамбля» социальных отношений вообще... Опосредованно через бесконечное количество отношений каждый индивид на земном шаре реально связан с каждым другим, даже тем, с которым он никогда непосредственно не входил и не войдет в контакт... Именно поэтому индивиды – специфические частички – «органы» одного и того же коллективного тела, одного и того же социального ансамбля – организма, а вовсе не потому, что каждый обладает суммой тождественных, каждому их них порознь присущих признаков. Личность не внутри «тела особи», а внутри «тела человека», которое к телу данной особи никак не сводится, не ограничивается его рамками, а есть «тело» куда более сложное и пространственно более широкое, включающее в свою морфологию все те искусственные «органы», которые создал и продолжает создавать человек (орудия и машины, слова и книги, телефонные сети и радиотелефонные каналы связи между индивидами рода человеческого), т. е. все то «общее тело», внутри которого функционируют отдельные индивиды как его живые органы... По мере того, как органы тела индивида превращаются в органы человеческой жизнедеятельности, возникает и сама личность как индивидуальная совокупность человечески-функциональных органов. В этом смысле процесс возникновения личности выступает как процесс преобразования биологически заданного материала силами социальной действительности, существующей до, вне, и совершенно независимо от этого материала... Поскольку тело младенца с первых минут включено в совокупность человеческих отношений, потенциально он уже личность. Потенциально, но не актуально, потому что другие люди «относятся» к нему по-человечески, а он к ним – нет... Личностью – социальной единицей, субъектом, носителем социально-человеческой деятельности – ребенок станет лишь там и тогда, когда сам начнет эту деятельность совершать, на первых порах с помощью взрослого, а затем и без него... Личность возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему извне той культурой, в лоне которой он просыпается к человеческой жизни, к человеческой деятельности. Пока же человеческая деятельность обращена на него, а он остается ее объектом; индивидуальность, которой он, разумеется, обладает, не есть еще человеческая индивидуальность. И лишь постольку, поскольку ребенок усваивает, перенимая от других людей, человеческие способы отношения к вещам, внутри его органического тела и возникают, формируются и специфически человеческие органы, завязываются нейродинамические структуры, управляющие специфически человеческой деятельностью (в том числе и нервный аппарат, который управляет движениями мышц, позволяющими ребенку встать на две ноги), т. е. структуры, реализующие личность. Таким образом, функция, заданная извне, создает соответствующий себе орган, необходимую для своего осуществления

«морфологию» – именно такие, а не какие-либо другие связи между нейронами, именно такие, а не иные «рисунки» их взаимных прямых и обратных связей. Поэтому же возможен любой из «рисунков» в зависимости от того, какие функции приходится осуществлять телу человека во внешнем мире – в мире, за пределами его черепа и кожного покрова... Речь, конечно, идет о тех «церебральных структурах», которые реализуют личностные (специфически человеческие) функции индивида, его психические функции, а не о тех морфологически встроенных в тело мозга структурах, которые управляют кровообращением, пищеварением, терморегуляцией, работой эндокринной системы и прочими физиологическими процессами, совершающимися внутри тела индивида. Отсюда ясно, что материалистический подход к психической деятельности состоит в понимании того, что она определяется в своем течении не структурой мозга, а системой социальных отношений человека к человеку, опосредствованных через созданные и создаваемые человеком для человека вещи вешного мира».

(Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 389–399).

Вопросы: Что такое личность, по мнению автора? Как понять выражение: личность находится не внутри «тела особи», а внутри «тела человека»? Что включает в себя «тело человека»? Совпадают ли во времени – появление на свет ребенка и рождение личности? Почему ребенок, как пишет Э.В. Ильенков, «потенциально уже личность», а актуально – не является личностью? Обладает ли ребенок индивидуальными особенностями, и является ли его индивидуальность человеческой индивидуальностью? Что необходимо для становления личности, формирования ее сознания? Личность – это субъект или объект деятельности? Какую роль играет общество, «система социальных отношений человека к человеку» в формировании личности? Всегда ли человек становится личностью, актуализируется ли эта его потенциальная возможность? В чем выражается материалистический подход к пониманию сущности психической деятельности человека, по мнению Э.В. Ильенкова? Согласны ли Вы с позицией автора?

Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990) – грузинский и российский философ.

165. «Человеку очень важно, чтобы счастье, как и несчастье, было результатом его собственных усилий, а не выпадало ему из таинственной, мистической дали послушания. Важно сознание зависимости в мире – в удаче и в неудаче – от того, что сам человек мог бы сделать, а не от потусторонне «высшей» (анонимной или олицетворенной) игры, непостижимым путем выбрасывающей ему дары и изживание или, наоборот, злые наказания и немилости. Сказал же один свободный человек: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и

барская любовь!». А мы живем в ситуациях, когда всё никак не можем признать достоинство человека. Живем в ситуациях, когда никакая мысль не прививается. Не просто по глупости. А потому что додумывание ее до конца ставит под вопрос нас самих. И никогда не извлекаем опыт. Все заново и заново повторяется, раз сохраняем себя против всего того, что не можем вместить, не изменившись сами. Как же это может быть? А все очень просто. Люди не проходят путь до конца, не извлекают опыт, не разрешают смысл. Остаются детьми, если живут вне отработанной грамотно структуры сознания... Сознание живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, т. е. понимаем их отвлеченность, граничную природу, умеем читать то, что она нам говорит о наших возможностях и о природе, и когда мы сами достаточно развиты для этого. В том числе и в поле символов – «человек», «смерть», «смысл жизни», «свобода» и т. д. Это ведь вещи, производящие сами себя. Даже сознание, как и мысль, можно определить как возможность большего сознания... Или, например, свобода. Свобода производит только свободу, большую свободу. А понимание, что свобода производит только свободу, неотъемлемо от свободного человека, свободного труда. То есть свободен тот человек, который готов и имеет реальную силу на труд свободы, не создающей никаких видимых продуктов и результатов, а лишь воспроизводящей саму себя. А уже затем она – условие других вещей, которые может сделать свободный человек. Но нет такого предмета в мире, называемого «свобода», который внешне доказуемым образом можно кому бы то ни было показать и передать. Свобода недоказуема, совесть недоказуема, смысл недоказуем и т. д. Вот в какой сфере вращается мысль философии, и в ней же вращается наша душевная жизнь в той мере, в какой она осуществляется, удастся нам, и мы в ней исполняемся, поскольку основная страсть человека, как я понимаю, – это исполниться, осуществиться». (Статья «Философия – это сознание вслух»).

(Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 60–63).

Вопросы: Согласны ли Вы с мнением автора, что счастье человека, как и его несчастье, является результатом, прежде всего, его собственных усилий? Что характерно для детского, инфантильного сознания? Должен ли человек развивать свое сознание? Как влияет на жизнь конкретного человека его детское, инфантильное сознание? Для чего необходимо «владеть языком смыслов»? Что означает быть свободным человеком? Какую роль играет философия в жизни человека? Какую «основную страсть человека» выделяет автор? Согласны ли Вы с ним?

166. «Что такое гармония?.. Сократ повторял, что умный, знающий человек не может сознательно желать зла и делать его. По Гераклиту, мастер (тот, у кого есть мастерство) не только не может делать зла, но и, более того, не может

высказывать заблуждения. Однако эмпирически и психологически мы знаем, что есть очень много умных людей, которые вполне сознательно делают зло, и что знать добро не значит делать добро: я могу, зная добро и зная истину, делать зло и производить ложь... Греки же считали, что такого не может быть. Настигает правда лжесвидетелей, но не в том смысле, что это будет эмпирическим наказанием. Мы знаем, и это соответствует нашему психологическому опыту, что мерзавцы и лгуны могут прекрасно прожить жизнь и умереть естественной смертью в своей постели, не будучи наказанными. Правда, греки устами Платона заявляли: самое страшное, что может случиться с человеком, который сотворил зло, – это не быть наказанным. Страшнее ничего не бывает, по мнению Платона... Умный человек, или знающий человек, или мастер, сознательно не может делать и не делает зла и не производит лжи. Здесь высказана первичная форма опущения гармонии. В чем состоит гармония и почему о чем-то приходится говорить на языке гармонии? Потому что иначе это не выразишь. Есть законы, а мы их называем гармонией, чтобы можно было это высказать, или есть бытие, и мы о нем как-то должны говорить, например, на языке гармонии. С греками это случилось без философского языка уже в области, которую я назвал областью установившегося познавательного акта (это случилось уже у пифагорейцев: они впервые вводят идею гармонии без специального философского языка через числа, меры и пропорции). Теперь, имея философский язык, я хочу пояснить, что же означает гармония. Возьмем ум. Одним из условий ума, неотделимым от него самого, является множественность его существования, или, как сказали бы греки, диалогичность. Явление ума дано множественно на уникальных персонах, ни одна из которых не устранима и каждая имеет незаменимую значимость. Грек сказал бы так: человек, который убивает другого человека, разрушает условия существования собственного ума, потому что в содержание определения того, что такое ум, входит его множественное, или диалогическое, существование. Это разрушение явлением своих собственных условий, условий, на которых оно собственно есть, только и может существовать, называется нарушением гармонии. И наоборот, сам факт существования такого рода явлений, как доброта. Согласно грекам, добро есть нечто, у которого есть такое условие – и оно называется гармонией, – что оно не может разрушить самое себя. Эта неразрушимость самого себя или условий, на которых нечто существует и воспроизводится, называется гармонией. И это ощущение, появившееся у греков, есть первичное ощущение законов, или гармонических законов: если я совершаю зло по отношению к другому, я разрушаю условия, на которых я сам существую, но не в эмпирическом смысле этого слова (потому что эмпирически люди делают зло и всю жизнь часто остаются безнаказанными). Ум не может разрушать условий, на которых он сам есть. В Новое время это повторил И. Кант в категорическом императиве, который совершенно формален: делай только то, что может стать основой всеобщего законодательства. Не сказано, что делай, не сказано, что вот это добро, а это зло. Форма, только пустая форма. Так это и есть гармония. Ты

можешь делать только то или должен делать только то, что потом не вернется к тебе в виде разрушения условий твоего собственного сосуществования. Если поступаешь свободно, ты не можешь производить такие действия, которые нарушают своим обратным действием твои собственные свободные проявления, твою возможность свободы. Это поддержание условий явления есть гармония. И мысль о гармонии породилась из мысли о бытии, тем самым понимание бытия оказалось условием выявления и понимания законов мира и природы... Дело в том, что в самом строении мысли ход к бытию есть условие того, что вообще может появиться мысль о законах, о законах природы и мира, есть условие понимания законоустройства...»

(Мамардашвили М. Лекции по античной философии. СПб., 2014. С. 103–106).

Вопросы: Может ли умный, знающий человек, по мнению греков, «делать зло и производить ложь»? Будет ли такой человек «эмпирически наказан»? Какое наказание страшнее всего, с точки зрения Платона? Что автор называет разрушением гармонии? Что, по его мнению, есть гармония? Связывали ли греки нарушение гармонии с нарушением законов мира и ума? В чем смысл категорического императива И. Канта? Почему человек, который не был наказан за содеянное преступление, тем не менее «разрушает условия своего собственного существования»?

Леонид Николаевич Андреев (1871–1919) – русский писатель, автор философско-аллегорических трагедий.

167. «Как она (мысль) была послушна, исполнительна и быстра, моя мысль, и как я любил ее, мою рабу, мою грозную силу, мое единственное сокровище! И вдруг из головы, где я крепко держал ее: она ушла в тайники тела, в черную и неизвестную его глубину. И оттуда она кричала, как посторонний, как бежавший раб, наглый и дерзкий в сознании своей безопасности... И самое страшное, что я испытал, – это было сознание, что я не знаю себя и никогда не знал. Пока мое «Я» находилось в моей ярко освещенной голове, я понимал и знал себя, размышляя о своем характере и планах, и был, как думал, господином. Теперь же я увидел, что я не господин, а раб, жалкий и бессильный. Представьте, что вы жили в доме, где много комнат, занимали одну только комнату и думали, что владеете всем домом. И вдруг вы узнали, что там, в других комнатах, живут... Живут какие-то загадочные существа, быть может, люди, быть может, что-нибудь другое, и дом принадлежит им. Вы хотите узнать, кто они, но дверь заперта, и не слышно за нею ни звука, ни голоса. И в то же время вы знаете, что именно там, за этой молчаливой дверью, решается ваша судьба».

(Андреев Л. Избранное. Горький, 1984. С. 113–116).

Вопросы: Всегда ли человек может управлять своими мыслями? Как взаимодействуют между собой основные сферы нашей психики: бессознательное, подсознательное и сознательное? Куда ушла его (героя) мысль, – она сохранилась в его сознании или же спустилась в сферу подсознательного? Роль какой сферы человеческой психики абсолютизировал герой этого рассказа? Что он недооценил? Знает ли человек то, что находится в его подсознании? Мы постоянно получаем новую информацию об окружающем нас мире, в какой сфере нашей психики она хранится? Всегда ли наши поступки детерминируются сознанием? Бывает ли так, что какие-то действия мы совершаем бессознательно? Какую роль в жизни человека играет бессознательная сфера его психики? С какой сферой психики связаны привычки, существующие у человека? Можно ли считать подсознательную сферу нашей психики чем-то незначительным? Где зарождаются творческие замыслы? Постарайтесь найти книгу Л. Андреева и прочитайте его удивительный рассказ «Мысль».

Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) – один из крупнейших ученых-гуманитариев XX века, литературовед, общественный деятель, «русский интеллигент», академик РАН с 1970 г. Его имя давно стало символом научного и духовного просвещения, мудрости и порядочности.

168. «В чем смысл жизни? Можно по-разному определять цель своего существования, но цель должна быть – иначе будет не жизнь, а прозябание. Надо иметь и принципы в жизни. Хорошо их даже изложить в дневнике, но чтобы дневник был «настоящим», его никому нельзя показывать – писать для себя только. Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить. Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим. Ради достоинства жизни надо уметь отказываться от мелких удовольствий и немалых тоже... Уметь извиняться, признавать перед другими ошибку – лучше, чем юлить и врать. Обманывая, человек прежде всего обманывает самого себя, ибо думает, что успешно соврал, а люди поняли и из деликатности промолчали. Вранье видно. Людям особое чувство подсказывает, врут им или говорят правду. Но иногда нет доказательств, а чаще – не хочется связываться... Природа создавала человека много миллионов лет, и вот эту творческую, созидательную деятельность природы нужно, я думаю, уважать, нужно прожить жизнь с достоинством, и прожить так, чтобы природа, работавшая над нашим сознанием, не была обижена. Мы должны в нашей жизни поддерживать эту созидательную тенденцию, творчество природы и ни в коем случае не поддерживать всего разрушительного, что есть в жизни. Как это понимать, как

прилагать это к своей жизни – на это должен отвечать каждый человек индивидуально, применительно к своим способностям, к своим интересам и т. д. Но жить нужно созидая, поддерживать созидательность в жизни. Жизнь разнообразна, а, следовательно, и созидание разнообразно, и наши устремления к созидательности в жизни должны быть тоже разнообразными по мере наших способностей и склонностей. Как вы считаете? В жизни есть какой-то уровень счастья, от которого мы ведем отсчет, как ведем отсчет высоты от уровня моря. Точка отсчета. Так вот, задача каждого человека и в крупном, и в малом – повышать этот уровень счастья. И личное счастье тоже не остается вне этих забот. Но главным образом – окружающих, тех, кто ближе к вам, чей уровень счастья можно повесить просто, легко, без забот. А кроме того, это значит повышать уровень счастья своей страны и всего человечества, в конце концов. Способы различные, но для каждого что-то доступно. Если недоступно решение государственных вопросов, что повышает всегда уровень счастья, если они мудро решаются, то повесить этот уровень счастья можно в пределах своего рабочего окружения, в пределах своей школы, в кругу друзей и товарищей. У каждого есть такая возможность. Жизнь – прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной, ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто добрую атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. Вот, например, в общество человек может принести с собой атмосферу подозрительности, какого-то тягостного молчания, а может внести сразу радость, свет. Вот это и есть творчество. Творчество – оно непрерывно. Так что жизнь – это и есть вечное созидание. Человек рождается и оставляет по себе память. Какую он оставит по себе память? Об этом нужно позаботиться уже не только с определенного возраста, но, я думаю, с самого начала, так как человек может уйти из жизни в любой момент и в любой миг. И очень важно, какую память он о себе оставляет».

(Лихачев Д. Письма о добром. СПб., 2014. С. 13–15).

Вопросы: В чем смысл жизни? Какие разные трактовки смысла жизни Вы знаете? Какой трактовке смысла жизни Вы отдали бы предпочтение? Каким правилом в своей жизни руководствовался автор? Что требуется, чтобы человек сохранил свое достоинство? Как мы должны поддерживать созидательную тенденцию природы? Что человек должен делать, чтобы повысить уровень счастья в своей стране, в пределах своего круга общения, в своей семье? Что такое личное счастье? Как стать счастливым? Как Вы понимаете слова Д. Лихачева: «Жизнь – это прежде всего творчество»; «Творчество тоже можно творить»? Нужно ли задумываться в молодости над вопросом: какую память ты оставишь о себе? Согласны ли Вы с позицией Д. Лихачева?

III. Восточная философия

Конфуций (551–470 гг. до н. э.) – известный китайский философ.

169. «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью (правдивостью), обильною любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если по исполнении сего останется свободное время, то посвящать его учению.

Если мы будем рачительны в отдавании последнего долга родителям и будем вспоминать об отошедших, то народная нравственность улучшится.

О том благородном муже, который в еде не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается, для исправления себя, к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться.

Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей.

Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить Северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее.

Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, то у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться.

Кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других.

Кто есть благородный муж? – Тот, у которого дело предшествует слову.

Благородный муж заботится об общих, а не о групповых интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о групповых, а не об общих интересах.

Что нужно сделать, чтобы покорить народ? – Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет покорен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен.

Как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру? – Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру.

Богатство и знатность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не пользуется, если они достались незаконным путем. Бедность и низкое положение служат для человека предметом отвращения, но благородный муж не гнушается ими (не отвергает их), если они не заслужены... Благородный муж ни на час не расстается с гуманностью, в суматохе и в разорении она непременно с ним.

Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий – жаждет корысти. Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду.

Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней; не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы тебя могли знать.

При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного – исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков).

В древности не давали легкомысленного слова из опасения посрамиться неисполнением его.

Редко совершают ошибки те, которые ведут себя сдержанно.

Благородный муж желает быть медленным на слова и быстрым на дела.

Благородный муж скромнен по своему поведению, почтителен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним и малых лелеять.

Когда природа берет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность преобладает над природой, то мы имеем лицемерие; и только пропорциональное соединение природы и искусственности дает благородного человека.

То, что мы не преуспеваем в добродетели, не уясняем себе изучаемого, не можем устремляться на зов долга и не в состоянии исправить свои недостатки, – вот о чем я скорблю.

Кто не имеет чего-либо и делает вид, что имеет; пуст, а делает вид, что полон; беден, а делает вид, что богат, – тому трудно быть постоянным.

Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуманность и забавляйся свободными искусствами.

В молчании обогащать себя познаниями, учиться с ненасытной жаждой и просвещать людей, не зная усталости.

Если ныне человек при виде корысти думает о долге, при виде опасности готов пожертвовать жизнью, отдает людям давно обещанное и не забывает слов, данных в жизни, то такого можно назвать совершенным».

(Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. П.С. Попова. СПб., 2013. С. 7, 8, 10, 12, 13, 16, 17, 19, 20, 35, 36, 37–39, 45, 49, 50, 57, 61, 62, 67, 135).

Вопросы: Проанализируйте высказывания Конфуция. Как должна вести себя молодежь? Какими добродетелями должен обладать «благородный муж»? Как, с точки зрения Конфуция, расположить к себе народ и руководить им? О чем скорбит Конфуций? Какие недостатки человека он выделяет? Какого человека, по его мнению, можно назвать совершенным? Какие мысли Конфуция Вам понравились? Могут ли его высказывания пригодиться Вам в Вашей жизни? Актуальны ли эти высказывания?

Индийская философия: Раджа-Йога и Агни-Йога.

Раджа-Йога – Йога царственная, путь самопознания, ведущий к достижению «великого самоуглубления» – махасамадхи.

Агни-Йога – Учение Жизни, данное из глубин Космоса Великими учителями Махатмами и переданное через Е.И. Рерих и Н.К. Рериха всему человечеству, раскрывает тайну космической эволюции человечества, дает знания и цели, открывающие человеку путь беспредельного совершенствования на Земле и Космосе.

Дух и психический мир человека

170. В Радже-Йоге (учении йогов о психическом мире человека) выделяются основные этапы развития сознания: «1-й этап – «простое», или «физическое, сознание», свойственное высшим животным и некоторым людям, характеризуется «осознанием» им внешнего мира, о котором свидетельствуют чувства, и сознанием наличности «тела», принадлежащего животному или человеку. 2-й этап – «ментальное сознание», свойственное человеку. Оно признает существование внутреннего «Я», обращает внимание внутрь себя и способно «познать себя». Именно ментальное сознание дало чудесную работу интеллекта, выразившуюся в достижениях человека. 3. Выше ментального сознания идет еще более высокое сознание – это «сознание Я»: «Я» знает, что оно реально, что оно коренится в высшей реальности, лежащей в основе вселенной и причастно к ее сущности. Этим сознанием обладают некоторые представители человеческого рода. Есть различные ступени этого сознания, как и ментального, так и физического. 4. Еще более высокой стадией, присущей лишь немногим представителям человечества, является **«космическое сознание»** как сознание, что вселенная полна жизни, движения, разума».

(Йог Рамачарака. Раджа-Йога. Учение йогов о психическом мире человека. СПб., 1914. С. 73–80).

Вопросы: Являются ли подобные рассуждения актуальными для нас? Чем характеризуются разные этапы развития сознания? На каком этапе развития сознания Вы находитесь? Назовите представителей человечества, которым присуще «космическое сознание».

171. «Умственные процессы не ограничиваются полем сознания, ученые утверждают, что поле подсознательного мышления гораздо обширнее поля сознательного мышления. Не только верно, что ум может вместить в сознание лишь один факт в каждое мгновение и что, следовательно, лишь весьма малая частица нашего знания может присутствовать в сознании каждое данное мгновение, но верно и то, что сознание играет лишь очень небольшую роль в

совокупности умственных процессов или мышления. Ум не сознает большую часть своей деятельности».

(Йог Рамачарака. Раджа-Йога. Учение йогов о психическом мире человека. СПб., 1914. С. 71).

Вопросы: Тожественны ли понятия «ум» и «сознание»? Как ум и сознание взаимосвязаны друг с другом? Согласны ли Вы с тем, что «поле подсознательного мышления обширнее поля сознательного мышления»? Как Вы думаете: какую роль играет подсознательное мышление? Можно ли принижать значимость сознательного мышления в жизни человека? Как соотносятся сознательное и подсознательное мышление? Интуиция – это результат подсознательного или сознательного мышления? А может быть, интуиция – это результат взаимодействия сознательного и подсознательного мышления?

172. «Как материя, из которой состоят наши тела, в действительности находится в соприкосновении со всею материей и как наша жизненная сила, которой мы пользуемся, находится в соприкосновении со всей энергией, точно так же наша умственная субстанция находится в соприкосновении со всей умственной субстанцией... Как все «Я» вселенной тесно связаны одно с другим, точно так же все они соединены с Абсолютом».

(Там же. С. 36).

Вопросы: Какая философская позиция проявляет себя в данном рассуждении? Какой диалектический принцип – принцип развития или принцип всеобщей связи – находит отражение в этом отрывке? Можно ли это сравнить с христианской идеей о том, что «Бог живет в каждом»?

173. «Человек заключает в себе три подразделения ума, которые все находятся ниже плоскости духа... Низшей частью ума является то, что мы называем инстинктивным умом... В инстинктивном уме сохраняются следы старых боевых инстинктов животного; все желания, страсти, чувства, ощущения, эмоции и пр., – словом, все, что мы наследовали от прошлого. Ему принадлежат слепые чувства, а также все желания тела. У животных и у первобытного человека инстинктивный ум не имеет над собой никакого контроля. У человека, достигшего известной степени развития ума, появляются высшие желания-стремления, которые идут от высших частей ума. Ту часть ума, которая рассуждает, анализирует, думает и пр., мы называем интеллектом. Интеллект есть только орудие истинного «Я», а вовсе не само «Я». Третье и высшее умственное начало есть то, что называется духовным умом. Эта область ума есть источник того, что мы называем «гением», «вдохновением», «духовностью» и всего того, что мы считаем высшим в нашей психике. Все

великие идеи проникают в наше сознание из этой части ума... всё, что клонится к справедливости, к милосердию, к неэгоистической любви, к симпатии, братству – всё это идет из медленно раскрывающегося духовного ума... Но даже эта великая и удивительная часть ума есть только орудие – необыкновенно тонкое и сложное, но все-таки орудие истинного «Я», или истинного существа человека... Каждая часть ума – по-своему хороша и необходима. Только пользуясь своим умом, человек способен достигать знания своей истинной природы и своего истинного «Я»... Постепенный прогресс может совершиться только путем развития и совершенствования умственных способностей человека. Важно, чтобы интеллект не ставил препятствий истинам, готовым проникнуть в него из области духовного мира, знающего Истину. Учителя Раджа-Йоги пытаются направить человека в этом направлении».

(Йог Рамачарака. Раджа-Йога. Учение йогов о психическом мире человека. СПб., 1914. С. 19–22).

Вопросы: Какие три подразделения ума находятся ниже плоскости духа? В чем ограниченность «инстинктивного ума»? Нужен ли современному человеку «инстинктивный ум»? Чем отличается интеллект от «духовного ума»? Откуда проникают в наше сознание высоконравственные идеи? Какая часть ума является источником вдохновения? Может ли интеллект вступать в противоречие с «духовным умом»? Может ли высокий интеллект быть безнравственным, бездуховным человеком? В каком направлении учителя Раджа-Йоги «пытаются направить человека»? Какие области ума в большей степени развиты у современного человека? Какими частями Вашего ума вы обычно пользуетесь и для чего? Какие части Вашего ума помогают Вам в получении образования?

174. «Существуют подсознательные и надсознательные плоскости ума у человека. К подсознательным плоскостям ума относятся: 1) ум, «ведающий привычками» – бессознательное (он содержит лишь то, что вложено в него самим субъектом); 2) интеллект, или способность бессознательного рассуждения (подсознательное). К надсознательным плоскостям ума относятся: 1) интуиция (в этой области обитает гений); 2) выше интуиции находится плоскость космического знания, в котором идет осознание единства всего существующего. Человечеству предстоит познакомиться как с космическим сознанием, так и с другими высшими формами сознания».

(Там же. С. 89–94).

Вопросы: Какие подсознательные и надсознательные плоскости ума существуют у человека, по мнению йогов? Как в этой связи они представляют структуру психического мира человека? Верно ли

утверждение, что сознание и ум тождественны между собой и что ум сознает всю свою деятельность? Г. Лейбниц был одним из первых западных философов, выдвинувших идею существования таких областей умственной деятельности, которые лежат вне плоскости сознания. Как Вы относитесь к позиции Г. Лейбница? Как соотносятся позиции Г. Лейбница и йогов в этом вопросе? О каких особенностях человеческой психики здесь идет речь? И. Кант писал: «Иметь идеи и вместе с тем не сознавать их – в этом как будто есть противоречие. Тем не менее мы можем непосредственно знать о существовании в нас мысли, хотя бы мы прямо и не сознавали ее». Где находится эта мысль? Какими плоскостями ума обладали Нострадамус и Ванга?

175. «То, что мы называем «оригинальностью», получается из этой области, ее способности передают сознательному уму некоторые понятия об истине, более высокие, чем те, которые интеллект сам по себе мог выработать, и возникающее таким образом произведение называется гениальным».

(Йог Рамачарака. Раджа-Йога. Учение йогов о психическом мире человека. СПб., 1914. С. 92).

Вопросы: О какой плоскости ума здесь идет речь? В чем выражается сознательная, подсознательная, бессознательная и, может быть, надсознательная деятельность Вашего ума при подготовке к зачетам и экзаменам? Как Вы относитесь к идее иерархии различных плоскостей ума?

176. «Каждому человеку известно, что он может изменить свой характер, энергично подавляя одни наклонности и путем систематического упражнения воспитывая в себе другие, и, конечно, многие из тех, кому попадутся в руки эти строки, знакомы с этими приемами. Но только в последние годы стали распространяться в публике сведения о том, что можно изменять, смягчать и переделывать характер, рассудительно пользуясь подсознательными способностями ума... Йоги давно уже утверждали, что характер, т. е. сырой грубый материал, получаемый нами при рождении, подлежит изменению, и что у обычного человека он со временем меняется под влиянием внешних обстоятельств, а человек, обладающий мудростью, сам изменяет и воспитывает свой характер. Йоги изучают характер своих воспитанников и дают им советы – искоренять нежелательные черты, и, наоборот, развивать желательные. Основанием для йоги в деле воспитания характера служат удивительные способности подсознательной плоскости ума... Йоги говорят, что строгие приемы противоречат целям природы, что лучший способ – подражать природе и постепенно развивать желательные черты с помощью сосредоточения на них воли и внимания. Искоренение же нежелательных черт совершается путем воспитания в себе черт противоположных. Если ученик желает преодолеть в

себе чувство страха, ему советуют отнюдь не сосредотачивать своего внимания на этом чувстве с целью его искоренения, а, напротив, мысленно уверять себя, что он вовсе не испытывает страха, и затем сосредоточить все свое внимание на идеале смелости. По мере того как смелость развивается в характере, страх постепенно исчезает. Положительное всегда берет верх над отрицательным. Весь секрет этого подсознательного метода заключается в слове «идеал». Назидание сводится к тому, что можно достичь идеалов, обращая на них особое внимание. В виде примера ученику говорят о розовом кусте, который будет расти и цвести тем роскошнее, чем внимательнее за ним будут ухаживать, и наоборот... Ученику поручают развить в себе какую-нибудь умственную черту, советуя подолгу мысленно останавливаться на ней, упражнять воображение и мысленно «видеть» себя уже обладателем желаемого качества. Ему дают мантрам, или «утверждение», чтобы он его повторял. Это для того чтобы у него был центр, вокруг которого он и мог бы создать идеал. Слова, употребляемые в таких случаях, обладают могучей силой при том, конечно, условии, если произносящий их в это время думает о значении этих слов и рисует в своем воображении качество, выраженное этими словами, а не повторяет их, как попугай. Йоги воспитывают ученика постепенно, пока тот не приобретает искусства сознательно направлять подсознательный ум в деле воспитания характера. Это искусство становится достоянием каждого, где бы он ни жил, кто хочет им заняться... Кто постоянно думает о себе как о неудачнике, приниженном судьбой, тот склонен мысленно выращивать идеалы именно этого плана, пока они не закабалят его окончательно, и каждое его действие не будет клониться к объективированию этих мыслей... Характер человека в широком смысле – есть результат мыслей, которые господствуют в его уме, и тех идеалов, которые он рисует в своем воображении».

(Йог Рамачарака. Раджа-Йога. Учение йогов о психическом мире человека. СПб., 1914. С. 104–105).

Вопросы: Можно ли изменить свой характер? Какую роль играют сознательная и подсознательная деятельность ума в воспитании характера? Подумайте над примерами. Может ли человек совершенствовать свое тело и ум? Что думают по этому поводу йоги? Какую роль в подсознательном методе играет «идеал»? В чем сущность подсознательного метода? Каков будет результат, если человека постоянно убеждать, что он неудачник? Составьте мантрам, или «утверждение», необходимое для формирования желательной черты Вашего характера. Понаблюдайте, будет ли это способствовать объективированию Ваших идеалов успеха и совершенствования. Проанализируйте причины, влияющие на формирование характера человека: 1) результат опытов, вынесенных из предыдущих жизней; 2) наследственность; 3) среда (социальная); 4) внушение, исходящее от других лиц; 5) самовнушение; 6) влияние космоса и природы. Как бы Вы

их расположили по значимости? Какую роль в подсознательном методе играет самовнушение?

177. «Пока человек не пожелает изменить свой характер, он и шагу не сделает в этом направлении. И сила воли будет вложена им в дело пропорционально силе желания. В деле воспитания характера главную роль играет желание приступить к этой задаче, если вы не находите, что желание это настолько велико, чтобы заставить вас проявить настойчивость и энергию, необходимые для того, чтобы довести дело до успешного конца, то вы должны предварительно возбудить в себе это желание. Достичь этого можно, настойчиво удерживая мысли на предмете, пока не явится желание. Этот способ довольно рискованный, в чем многим приходилось на себе убедиться, к своему несчастью. Ведь можно возбудить в себе как хорошие, так и дурные желания. Так, молодой человек не желает предаваться излишествам разгульной жизни, но он слышит, что многие ведут такую жизнь, и он невольно мысленно останавливается на этом вопросе и занимает им свое воображение. Потом он начинает чувствовать, что желание постепенно пускает ростки, и, если он будет поливать их, т. е. мысленно заниматься этим вопросом, то недолго ему придется ждать пышного расцвета этого желания, которое он, конечно, попробует выразить в действии... Многими безумными выходками и преступлениями люди обязаны именно этому взращиванию желания в своем уме, культивированию растущего желания... Одинаково легко взращивать как здоровые, так и нездоровые желания. Если вас одолевают желания, которые вы находите вредными для себя, старайтесь отделаться от них взращиванием противоположных желаний. Отказываясь думать о предосудительных желаниях, вы отказываете им в умственной пище, которая и обуславливает их рост. Не позволяйте вашему уму останавливаться на таких желаниях и решительной рукой отведите в сторону ваше внимание, главным образом, ваше воображение. Отказываясь от предосудительного желания, вы в то же время должны непременно взращивать желание совсем противоположного характера, прямо противоположное тому, что стараетесь уничтожить. Рисуйте в своем воображении противоположное желание, думайте о тех преимуществах, которые возникнут, когда вы вполне овладеете им. Желание будет расти и расти, и вы вскоре захотите обладать этой чертой характера... Затем вы должны быть готовы к следующему шагу, который мы назовем «верой», или «доверчивым ожиданием». Чем больше веры, доверчивого ожидания, человек вносит в дело воспитания характера, тем более блестящим будет его успех. И это на основании точно установленных психологических законов. Вера, доверчивое ожидание, расчищают умственную тропу и облегчают работу, тогда как сомнение, или отсутствие веры, служат препятствием. Сильное желание и вера – вот две первые ступени. Третья – сила воли. С таким тройным оружием ничего, кроме успеха, нельзя ожидать. Теперь начинается настоящая работа по выработке новой привычки характера... Воспитание характера есть создание привычек, и изменение характера есть изменение привычек. При этом следует

помнить, что привычка есть продукт подсознательного мышления. Правда, привычки берут свое начало в сознательном уме, но, раз установившись, они опускаются в глубины подсознательного мышления. Таким образом, формирование и воспитание характера близко соприкасается с установлением привычек... А каков научный способ для установления привычек? Йоги отвечают: «Представьте себе умственный образ и затем созидайте вокруг него вашу привычку». И в эту сжатую фразу они вложили целую систему... Если вы желаете привить себе известную черту характера, вы должны создать ясный, точный образ того, чем желаете быть. Нарисуйте ясную, точную картину, укрепите ее в вашем уме и начинайте строить вокруг нее. Старайтесь вообразить, что вы уже обладаете желаемой чертой и проявляете ее в действии. Продолжая действовать в этом направлении, вы вскоре заметите, что начинаете выражать мысль в действии – объективируете субъективный умственный образ. Вам уже покажется естественным действовать все более и более в согласии с вашим умственным образом, пока, наконец, новая привычка не водворится в вашем уме и не станет вашим естественным способом действия и выражения».

(Йог Рамачарака. Раджа-Йога. Учение йогов о психическом мире человека. СПб., 1914. С. 106–112).

Вопросы: Какую роль в деле воспитания характера играют желание, воображение, вера, воля? Как возбудить в себе здоровые желания и отказаться от предосудительных желаний? Какую роль в изменении характера играют привычки?

Проанализируйте слова поэта:

«Чудовищен с виду порок,
Увидишь – тот час возненавидишь,
Но ближе взглядевшись в него,
Стерпишь, пожалеешь, а потом и обнимешь».

Какую роль в культивировании растущего желания играют сознательная и подсознательная деятельность ума?

Что означают следующие слова: «Посеете действие, пожнете привычку, посеете привычку, пожнете характер, посеете характер, пожнете судьбу». Проанализируйте данное высказывание с точки зрения соотношения сознательного, бессознательного и подсознательного. Как формировать новые привычки? Какую роль в развитии личности играет самовоспитание? Проанализируйте афоризм Г. Спенсера, английского социолога и философа: «Высшая способность самоконтроля есть одно из совершенных качеств идеального человека. Не поддаваться без разбора всяким импульсам, не бросаться без разбора туда и сюда в угоду каждому своему желанию, но быть сдержанным, уравновешенным, управляемым правильным решением чувств, собравшихся на совет...» Считаете ли Вы «способность самоконтроля одним из совершенных качеств идеального человека»?

178. «Качество психической энергии значительно. Правильно предполагать, что потенциал психической энергии разлит в низших организмах. Он дает инстинкт, но не сознание. Он отвечает низшим слоям атмосферы и вращается в них. Он будет затрагивать центры низшей половины организма. Поэтому надо уметь управлять психической энергией, посылая ее на подвиг. Психическая энергия утончается образом мышления. Стремление ввысь есть лучшее задание для центра колокола. Конечно, нельзя заставить себя мыслить вверх, это направление мышления становится естественным после долгого опыта. Значит, хотя именно психическая энергия возносит нас, но сознание, ею порожаемое, утончает качество энергии. Явление утончения энергии может быть отражено в излучениях. Умение зафиксировать излучения будет ознаменованием победы сознания».

(Агни Йога / сост. А.А. Мовчанюк, Н.В. Базлов. СПб., 1992. С. 159).

Вопросы: Как соотносится психическая энергия и сознание? Что «утончает качество психической энергии»? Как Вы понимаете фразу: «Надо управлять психической энергией, посылая ее на подвиг»?

179. «Можно лишь светлым сознанием управлять психической энергией, чтобы не засорить путь свой прошлыми посылками. Часто мысль случайная и несвойственная надолго мутит поверхность океана достижений. Человек уже давно забыл о мысли своей, но она продолжает лететь перед ним, освещая или затемняя путь. К сиянию луча припадают малые светочи, обогащая его. К сору присасываются темные, пыльные части, пресекая движение. Когда говорим – «летите светло» или «не сорите» – предупреждаем о действии. Все сказанное о психической энергии относится к каждому действию... Психическая энергия заложена во всей природе и особенно выражена в человеке. Как бы человек ни пытался забыть о ней, психическая энергия напомнит о себе, и дело просвещения – научить человечество обращаться с этим сокровищем».

(Там же. С. 161).

Вопросы: Где содержится психическая энергия? Психическая энергия свойственна только человеку или всей природе? Почему не следует допускать плохих мыслей? Как светлые мысли влияют на психическую энергию? Чему необходимо научить человечество?

180. «Как гниение закрытое поражает все тело, так не изжитое в духе не позволит расти сознанию. Не мудро сказать – вырви скверну свою, но лучше сказать – пусть благое наполнит сущее твоё. Утро заменит ночь! Нужно просто наблюдать за разными проявлениями психической энергии. Она может быть

освободителем или поработителем, как будет направлена... Лишь очищение сознания пошлет психическую энергию в правильном направлении».

(Агни Йога / сост. А.А. Мовчанюк, Н.В. Базлов. СПб., 1992. С. 162).

Вопросы: Что может мешать развитию сознания? Как Вы понимаете выражение: «Пусть благое наполнит душу твою»? Как можно направить психическую энергию в правильном направлении?

181. «Беспроволочное сообщение лишь передает мысли, тогда как психическая энергия не только немедленно передает, но человек также немедленно принимает их к исполнению. Не ошибемся, если скажем, что половина мира исполняет внушенные приказы и нет расстояний для психической энергии. Опять кто-то скажет – но психическая энергия является опасной для государств. Отметим – конечно, все непримененные энергии опасны, но они существуют, и приходит время сознательно применить их к жизни. У всех есть запас психической энергии, но, неиспользованная, она обращается в безобразное отложение, называемое склерозом, когда можно дать ей мудрое применение... Очень ценно, если пространственная мысль может быть призвана к сотрудничеству... Убийство психической энергии есть преступление, равное невежеству. Также убийства, совершенные неорганизованной психической энергией, неисчислимы».

(Там же. С. 164).

Вопросы: Какими свойствами обладает психическая энергия? Как Вы относитесь к тому, что психическую энергию необходимо мудро применять?

182. «Если хотите проверить, кто подвержен низшим воздействиям, предложите в собрании действие общего блага. Будьте уверены, что возражатели не являются освобожденными от мертвой материи. Мало кто может скрыть свою сущность».

(Там же. С. 170).

Вопрос: Каким образом можно выявить сущность человека?

183. «Совсем не так просто научиться мыслить. Трудно развить напряжение мысли, но еще труднее достичь высокого качества помысла. Часто разумом человек твердит себе: буду мыслить чисто, но сущность его привыкла к эгоистическим мыслям. Тогда получается самая нежелательная форма мысли... Мысль может иметь мощь, пока она совершенно монолитна, но всякая трещина не только лишает силы, но космически вредна, внося в пространство

диссонанс... Радует разнообразию мышления, но каждая мысль должна быть чиста, как алмаз... Духовное напряжение накапливает психическую энергию. Духовное напряжение может вести в любые сферы астрала».

(Агни Йога / сост. А.А. Мовчанюк, Н.В. Базлов. СПб., 1992. С. 116).

Вопросы: Что значит мыслить чисто? Какая форма мысли является, по мнению йогов, самой нежелательной? Как влияют мысли эгоистов и эгоцентристов на пространство? Как вы считаете: духовное напряжение ведет к истощению или накоплению психической энергии?

184. «Психическая энергия имеет аккумулирующее свойство. Значит, эта энергия может быть накапливаема на предметах, которые вызовут напряжение воли. Успешное накопление энергии может даже заставить предмет светиться или сообщать мысль внушенную. Вот научное объяснение священных предметов... Люди с запасом психической энергии должны составлять сокровище государства... Каждый собственник сознательной энергии будет сам по себе общественным благом».

(Там же. С. 172–173).

Вопросы: Материальна ли психическая энергия? Приведите примеры аккумуляции психической энергии на предметах. Почему произведения живописи могут оказывать очень сильное воздействие на человека? Почему необходимо беречь людей, обладающих запасом психической энергии? Согласны ли Вы с этими рассуждениями?

185. «Расцвет страны всегда творится с космическими воздействиями. Коллектив устремленных мыслей притягивает из пространства нужные наслоения явленных посылок. Клише открытий великих носят в пространстве. Те, кто может напрячь свою психическую энергию в ритм космических энергий, те примут в сознание сокровища. Расширение сознания направит к цепи соединения всех творческих сил Космоса. Упадок страны, накопившей уже из сокровищницы, есть результат отрицания явления причинности космических воздействий. Когда людское самомнение доводит сознание до границы превращения и Эго делается идолом, тогда закрываются Врата. Личность становится отражением улыбки космического действия, когда она считает себя неотъемлемой частью существующего, явленного Космоса. Истинно, человек есть высшее проявление Космоса. Истинно, он выбран нареченным строителем и собирателем всех сокровищ Вселенной. Истинно, название «человек» означает утверждение творчества... Вездесущ Разум Космоса. Во всем пространстве проявлен закон руки его. От химизма до функций явлений жизни он управляет началом всего Бытия. Этот вопрос волновал многие сознания. Трудно отрицать этот всемогущий Разум Космоса,

который своим дыханием проникает во все слои тверди. Но люди обычно отворачиваются от Истины сознательно... Наши ученики могут торжествовать, накапливая земное достояние, устремленным сознанием переносясь к высшим мирам. Не лучше ли служить явлению великой, вечной переработки и трансформации от низшего к высшему, чем быть слугою застоя?.. Дух, решивший трудиться беспредельно, влечет устремленных за собою. Так мысль огненная зажигает мост пространства, и магнит духа сияет устремлением Космоса».

(Агни Йога / сост.: А.А. Мовчанюк, Н.В. Базлов. СПб., 1992. С. 227– 229).

Вопросы: Связаны ли психическая энергия человека с космическими энергиями? Что имеют в виду йоги, заявляя, что «те, кто может напрячь свою психическую энергию в ритм космических энергий, те примут в сознание сокровища»? Благотворно ли «расширение сознания» для развития страны, человеческой цивилизации? Когда «Эго становится идолом» в сознании людей, как реагирует Космос? Как это влияет на развитие страны? Каково назначение человека? Что означает, по мнению йогов, название «человек»? Кто «управляет началом всего Бытия»? Как связаны Разум Космоса и «устремленное сознание» человека?